

№ 10

2012

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Зам. главного редактора Р. К. БЕГЕМБЕТОВА

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ**
(г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы),
Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Реквием

Н. Курпякова. Он жил на планете Любви 3
Редакция журнала «Простор». Простой, как песня 5
И. Матвеева. «Мои друзья, всегда я с вами...» 6

Проза

Д. Досжан. Человек песков — Абориген. *Повесть (окончание)* 11
Ж. Ергалиев. Старая арба. *Повесть* 57
Л. Розин. Ошарашунг. *Роман (продолжение)* 87

Поэзия

Н. Ораз. «И у меня есть моя Луна...». *Стихи* 52
Л. Барламова. «Любовь, меня не обмани...». *Стихи* 81

Документальная проза

И. Стругова. Архипелаг Гудлак (*продолжение*) 103

© «Нива», 2012, Астана

Занимательное языкознание

В. Киянский. Евразии лик в общих звуках. *Казахско-русский ассоциативный словарь (продолжение)*..... 129

Критика и литературоведение

И. Тулиганова. Камертон настроения 144

Искусство

Л. Мартынова. Минувшее в грядущем оживёт 149

Далёкое — близкое

С. Беккулова. Мы — родом из детства 153

В семейном кругу

В. Ножкина. Дырка от бублика; Магазинные истории; Рерихи. *Рассказы*..... 161

Из почты «Нивы»

Б. Ахмедиев. Неточность в языке — сумбур в голове 159

Приключения. Детектив. Фантастика

И. Масалин. Кетоз. *Повесть-сказка* 173

Сатира и юмор

А. Лопатин. Вредная привычка 187

Изоальбом «Нивы»: из работ Шангеря Ибраева.

К сведению читателей

В августе и сентябре 2012 года сайты нашего журнала **www.niva-kz.narod.ru** и **www.niva.ucoz.kz** посетили 1899 читателей из 20 стран: 1222 из них — жители Казахстана, 325 — россияне. Остальные представляют Германию, Финляндию, Польшу, Израиль, США, Азербайджан, Исландию, Украину, Венесуэлу, ОАЭ, Бельгию, Беларусь, Канаду, Китай, Чешскую Республику, Эстонию, Францию, Великобританию.

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

28 августа 2012 г. в Астане простились с Владимиром Гундаревым – самобытным поэтом, публицистом, общественным деятелем, основателем и главным редактором журнала «Нива».

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Для Целинограда, куда Владимир Романович приехал в далёкие 60-е, он был личностью заметной. Причём знали не только стихи и статьи, но и самого автора, ведь известный поэт и журналист даже внешность имел примечательную: неизменные окладистая борода, массивные очки, трубка, объёмистый портфель... В глубине души мы даже подозревали, что и его знаменитая «Деревенька» посвящена нашим краям...

В 90-е годы Владимир Гундарев был редактором газеты «Столичный проспект» – издания честного, ершистого, сразу полюбившегося горожанам. А вот его идея издавать литературный журнал (что, как свидетельствует история, и делают настоящие поэты) поначалу казалась и чудачеством, и безрассудством – наступали явно не по-

этические времена. Понимал ли это Владимир Романович? Наверное, да. Но он был великим романтиком и настоящим героем своего времени: он выбрал «Ниву» делом своей жизни и служил ему преданно, истово.

Одна из его книг называлась «Я живу на планете Любви». Подаренный мне экземпляр сопровождается авторская надпись, точно отражающая мировосприятие поэта: «Очень жаль, что на планете Земля войны, конфликты, беды, несчастья. Но я к этому не причастен, поскольку я живу в другом мире, на планете Любви». Он сумел не прогнуться под изменчивый мир, а особым – гундаревским – способом и упорством «обустроить» пространство вокруг себя, сделать его уютным и тёплым для многочисленных друзей и людей, дорожащих красотой слова, верящих в духовные ценности. Жизнь и творчество Владимира Гундарева позволяли полагать, что созидание и бескорыстие, любовь и вера – это не миф, а реальность.

Провинциальный город стал столицей Казахстана, а «Нива» – востребованным республиканским журналом, обретшим авторитет и в литературном зарубежье. Владимир Романович вёл активную творческую жизнь, его приезда ждали в разных уголках республики, крепили связи с литераторами и изданиями России, где также знали и любили казахстанскую «Ниву». Можно утверждать, что «Нива» – один из культурных брендов молодой столицы.

Владимир Романович – образцовый редактор. Он не терпел графоманов, был требователен, скрупулёзен, дотошен, но и – бесконечно терпелив с молодыми и самодеятельными авторами, чьи тексты пестрели редакторскими правками, сделанными уверенным бисерным почерком. «Нива» стала стартовой площадкой для многих отечественных (и не только) поэтов, прозаиков, журналистов. Дорогу в редакцию хорошо знали участники международного фестиваля «Шабьт», произведения которых Владимир Романович всегда изучал с особым вниманием, радовался их первым успехам, следил за дальнейшим творчеством. Другого такого внимательного редактора и заинтересованного собеседника сегодня у молодых литераторов республики, к сожалению, нет.

В августе вышел юбилейный – 200-й – номер «Нивы». Её редактор вписал после традиционного «Содержания» несколько строк: «... Надеемся, что вы будете читателями и 300-го номера, который выйдет в декабре 2020 года».

Больно и горько писать о Владимире Романовиче в прошедшем времени. Однако уже сейчас сотрудников редакции «Нивы», его авторов и читателей не может не волновать дальнейшая судьба журнала, ставшего уязвимым без его редактора и хранителя. Хочется надеяться, что Союз писателей, Министерство культуры и информации, друзья поэта не останутся равнодушными к будущему «Нивы», поддержат её. Тогда мечта поэта осуществится: у «Нивы» будут новые юбилеи. Сегодня 200 номеров журнала – это уникальный архив двадцатилетней литературной жизни Казахстана, а сама «Нива» – перспективное издание, значимое и для Астаны, и для культурного имиджа нашей страны.

... Владимир Гундарев, оставаясь земным человеком, всё-таки жил на планете Любви и был уверен, что если люди станут добрее друг к другу и будут чаще улыбаться, то «тогда моя планета / Станет центром всей Вселенной / Вопреки наукам точным, / Обоснованным законам!». Дерзновенное и прекрасное пожелание поэта...

Наталья КУРПЯКОВА

(«Казахстанская правда», 30 августа с.г.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПЕСНЯ

У поэта Владимира Гундарева всегда было много читателей. Стихи его любили. А весь секрет в том, что читатель ищет в стихах понятные слова, простые, как в песне. Гундарев именно так и писал, и находил такие слова. Простые, да не простые. Был в них особый магнит, который даруется вместе с талантом, было дыхание глубинной, народной поэзии, бесхитростной, на первый взгляд, но достающей до сердца. Недаром его раннее стихотворение, написанное в начале 70-х годов прошлого века, «Деревенька моя деревянная» стало поистине народной песней. Её поют до сих пор. В ней прославил он сибирскую деревню Кыштовку. Владимир Романович Гундарев – почётный гражданин Кыштовского района Новосибирской области Российской Федерации. Там он и родился, 19 июля 1944 года, перед самым концом войны, и перенёс все тяготы послевоенной жизни.

Но он был рождён от неунывающего, крепкого крестьянского корня и трудностей никогда не боялся, а ещё он всю жизнь был романтиком. Это видно и по его стихам, и по его житейскому поведению. Именно романтика в 1961 году привела его, как и многих молодых энтузиастов, в Казахстан, в тогдашнюю столицу Целинного края – город Целиноград. Здесь он сложился как поэт, а в сложном 1990 году создал собственный литературный журнал «Нива», который сумел удержать на плаву, убеждая меценатов помогать литературе, выдерживая суровую конкуренцию на издательском рынке, привлекая в журнал лучших авторов Казахстана и стран СНГ.

Журнал поначалу был региональным, а стал – республиканским. Помогали настойчивость, обаяние человека мягкого, искреннего и доброжелательного, а также, конечно, писательский авторитет и любовь к слову. Кропотливая, терпеливая ежедневная работа с авторами не всем видна, но без неё невозможна успешная редакторская работа, которой Владимир Романович отдавал силы и время до последнего дня жизни. У «Нивы» – свои подписчики и читатели, журнал отмечен рядом зарубежных премий.

Творчество самого Владимира Романовича тоже было отмечено и в Казахстане, и писательским сообществом СНГ: он стал лауреатом Международной литературной премии «Алаш», лауреатом Республиканской литературной премии им. Павла Васильева, награждён Пушкинской медалью, которую ему совсем недавно вручили в посольстве Российской Федерации в Астане за вклад в развитие культурных связей, за заслуги в области культуры и искусства, просвещения, гуманитарных наук и литературы.

Владимир Романович прожил по нынешним временам короткую жизнь, и в то же время жизнь его была большой, наполненной, он многое успел, много написал. Писал до последних дней, несколько книг вышло совсем недавно. Он словно бы торопился исполнить задуманное. Он был полон жизнелюбия, несмотря на тяжёлую болезнь сердца.

Гундарев – автор более двадцати поэтических и документально-художественных книг, среди них такие известные, как «Деревня моя деревянная», «Зимопись», «Светлынь-река», «Ветка молнии», «Семь дней и вся жизнь», «В сердце и памяти поколений», двухтомник «Розы и полынь», «Душа стремится к небесам», «Без пяти двенадцать» и другие. Владимир Романович переводил поэтов Казахстана, Украины, Туркменистана. Его произведения переведены на казахский, украинский, немецкий, словацкий, корейский, французский, испанский, португальский и другие языки. Он был автором ряда сценариев кино-, видео- и телефильмов. Член Союза журналистов СССР (Казахстана), член Союза писателей СССР (Казахстана).

У него были прекрасные замыслы, которые бы он выполнил непременно. Но – жизнь оборвалась. Он умер утром 25 августа. Умер мгновенно. Сердце остановилось. И в одной из последних его подборок в журнале «Простор» особой печалью пронизаны вот эти строки, которые звучат, как реквием:

*Белёсое утро сливается с небом белёсым.
И утро, и небо совсем не имеют границы...
А где-то в степи, а вернее, за степью, над лесом
Нежданно и горько большие заплакали птицы.
Струилось рыдание вместе с сияющим светом,
Так в солнечной ткани – вплетённая нить расставанья.
В поля уходил я, в заречные дали, но следом
Текло, растекаясь, по августу это рыданье...*

И мы скорбим по тебе, Владимир Романович, и никогда тебя не забудем.

Редакция журнала «Простор»

(«Казахстанская правда», 28 августа с.г.)

«□□□□ □□□□□□, □□□□□□ □ □ □□□□...»

Невыносимой болью отозвалась в сердце скорбная весть: не стало Владимира Романовича Гундарева...

Мне сказали: оторвался тромб. Нет, это от души моей что-то оторвалось, выпало...

Разум отказывается верить, а боль заполняет тело – до предела.

Я вспоминаю наши встречи. Собственно, встреч было не так уж и много. Но сразу было видно, что передо мной неординарный собеседник, талантливый поэт, чуткий и деликатный человек.

Ещё до личного знакомства я знала, что Гундарев – настоящий подвижник литературы, что благодаря ему возник и ежемесячно выходит в свет литературно-художественный журнал «Нива» (1-й экземпляр журнала, вышедший в 1991 г., хранится в фондах нашего музея с автографом его автора). Хранятся в фондах и его письма к Владимиру Шестерикову.

Владимир Романович приезжал в наш город, но пути как-то не пересекались. Знакомство было заочным – по книгам, публикациям в журналах и газетах.

И однажды мы присутствовали на мероприятии в областной библиотеке им. С. Муқанова, посвящённом 110-летнему юбилею Магжана Жумабаева. Там же находился и приехавший на торжества Гундарев. Я решилась подойти к признанному поэту, чтобы попросить для музея недавно вышедшую книгу «Я живу на планете Любви». Признаюсь, не без робости подходила, но все мои опасения вмиг рассеялись. С доброжелательной улыбкой Владимир Романович обещал выполнить просьбу, и, действительно, книгу с дарственной надписью передали вскоре в наш отдел.

А в 2006 г. мы встретились в Пресновке, на шуховских чтениях.

К этому времени вышла в свет моя первая книга «За кромкой мечты», и я взяла с собой в дорогу несколько экземпляров. На ходу подписав книгу для Владимира Романовича, обратилась к нему с просьбой, – если возможно, опубликовать в «Ниве» подборку моих стихов из этой книжки. Он согласился.

Прошло несколько месяцев, и моя подборка увидела свет! Это было большой радостью для меня, стимулом для дальнейшего творчества. А потом были другие публикации и – новые встречи.

В 2009 г. мне довелось впервые побывать в Астане и заглянуть в редакцию «Нивы». Запомнились радушие и внимание, с которым встретил меня Владимир Романович, скромность и непритязательность его поведения. Он с гордостью показывал международные награды журнала и ничего не говорил о своих личных заслугах и наградах.

Один из его друзей сказал: счастьем было находиться рядом с ним. Да, это было настоящим счастьем – беседовать с ним о литературе, о новых творческих находках, об очередных публикациях в журнале, да и просто о жизни, о работе.

Он служил Литературе, был незабвенно предан ей. Ему можно было позвонить поздно вечером или в выходной, твёрдо зная, что он в редакции – готовит материалы для очередного номера журнала. Он радовался новым талантливым именам и охотно их печатал.

Во время последней встречи в Астане Владимир Романович передал мне свежий номер журнала с подборкой его стихов «Я буду жить до самой смерти».

*Я буду жить до самой смерти,
Хотя она не за горами...*

Поражаешься его обострённому чувству предвидения своей судьбы.

Бережно храню я и автограф его стихотворения «Женщины 50 лет...», который завершают следующие строки: «Ирине Матвеевой – с добрыми пожеланиями в память о нашем творческом общении в Петропавловске и Астане».

... Последнее утро. Последняя рыбалка на излёте лета. Лето прощалось с нами – и с ним, и он прощался – своими пронзительными и пророческими строками:

... Летом времени круг
завершается круто,
И с волнением жду
я мгновений таких,
Чтоб предчувствием песни
Явилось к нам утро,
Чтобы день
недопетою песней затих...

Песни остались недопетыми. Но те строки, которые он писал радостью и болью души, остались с нами, в нашей памяти, в его книгах.

Держу в руках последнюю книгу. Строгий дизайн. На фоне ночного неба – жёлтый циферблат часов. Остановились часы его земной жизни.

*Мгновенье – и стрелки сомкнутся
На циферблате судьбы...*

Так и случилось. Мгновенно, неожиданно, неотвратимо. А дарственная надпись на книге звучит как наказ: «Ирине Матвеевой – с искренними дружескими пожеланиями новых творческих радостей и всего самого доброго на жизненных дорогах 21 века. В. Гундарев. 22 августа 2012 г.»

Значит, надо дальше жить! И писать! И помнить...

Ирина МАТВЕЕВА

г. Петропавловск.

Телеграммы и скорбные письма соболезнования в связи с кончиной В.Р. Гундарева пришли в адрес его семьи и «Нивы». Публикуем лишь несколько.

***

Ушёл из жизни настоящий Поэт и крупный общественный деятель.

Владимир Романович сумел в суровое нелитературное время создать и поставить на ноги прекрасный «толстый» литературно-художественный и общественно-политический журнал, ныне широко известный в Казахстане и за рубежом.

Владимир Романович был из занесённой в Красную Книгу редчайшей ныне популяции энтузиастов, для которых Литература и Культура – это смысл и образ жизни.

Всё это сочеталось с нехарактерной для многих деятелей культуры доброжелательностью по отношению к писателям и поэтам, в том числе к начинающим. Он бескорыстно открывал перед ними горизонты большой Литературы.

Литература Казахстана и СНГ, мы все понесли невосполнимую утрату. Он был и останется для нас примером отношения к Делу, которое создал и долгие годы нёс на своих плечах.

Памяти В.Р. Гундарева

*Скажи, зачем ты забираешь, Боже,
К себе на небеса, ещё до срока,
Из самых лучших, их ведь так немного.
А нам что делать, спрашиваю всё же?
Возможно ль жить по-прежнему, дыша,
Когда без них ссыхается душа.*

**Профессор, доктор технических наук, постоянный автор «Нивы»
И. Брейдо.**

г. Караганда.

***

Уважаемые друзья, близкие и родные Владимира Романовича!

Примите наши самые искренние соболезнования в связи с преждевременной кончиной главного редактора журнала «Нива» Владимира Романовича Гундарева.

Его имя ещё при жизни было вписано в ряд имён выдающихся людей Советского периода и Республики Казахстан. Он сумел в сложный период создать литературный журнал, который духовно обогащал людей и объединял наше общество.

Лучшей памятью о Владимире Романовиче будет продолжение творческой жизни журнала, а мы, читатели, будем всегда поддерживать его.

Светлый образ Владимира Романовича сохранится на долгие годы в наших сердцах.

Э.Ф. Госсен – академик НАН РК, Лауреат Ленинской премии;

А.С. Трофимов – генеральный директор ТОО «Институт «Казсель-энергопроект»;

Постоянные читатели журнала – Н.Г. Константинова, А.А. Трофимова, В.М. Гуцин и др.

***

Уважаемая редакция журнала «Нива»!

Примите мои искренние соболезнования.

Желаю «Ниве» долгой жизни – это будет лучшей памятью Владимиру Романовичу.

Скорблю вместе с вами.

Сергей Криворотов.

Россия, Астрахань.

***

Уважаемая редакция «Нивы»!

Только что полученная информация просто пронзила сердце... Владимир Романович... дорогой Человек... одна мысль, что он есть на Земле, в Астане... уже поддерживала не только меня, но и многих других в уверенности дальше жить и работать, зная, что будешь услышан! Тонкий поэт и прозаик, чуткий к правде жизни и красоте Слова... Как много можно говорить о таком человеке... К сожалению, живу далеко... в

Германии, но «издалека... из дымки бледно-розовой...» буду с вами в эти печальные дни. Моё глубокое соболезнование близким, друзьям и коллегам...

В глубокой скорби **Рамиса Нигмати.**

Бонн.

***

Коллектив литературного объединения «Магнит» города Темиртау и преданные читатели казахстанского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Нива» выражают глубокие и искренние соболезнования редакционному совету журнала, родным и близким по поводу кончины основателя и главного редактора журнала Владимира Романовича Гундарева. На наш взгляд, казахстанская литература, поэзия, публицистика понесла большую утрату. Ей будет не хватать этого талантливой, принципиального человека и автора.

***

Дорогие друзья, коллеги! Глубоко скорблю по поводу кончины прекрасного человека, замечательного редактора, поэта и публициста Владимира Романовича Гундарева. Он всем нам сделал много хорошего, поднимая имидж казахстанской литературы в глазах мировой общественности. Мир праху Его! Прощай, друг наш незабвенный!

Валерий Могильницкий, председатель Общественного объединения «Союз писателей Карагандинской области».

***

Дорогие друзья! С болью в сердце узнали о безвременной кончине нашего большого друга, замечательного человека Владимира Романовича Гундарева. Своим профессионализмом, высокими человеческими качествами он завоевал любовь и уважение всех, кто его знал. Глубоко скорбим и просим передать слова искреннего соболезнования родным и близким, друзьям и коллегам Владимира Романовича. Светлая память о нём навсегда останется в наших сердцах.

Коллектив Дома-музея П. Васильева.

***

Уважаемые земляки, редакция журнала «Нива»!

С глубоким прискорбием узнал о кончине Владимира Романовича – большого мастера, преданного профессии и делу, много сделавшего для развития литературы, журналистики и журнала «Нива».

Ушёл из жизни человек высокой культуры, по-настоящему творческий, отзывчивый, внимательный и глубоко порядочный.

Разделяю с вами горечь этой невосполнимой для редакции утраты и выражаю вам свои самые искренние соболезнования.

С уважением и наилучшими пожеланиями, **Алексей Бочаров.**

Евпатория, Крым.

Дукенбай ДОСЖАН

Человек песков – Абориген

Повесть

(Окончание. Начало в №№ 8-9 за 2012 год)

Перевод с казахского **Максултана КЕНЕСБАЕВА**

4

– Вылечился! – это слово так обрадовало Аборигена, что он почувствовал себя окрылённым.

Весело мурлыча мелодию про себя, прохаживаясь по палате, вышел в просторный коридор и, поговорив с дежурной медсестрой, помог больному по палате. Не находя себе места от радости, вышел во двор и посидел на скамейке. Затем, не вытерпев, отправился к врачу, по пути проходя мимо старухи-уборщицы, остановился: «Тётушка, я обязательно куплю вам взамен новую посуду, которую я брал у вас и разбил, когда ходил в магазин. Я не хочу, чтобы вы на меня обиделись». – «Пусть Аллах будет доволен тобой, – ответила та, – для меня хватит того, что ты здоров. Зачем мне требовать от тебя ту банку; хорошо что ты выздоровел, быстрее добирайся домой, дорогой».

«Да, кажется, это правильно, – сказал себе Абориген и, убыстрив ход, подумал: – Пойду-ка я к врачам, пока они не разошлись, возьму необходимые документы и постараюсь поспеть на вечерний поезд, чтобы побыстрее попасть домой, в аул, к жене и детям». Ау, как говорят, дурная голова ногам покоя не даёт – он вместо того чтобы побыстрее оформить документы, стал заглядывать в палаты, разговаривая то с тем, то с другим больным.

Наконец, пришёл в свою палату на втором этаже, лёг на кровать и стал ждать лечащего врача. Только недавно тот приходил к нему и с довольным видом обрадовал его: «У вас кровь в норме, вы вылечились!». С тех пор не заходил в палату.

Абориген посмотрел в окно. Только теперь он обратил пристальное внимание на природу. Когда поступил в больницу, была середина марта, и трава только начинала зеленеть, а теперь уже середина июля, и зелень буйно выросла вокруг. Смысл слов только что поступивших больных из его родных мест был нехорошим, даже пугающим. Они наперебой рассказывали потрясающие новости.

– В Кызылкумах страшная жара, такая, что у черепахи надвое расколосся панцирь, все дикие животные исчезли.

– Древний колодец, глубиной в 40 метров, что находится возле Абылуйгена, пересох и остался без воды.

– Два чабана, подравшись из-за воды, стреляли друг в друга.

– У шакала облезла вся шерсть, и его вид, когда он сидит на вершине холма, такой неприглядный, что не хочется и смотреть, и сам он так осмелел, что не боится человека и убегает только тогда, когда слишком близко к нему подойдёшь.

Одним словом, июль в этом году выдался особенный: или это в отместку за сильнейшие зимние морозы, или же последствия сильного испарения воды с поверхности многострадального Аральского моря, или это небо опустилось так низко, и на землю надвигается какое-то страшное бедствие, – но как бы то ни было, говорят, чабаны в этой зноим пышущей местности совсем упали духом,

мучаясь и страдая душой. Абориген вскочил с места и вышел в коридор. Навстречу попала дежурная медсестра. «Дяденька, врачи недавно сели в вертолёт и улетели в пески, у них не было времени даже дать вам советы и наставления. Ваши документы вот, возьмите их и можете, спустившись вниз в кладовую, забрать свои вещи и уйти из больницы».

Ой, что за дело, когда он прибыл в больницу, врачи взяли его в круг и стали совещаться, советуясь друг с другом, а сейчас, когда выздоровел, то не нашли времени по-человечески попрощаться. Он в душе попечалился, сам про себя обиделся, тепло попрощался с медсестрой. Оставил по дороге старухе-уборщице 50 тенге за разбитую когда-то банку. Зашёл к главному врачу, чтобы сказать «Прощайте, спасибо», и наконец после полудня добрался до кладовой, чтобы взять свою одежду, оставленную на сохранение. Пополнел, что ли, но бархатный костюм затрещал по швам, и Абориген еле в него влез, шёлковая шляпа, прогнувшись и запыллившись, валялась в углу. Взяв её в руки, он тщательно стряхнул с неё пыль и надел. От всей одежды шёл резкий запах нафталина.

Открыв двери, он вышел наружу. С неба падали белые снежинки. Вначале Абориген подумал, что действительно идёт снег, потом, присмотревшись, понял, что это крупички соли, пригнанные ветром. Это и есть та самая соль, которая поднималась со дна высохшего Аральского моря. Запершило в горле, стеснило грудь, вследствие чего укоротился шаг. Абориген неторопливо пошёл, глядя под ноги. По пути заглянул на базар, купил детям фиников, гранатов, изюма и полоски сушёной дыни. «И зачем я только взял дорогой гранат?» – подумал он с досадой на себя. Неся на спине дорожную сумку и идя потихоньку, к вечеру добрался до железнодорожного вокзала. Очень удивился, увидев, что вокзал полон людей, так что негде даже было сесть. «И чего это люди не сидят дома, а вечно куда-то спешат?».

На разъезде Коркыт останавливался только один-единственный поезд. Абориген искал свободное место, чтобы сесть. Вдруг, откуда ни возьмись, появился смуглый джигит. «Идите сюда, – сказал он, – если заплатите, то можете поспать и отдохнуть». И вправду, в узкой комнате в ряд были поставлены длинные скамьи. Ушлый кооператор, не довольствуясь этим, поставил перед входом в туалет кассира, который брал плату с людей за пользование туалетом. Ишь ты – за всё надо платить. Кооператоры стали похожи на налоговиков Кокандского ханства, которые грабили народ до последней нитки. О времена, до чего же дошли люди!

Он проснулся от грохота подкатившего к вокзалу поезда. В высоком небе весело светились яркие звёздочки. Ветер уже стих. Только недавно кассир утверждала, что мест нет, и Абориген еле взял последний билет, а только зашёл и сразу увидел, что в огромном вагоне почти никого нет. Только кто-то в тени сильно кашлял. В своё время газеты писали, что железная дорога и обслуживание поездов в период перестройки были капитально обновлены, вся система обслуживания пассажиров приведена в порядок, и для пассажиров созданы все условия для комфортабельной поездки. Сейчас, видя этот беспорядок, он понял, что газеты, мягко говоря, ошибались. Тем временем поезд, резко тронувшись, стал набирать ход, потащив за собой пустой вагон, в котором, по словам кассирши, «не было мест».

Чуть не потеряв дорожную сумку, которую, ловко прихватив, хотел утащить кашляющий пассажир, Абориген сумел догнать его и, дав хорошего тумака, отобрал своё добро. Он отбился и от проводника, который без стыда и совести стал просить дать ему немного денег, чтобы он смог что-нибудь поесть.

После всех этих передряг ранним утром, когда весело запели жаворонки, Абориген вышел на разъезде. Вокруг расстилалась необъятная степь. Тихий, неприметный разъезд, под стать названию Коркыт («пугающий»), являл собой неприглядный вид. Абориген подошёл к мужчине, который стоял, прижав палку к подмышке, вежливо поздоровался и спросил:

– Как мне пройти к городу Женту?

Мужчина сделал удивлённое лицо, не понимая вопроса:

– Я в этих местах не слышал про город Жент.

– Я говорю про развалины древнего города.

– А, вы имеете в виду развалины, которые находятся возле Сырдарьи, протянувшись на длину лошадиных скачек. С весны там работает археологическая экспедиция, приехавшая из столицы. Никто не может сказать, что они там ищут, то ли золото, то ли сокровища, закопанные прадедами. Возле этих развалин находятся кошара и дом. Это к югу отсюда.

– Это и есть моё жильё, – пояснил Абориген и, повесив дорожную сумку через плечо, отправился в путь. Понадеялся, а вдруг случайно по дороге его нагонит машина, тогда он поднимет руку и доедет до дома. Воздух степи благодушно вливался в его лёгкие. Если бы не частые чёрные тучи солёных бурь с севера да не ползущий сизый туман со стороны Байконура, эта степь так бы и лежала без изменения, как лежала она сотни и тысячи лет назад во всей своей первозданной красе. Как будто временная жизнь, проходя по этой великой степи, остановилась и замерла неподвижно и навеки.

Когда Абориген видит эти неоглядные просторы, перед ним сразу же возникают далёкие картины босоногого детства. Что он видел, что узнал, что пережил? ...Зачем всё это перечислять, считая на пальцах, как перебирают чётки? Он понял, что самое прекрасное райское время для человека – это его детство, когда дитя ни о чём ещё не думает, ни о чём не переживает, – ведь рядом есть отец и мать. Он помнит те сладостные мгновения, когда, устав от беготни за ягнятами, садился на вершине холма и часами смотрел в голубую даль. И мечтал, мечтал, уносясь на крыльях фантазий. То он мечтал плавать на волнах времени, то грезил о крыльях, чтобы птицей взмыть в поднебесную высь и окинуть взором всю землю, то мечтал стать большим-большим, как великан, и шагать семи-мильными шагами по земле. Если в этой бескрайней степи чабаны были заняты пастьбой овец, верблюдоводы – уходом за верблюдами, а начальники ездили на машинах, беспокоясь о скоте... он же, сытый, всем довольный, мог целый день сидеть на холме и бесконечно мечтать и думать. И так ему тогда было хорошо, что это невозможно передать словами. Со временем, достигнув совершеннолетия, он увидел, что как ни догоняй, не догонишь проклятую, хитрую жизнь, которая идёт совсем не так, как бы хотелось, что он как ни пытался уехать, как ни пытался учиться, как ни пытался всех обогнать, но потом ясно понял – никого он не перегнал, ничего не добился. Какой там перегнал, наоборот, остался в хвосте, глотая пыль. Он стал похожим на воробья, который, в сильнейшую жару опалив крылья, старается подняться вверх, но как ни пытается, не может подняться и, обессиленный, падает в аульную белёсую пыль.

Вначале он, поступив на работу, стал копить деньги, никому не давая в долг. Если люди работали по восемь часов в сутки, он работал все двадцать, отдыхая только четыре часа и то беспокойно ворочаясь во сне. Остальные двадцать часов бегал за овцами и караулил их как сторож. Ел тандырный хлеб, макая в горячий чёрный чай, чтобы он размягчился. Но как ни работал, как ни копил, проклятые деньги так и не достигли трёх нулей и не собрались в значительную сумму в тысячи и тысячи рублей.

Когда умер отец, на его похороны пришло много мулл, и пришлось им заплатить за молитву джаназы большую сумму; во время женитьбы ушло ещё больше денег и мяса, что значительно его обеднило. «Ай, дай только мне самому зарабатывать деньги, поднять свой шанырак, создать семью – не отстану от людей, имя моё загремит и деньги соберутся, будут и почёт и уважение», – так самоуверенно рассуждал он, веря, что так и произойдёт. Где там! Все мечты, все надежды обратились прахом, сгнули как мираж, как будто их и не было. А сам он жил простой, независимой, безрадостной, тяжёлой жизнью в песках. Однажды, когда пришёл вечером домой, загнав овец в кошару, и, усталый, снял кирзовые сапоги с ног, сел на почётное место – тор – то, натянув клетчатую кепку на глаза и собирая с войлочной кошмы кусочки хлеба, вдруг засмеялся тонким смехом, как будто всхлипнул. Жена испугалась, подумала – уж не сошёл он с ума в песках от того, что в него вселился злой дух. Через некоторое время этот бедняга поднял голову, задумчиво глядя перед собой, сказал с иронией:

– И это всё?

– Что ты там болтаешь?

– Мне что в этой жизни – только и даны вот эта отара овец, бегающих целый день в поисках воды, круглогодичные трудности и мучения и не отстающая ни на шаг проклятая бедность?! И это называется жизнь! Да пропади она пропадом!!!

– Эй, дорогой мой, ведь есть ещё и я?

Да и вправду, пристально посмотрев на неё, он увидел сидевшую возле самовара зрелую, во всей красе, с блестящими глазами, с ямочками на пунцовых щеках жену, сладкую, как хорошо поспевшая дыня. Под платьем выпукло обрисовывались полные ляжки, как двери секретной базы, которые так и манят, так и притягивают взор, так и зовут к себе, обещая блаженство. Он никогда не думал, что у жены такие налитые икры ног. Аборигена охватило вожделение, кровь забурлила в жилах, и он в исступлении ринулся к ней, широко раскрыв объятия, как раскрывают их навстречу дорогому и любимому человеку. Во время этих игр не заметил, как ногой случайно опрокинул жёлтый самовар. Он сильно устал, как путник, заблудившийся меж двух гор, не найдя дороги назад. ... Эти воспоминания невольно прервал резкий гудок подъехавшей сзади грузовой машины. Голый до пояса, в белой кепке, с белыми волосами, шофёр высунул голову из окна и затормозил. Густая пыль обволокла всё вокруг. Абориген, отряхнув пыль с себя, спросил у шофёра, куда он едет, употребив весь скудный запас русских слов. Водитель ответил, что везёт продукты археологам, ведущим раскопки древнего города. Абориген обрадованно заулыбался. Сказав, что и он идёт к древнему городу Женту, попросил подвезти, встал на подножку кабины и сел рядом с шофёром.

«В этих краях нет мест, где я бы не ходил, я их знаю как свои пять пальцев, каждую полынь, каждый кустик. Когда я появился на свет, этот холм называли Абылуйгеном, потом узнали, что это место древнего города Жента, а то все считали, что это высокая насыпь над могилой давно погибшего батыра. Много раз, поднимаясь на вершину холма, я находил там обломки стрел, сабель, осколки кувшинов и приносил их домой».

Шофёр в белой кепке слушал его вполуха, занятый в основном дорогой. А дорога была вся в ухабах и рытвинах. Машина переваливалась с боку на бок, отчего Аборигену стало плохо – ещё в больнице съеденный жидкий пшеничный суп, булькающий в животе, вызвал изжогу. Постепенно стало жарко, промокшая рубашка прилипла к спине и вызвала сильный зуд. Брюки от пота прилипли к

сиденью. В больнице он привык к чистоте, три раза в день умываясь прозрачной водой, надевая чистое бельё, и ходил чистеньким; этот горячий воздух кабины, которым тяжело дышать, и эта густая пыль, и запах машинного масла и бензина – всё это в мгновение ока превратило его в годовалого верблюжонка, вывалявшегося в золе. «Если я в таком страшном виде покажусь детям, то они, наверное, сбегут от меня, приняв за призрак, а жена совсем не узнает», – подумал Абориген. Не зная как избавиться от этой напасти, вскоре он увидел вдали белый холм, ставший похожим на пестик, выпачканный белой солью. Немного времени спустя машина подъехала к холму. На его солнечной стороне стояли белые палатки, поблизости сновали люди, державшие в руках кетмени, лопаты, лоскуты материи обёрнуты вокруг голов, все в пыли, сверкают только глаза. Как дикие люди, ничего не выдавшие, они гурьбой окружили остановившуюся машину. Абориген подождал, пока уляжется пыль, поднятая машиной, открыл дверцу и спустился вниз. «Здравствуйте, как поживаете?», – говорил он, протягивая каждому обе руки. Они молчали, ничего не говоря.

– Ну как, смогли найти золото, спрятанное в недрах Абылуйгена? – спросил он, глядя на каждого, – лёжа в больнице, я слышал одну занимательную историю: тело секретаря Рашидова, который 15 лет управлял узбеками, решили достать из склепа, находящегося в центре города, и похоронить на его родине. Была образована комиссия по перезахоронению, и ночью люди вскрыли гробницу, перевернув мраморную плиту. Открыв гробницу, посмотрели – а костей-то нет, тела Рашидова нет; одни говорили: здесь был похоронен не Рашидов, а кто-то похожий на него, другие высказывали предположение, что труп достали в одну из ночей родственники Рашидова и унесли с собой. В общем, члены комиссии, не найдя трупа, находясь в растерянном состоянии, пришли к единогласному решению – никому об этом не говорить.

А что если под верхним слоем холма вы не найдёте прах Абылуйген-батыра, его просто там не окажется? Тогда что будете делать, а? В мире чего только не случается, молодые люди.

Наш герой хотел по-свойски и от души рассказать молодым археологам о превратностях судьбы, а, оказывается, их влекло совсем другое – брезент на машине, а под брезентом ящики с продуктами. «Ой, какой же я дурак, говорю им обо всём, что знаю, а им, оказывается, ни я сам, ни мои слова не нужны», – сообразил Абориген и от досады плюнул себе под ноги. Эти парни протягивали руки к ящикам и стали напоминать худых баранчиков, жаждущих воды: «И мне! И мне!» – кричали шофёру, стоявшему в кузове. И так напирали, так стремились к нему, что со стороны казалось: вот-вот разорвут на части бедного шофёра в белой кепке. «Ай, у этих сорванцов и вправду намерения нехорошие, ненароком и бока намнут, пойду-ка я лучше побыстрее к себе домой», – сказал себе Абориген и начал спускаться к подножию холма. Пошёл, ускоряя шаг. Археологи разрыли всю территорию на месте древнего города, везде валялись осколки глиняных кувшинов, пиал, старинные строительные инструменты, ювелирные принадлежности древнего мастера-зергера и многое другое. Кое-что из осколков Абориген положил в сумку в память о городе. Вдали показалось облако пыли. Оказалось, это была отара овец, на спинах которых толстым слоем лежала пыль. Овцы паслись и шли ему навстречу, позади них женщина в белом платке-жаулыке, приблизившись, он узнал в ней свою жену с потрескавшимися губами. Сердце так и заиграло от радости, подбежав, Абориген сгрёб её в свои широкие объятия. От радости голос задрожал и вышел приглушённым, будто доносился из подземелья.

– Ау, жена, жива-здорова?

Жена, как будто стыдясь чего-то, смущённо улыбнулась и оттолкнула его от груди.

– От людей стыдно, не надо.

– Ай, что это за непонятная выходка? Я, понимаешь, четыре месяца скучал, тосковал по тебе, а ты вон что вытворяешь, а?! Мы сейчас одни в степи, вокруг кроме овец нет никого, если я сейчас схвачу тебя, свалю под куст боялыча и начну терзать, разве найдётся хоть кто-нибудь, кто скажет – ай, что ты делаешь?

И всё же он только с удовольствием поцеловал её раскрасневшиеся щёки и дальше не пошёл. Сел под засохший куст боялыча и успокоился.

– Как ты? – спросила жена, – я не смогла к тебе съездить из-за пастьбы овец и ухода за детьми, ты вроде похудел, побледнел, выздоровел ли?

Аборигену стало больно, глядя по сторонам, смахнул рукавом несколько слезинок, так некстати выкатившихся из глаз, стал пристально рассматривать окрестность. Пустыня, с тех пор как он оказался в больнице, ничуть не изменилась, только кое-где на почве появились трещины, что вызывало нехорошее предчувствие. Как будто показывает суровый вид, от которого ушли люди. В это время сидевшая рядом жена вскочила и с криком «шайт, шайт!» кинулась на передний край отары, чтобы завернуть овец. Но что удивительно, отара ушла не так далеко, чтобы её надо было заворачивать. Наоборот, овцы смотрели на него, будто узнавая, и, скучиваясь, поворачивали головы в его сторону.

«Что это с моей женой? Почему она так прохладно встретила меня, – недоумевал Абориген, – ведь не прошло и четырёх месяцев, и что за это время разве можно так измениться? Или в этой пышной груди есть какая-то тайна, которую не знает мужчина?». Ведь именно эти гладкие, упругие груди сразу же привлекли его внимание, ещё когда она была девушкой, сейчас вроде стали ещё более объёмные, что ли. Он пожалел, что когда она сидела рядом, то не пощупал её хорошенько. Встал, как тень во время намаза, подошёл к жене, улыбаясь, взял за локоть. «Пойдём?». Жена молча кивнула.

Одинокая, маленькая, невзрачного тёмно-коричневого цвета войлочная юрта, к боку прилепился небольшой навес для дров, окружённая проволокой кошара для овец, лёжка для собак – это и есть стоянка чабана. На поверхности степи, похожей на высохшую шкуру овцы, высится неподалёку белый холм древнего города Жента. Если раньше здесь было безлюдно и тихо, то теперь снуют люди с лопатами в руках, копают землю и просеивают белую глину через сито.

Собрав всех овец в одно место, Абориген повёл их за собой по тропинке, животные одно за другим послушно потянулись к дому. Если животных мучила жажда, то они, как правило, начинали тащиться к дому, стоило им ступить на узкую тропинку, как они, опустив головы к земле, побежали гуськом. Поднялась негустая пыль. В пути ни он, ни она ничего не говорили. Абориген, повесив сумку на плечо, держался немного в сторонке от жены. Он думал, вот сейчас из юрты выскочат его смуглые дети и, крича, подбегут к нему и повиснут на шее, радостные и счастливые. На душе от этих мыслей стало хорошо, как будто кто-то ладонью ласково провёл по сердцу.

Пока дошёл до порога, сердце так возбудилось, что больно было идти. Однако никто не выбежал ему навстречу, дверь была полуоткрыта, пригнувшись, он вошёл в юрту. В полутьме возле стены кто-то метался и стонал. Абориген сжал зубы, быстро снял с плеча сумку, встал на колени, всмотрелся в лицо лежавшего, повернулся к вошедшей жене.

– Где дети?

– Я отвезла их к матери, мне стало очень трудно одной присматривать и за скотом, и за детьми. Вовремя не можешь их покормить, вовремя постирать бельё.

– А это кто так важно разлётся?

– Бедняга, ты что, не узнал? Это же аксакал Калтак, который помогает мне. Что это он так неудобно лежит, уж не укусил ли его кто?

«И вправду, что ли?» – Абориген пристально всмотрелся в стонавшего. Лицо его было всё в морщинах, изо рта вырывалось горячее хриплое дыхание, дрожали только веки. «Уа, Калтеке! Дядюшка, что с вами?» – спросил Абориген, став на колени, приподнял голову повыше, приблизил своё лицо.

«Его укусил каракурт», – догадался он с ужасом. Тут же вскочил, снял пиджак, посмотрел по сторонам. Не зная что делать, заходил по юрте. И эта тревога, охватившая душу, заставила забыть и обиду на жену, и тоску по детям. Для того чтобы доставить старика в центр, нужна машина, если везти на коне, то по дороге он может умереть, не выдержав долгого пути, чтобы вызвать врача – нет рации, батарейки давно разрядились. Велев жене напоить Калтака молоком, выскочил из юрты и направился к развалинам Жента. Он и не посмотрел на худую клячу, мирно дремавшую в тени юрты, зная, что от неё толку, в общем-то, мало. Её бей не бей – всё равно бежать быстро не будет. Решил: быстрее дойду пешком, это же недалеко. Так думал он, но ошибся. То, что казалось близким, на самом деле оказалось далёким. Это марево показывало холм близким. Абориген запыхался, стало трудно дышать. Смахнув ладонью со лба льющийся пот, с отчаянием посмотрел по сторонам.

«Неужели это называется жизнью?» – горестно рассуждал Абориген, – ах, ведь вышел из больницы здоровым; в наши дни трудно найти человека без переживаний, без горя. Ведь мог же Мамырайхан приехать и сказать, прости, дорогой, я не смог раньше, знаешь, дела, в одном месте поправишь хозяйственные дела – рвётся в другом месте. Сразу бежишь туда. Как белка в колесе. Ай, не знаю, он рвётся не к хозяйственным делам, а к депутатским, отдавая этому всё время, и навряд ли вспомнил обо мне. А где же ровесник Есенбай? Его что, земля поглотила? А где простоватый, выкладывающий всё, что у него на душе, чабан Жумаш? А почему чабан Батнияз не появился и не помог в пастьбе овец моей жене, ведь он такой расчётливый, такой хозяйственный?». И оттого, что таких вопросов – почему и где – накопилось слишком много, он почувствовал лёгкое головокружение. И тут Абориген вспомнил, что с утра, после того как сошёл с поезда, ещё ничего не ел и не отдыхал. Шагая по дороге, осмотрелся. Надо сказать правду: на земле было больше навоза от животных, чем травы, и сама пустыня выглядела безрадостной, сумрачной. Может, это оттого, что воздух поменялся, или от нехватки дождей, воды? Но степь уже не манила так, как в детские годы. И что за напасти преследуют его? Надо же тому случиться, что старика Калтака укусил каракурт, и аксакал свалился как мёртвый. А так хотелось спросить его обо всех, кто приходил домой в моё отсутствие. А если скажешь ему что-либо поперёк, так горя не оберёшься. Хоть старик и малорослый, тщедушный, но такой гордый, такой обидчивый – просто ужас. Однажды приключилась целая история с Мамырайханом, который шутя обозвал его «карликом». Так тот ходил за ним несколько дней.

Дело было весной, во время сакмана, озабоченный Мамырайхан сидел в кабинете и ломал голову над тем, где найти людей на сакман. И в это время зашёл Калтак. То ли хотел выпросить машину, то ли получить разрешение на один мешок муки, – неизвестно. При его появлении Мамырайхан с ходу, без задней мысли, грубовато пошутил: «Эй, карлик, вместо того чтобы вертеться возле конторы, шёл бы ты в помощники к чабану». Только и всего. Старик аж затрясся, глаза вспыхнули молнией, вид его стал ужасен. Вытянув указательный палец правой руки, с чувством оскорблённого достоинства спросил: «Ты почему меня унижаешь? Не твоя мать родила меня таким маленьким, сейчас же становись на

колени и проси прощения». Сказав так, аксакал впери́л в него пронзительный взгляд горевших холодным огнём кроваво-красных глаз.

– Ойпырмай, я почувствовал, как по моей спине проползла холодная змея, так мне стало страшно от его пронизывающего взгляда, – позднее признавался Мамырайхан.

«Ай, не морочь мне голову, если не хочешь быть помощником чабана, так и не надо! Обойдёмся и без тебя», – опять грубо отмахнулся он, чтобы скрыть свою боязнь и, поднявшись во весь почти двухметровый рост, заполнив телом кабинет, вышел. «Что он мне сделает, такой малюсенький, силёнок как у кузнечика, ну поругает за спиной от души – и на этом всё закончится», – подумал Мамырайхан. В тот день он с утра до вечера был среди животноводов, и так сильно устал, что не стал пить чай, приготовленный женой, а сразу лёг спать и захрапел. Неизвестно, какой был час ночи, но ему почудилось, как кто-то вроде бы царапает дверь. Он и так переворачивался в постели, и эдак. Но не мог заснуть: кто-то царапает дверь – и всё тут. Подумал: это, наверное, кошка домой просится. Встал, открыл дверь – и кто вы думаете там был – Калтак собственной персоной стоит как надутый пузырь.

«Не ты породил меня маленьким, а Бог создал!» – отчеканил он, впери́в в него указательный палец. Мамырайхан от неожиданности и страха попятился назад, споткнулся и чуть не упал. Сердце бешено заколотилось в груди. Во рту пересохло. Глаза блуждали. Он громко закричал: «Жена, жена, принеси нож, принеси нож!». Он и сам забыл, зачем просил нож, жена спросонья подошла к нему и спросила: «Что с тобой случилось? Ты чего орёшь среди ночи?». Взяла его под мышки и уложили в постель. А призрак маленького Калтака, стоявшего на пороге, куда-то исчез. Утром Мамырайхан обвязал голову смоченным в уксусе полотенцем и, беспокоясь о делах кооператива, пришёл в контору. И только сел на стул, как увидел Калтака, стоявшего как тень. От растерянности Мамырайхан не нашёлся что сказать.

«Не твоя мать породила меня маленьким, а Бог создал! – опять заявил аксакал, вонзая в него горящие глаза, – я соберу аульных стариков перед тобой».

И тут у Мамырайхана случился психологический срыв. Он затрясся, задрожал, схватил счёты, но еле-еле сдержал себя. «Если сможешь, обрушь на мою голову небо», – задыхаясь от ярости, выпалил он, взял папку под мышки и, толкнув стоявшего Калтака как какую-то каракатицу, вышел из кабинета и, сев в водовозку, уехал по отарам. Обед он провёл в базе по сортировке каракулевых шкурок, снятых с ягнят. Убедился, что качество шкурок не очень высокое. Сел за стол и только поднёс ко рту чашку с жирной сурпой, как увидел перед собой маленького Калтака: его горящие гневом пронзительные глаза были как у убийцы, наводили ужас, кровь стыла в жилах – этот карлик, наверное, не отстанет от него и через год, и через десять лет, даже сто лет спустя будет преследовать этот призрак; Мамырайхану почудилось, что этот карлик совсем не похож на человека, что это спутник шайтана, который в этой жизни и в огне не горит, и в воде не тонет.

«Уйди, уйди!» – закричал Мамырайхан, размахивая руками, поднявшись, стал кого-то ругать, что-то искать. Устав смертельно, вернулся домой. Вечером, выпив чаю, решил от души отдохнуть, положил голову на подушку... и надо же, не мог заснуть, не идёт сон – и всё тут. Аж мягкая постель показалась твёрдой. Посреди ночи ему померещилось, что кто-то опять скребёт дверь, за окном мелькает какая-то маленькая тень, – всё это его сильно встревожило. Поднявшись с кровати, открыл дверь, вышел во двор. На небе светила полная луна, вокруг вроде никого не было. Мамырайхан постоял возле карагача, потом повернулся, пошёл в дом... И тут почувствовал спиной какую-то опасность. Резко обернулся.

Около карагача стояла сломанная скамейка. Он не помнит, как не заметил раньше, но на скамейке, съёжившись, сидел Калтак. Тело Мамырайхана мгновенно окатило ледяным потом, как больной малярией, сотрясаемый дрожью, стуча зубами, одним прыжком покрыл расстояние до крыльца и, войдя в дом, закрыл дверь на крючок. Прислонился к косяку и стал прислушиваться, а перед глазами маячил проклятый карлик, сидевший на скамейке.

Рано утром Мамырайхан зарезал барана, послал ко всем аксакалам аула сынишку, собрал стариков, усадил чабана Калтака на почётное место, передал ему осмолённую баранью голову и, сложив руки, при всех стариках попросил прощения. Тем и избавился от него. Одно только слово «карлик» обошлось ему в одного барана, один костюм и в двести тенге, на которые были куплены изюм и урюк. Лишь после этого душа Мамырайхана успокоилась, но ещё долго помнился тот ужас, испытанный им от маленького, невзрачного чабана Калтака. Поистине, не всегда физическая сила может совладать с сильным духом физически слабого человека! И тщедушный Калтак доказал это...

Продолжая идти, Абориген сокрушался, что все надежды на Калтака, чтобы выяснить, как вела себя жена в его отсутствие, понять, почему так холодно его приняла, рушатся, проклятый каракурт всё испортил. Надо же, второпях забыл сказать жене, чтобы не давала старику воды, ибо если человек, отравленный ядом, выпьет воды, то от этого станет только хуже. Только сейчас он вспомнил, как Жумаш лечил людей, отравленных укусом змеи или каракурта. Он свистел, чтобы нейтрализовать отраву и вселить надежду в душу пострадавшего. Может, правильно было бы отправиться к Жумашу, привезти его, чтобы тот прочёл молитву – дуга, и тогда, глядишь, старику полегчало бы. А то получилось, что голова стала ногами, а ноги головой – не подумав, как следует, кинулся, будто угорелый, к археологам. Но уже поздно. Абориген уже добрался до стоянки.

Археологи – в тёмных очках и жёлтых соломенных шляпах – увидев встревоженное лицо чабана, насторожились. Внезапно из большой палатки, пригнувшись, вышел их начальник – седовласый, с морщинистым лбом, среднего возраста, подошёл к нему. Никто не смог понять чабана, говорившего не то по-русски, не то по-казахски, на какой-то непонятной смеси. Убедившись, что начальник археологов – казах, Абориген обрадовался, показывая рукой в сторону своего становища, сказал, что там умирает человек. Начальник тут же заторопился к вездеходу, позвал девушку-врача. В мгновение были собраны и взяты необходимые лекарства, вездеход помчался по степи, поднимая клубы пыли. Вскоре показался и одинокий домик чабана. Абориген тут же выскочил из остановившейся машины, открыл дверцу юрты, поднял с купола кошму. В юрте стало светлее, и все увидели человеческую фигуру, лежавшую недалеко от двери. И в нормальное-то время этот человек выглядел весьма неприглядно, а сейчас его крохотное личико, испещрённое морщинами, вовсе съёжилось, как съёживается высушенная баранья шкура. Просто было жаль смотреть на него. Подбородок слегка заострился, глаза потускнели, признаки жизни едва ощущались.

– Какой может быть каракурт там, где ходят овцы? Насколько я знаю, его укусил клещ.

– Утром вот так упал, съёжившись. Только вчера был здоровый, всю ночь сторожил овец, – пояснила жена Аборигена.

– У него есть семья, дети?

– Какой там! В основном работает по найму у разных людей. Одинокий, никого у него нет. С давних пор нет блага в его опустевшем доме.

Археолог, тут же засучив правый рукав, разорвал рубашку чабана на груди и стал усиленно массировать. Яд, проникнув в тело, переходит на грудь и там сдавливает сердце. Девушка-врач сделала укол. У больного участилось дыхание, он не открывал глаз.

– Нет, так не пойдёт, – покачал головой археолог, – так мы ненароком убьём чабана. Если есть знахарь, надо его поискать. Если он почитает молитву-дуга, то, может быть, яд, давящий на грудь, малость отойдёт.

Сказав это, он усадил Аборигена в вездеход и отправил в центр за муллой, умеющим читать нужную молитву, чтобы вывести из крови яд.

У привезённого лекаря-муллы, когда он увидел укушенного, глаза впали в глазницы. И тут же загорелись кровавым огнём. Немедленно он послал людей за сухими овечьими катышками. Снял верхнюю одежду, сел на войлочную кошму калачиком, скрестив ноги. Потом закрыл глаза, пробормотав суру из Корана, изменяя голос на разные лады, достав из тряпицы один катышек, проводил им по телу больного, начиная с головы до ног, чуть прикасаясь. И когда катышком доходил до ног, то резко отбрасывал его, как бы избавляясь от него как от использованного и ненужного. И когда он повторил эту процедуру семь раз, выкинув семь катышков, то стало заметно, как яд начал покидать тело. Калтак стал глубже дышать. Напротив, эти заклинания, кажется, отняли все силы у знахаря. Его голос истончился, блеск глаз потух. Потом он попросил принести верёвку, сплетённую из волос верблюда, обмотал ею ноги старика ниже колен и прочно завязал. «Если я сейчас приложу все силы и выгоню яд из тела, то он разорвёт стопы ног», – сказал он. Ноги чабана стали чёрными-чёрными, словно их обуглили на костре.

Абориген думал: «Если бы мы, понадеявшись на укол врача, сидели спокойно, то наверняка Калтак бы умер. Иншалла, нам помог опытный лекарь, его заклинания дали силу телу противостоять яду. Веками сложившееся искусство лекарей помогало людям успешно бороться со всевозможными болезнями. И это истина. Иначе кто поможет человеку в бескрайней степи, когда он кочует с одного места на другое, и нет никаких больниц, никаких врачей? Дорогой ты мой знахарь, как я рад, что ты живёшь рядом с нами, помогаешь нам, я доволен тобою, я благодарю, я уважаю тебя».

Сунув руку за пазуху, достал несколько купюр и положил их перед лекарем.

– Не думайте, что этого мало, это всё, что у меня есть, спасибо, ещё раз спасибо.

– Это что, я не буду брать деньги с чабана, продавая свои знания, – сказал знахарь, притворяясь благородным, даже отступил на шаг. Однако вскоре сдался, и сдался подозрительно скоро, положив деньги в карман.

Поверхность степи раскраснелась, как горячий хлеб в тандыре, овцы, вернувшиеся с пастбища, измученные жаждой, в поисках воды перевернули поилку, устремились к цементному лотку. Археолог подошёл к своему вездеходу, попрощался и, усадив в машину девушку-врача и лекаря, уехал. Скученные овцы, напуганные шумом отъезжающей машины, разбежались в разные стороны. Абориген в кирзовых сапогах и с палкой в руке погнался за ними, чтобы вернуть обратно.

С наступлением сумерек в степи повисла тишина.

Овцы в мгновение ока выпили всю тепловатую воду, оставшуюся ещё с вечера в цементном лотке. Слабые овцы, которые не смогли вволю напиться, вылизали языком мокрые стенки лотка и, подняв головы, тяжело дыша боками, громко блеяли. Бедные животные с надеждой смотрят вдаль, на далёкий горизонт, надеясь увидеть горящие фары приближающейся машины. Они знают, это желанная машина – водовозка. И поэтому они так чутко реагируют на всякий шум вдали. Бедные овцы!

Несколько овцематок, вышедших из зимы и весны ослабевшими, худыми, ещё не набрали жира и веса. Шерсть у них затвердела комками и прилипла к бокам. Если так и дальше будут ходить, задевая голень о голень, то ясно, что они не выдержат июльской жары и наверняка подохнут. Абориген подумал, что надо обязательно отделить худых овец от остальной отары и подержать дома на усиленном корме. С этой целью, взяв в руки палку, стал отделять ослабевших овец. Второпях споткнулся о куст горькой полыни, поднялся, вытер руки. Вдруг скучившиеся в круг овцы резво побежали, чуть не задавив его. Он ударился о проволоку, протянутую вокруг лёжки овец, испугался, что в темноте может что-нибудь сломать. Посмотрев вдаль, увидел свет фар приближающейся машины. Оказывается, овцы побежали именно потому, что привыкли к свету фар. Для них это был сигнал – везут воду. Увидев, как бедные, измученные жаждой овцы чуть не попали под колёса водовозки, он чуть не заплакал от жалости к ним. Водовозка, сбросив скорость, подъехала к цементному лотку. Из кабины вылез молоденький шофёр в кепке со сломанным козырьком и ещё один широкоплечий, в белой шляпе на голове. Они не заметили Аборигена, находившегося среди овец; шофёр тотчас опустил шланг и стал наливать воду в лоток, другой же отправился к дому. Подошёл к жене Аборигена, которая, вымыв котёл, разжигала огонь в самоваре. И, не стыдясь, что кто-нибудь увидит, ни слова не говоря, взял да и ущипнул женщину за бок, она аж подпрыгнула от неожиданности и от боли.

– Иди отсюда и рукам воли не давай!

– Э, да ты как необъезженная кобыла, не подпускаешь никого, наверное, стосковалась по мужскому запаху с тех пор, как муж уехал в больницу? – сказал он игриво. Абориген сразу узнал голос ветврача Мамырайхана. У Аборигена закипела злость – он всё видел и слышал. Дальше терпеть не смог. Да что это такое в конце-то концов! Ах ты сволочь, обнаглел совсем, обнимаешь мою жену, чуть ли не при муже. Он сжал правую руку в кулак и ринулся навстречу обидчику, по пути сбил нечаянно собачью миску, пнул тазик, а когда подбежал, то увидел: в сумерках Мамырайхан и его жена тихо-мирно разговаривают, забыв обо всём на свете. У Аборигена зазвенело в ушах. Ни слова не говоря, он кулаком ударил жену, вроде слабо ткнул её по уху, она же вскрикнула «ой, Аллах, ой» и, закрыв лицо руками, села на землю. Мамырайхан закачался как дерево в бурю, в обычное время его и железным пестом нельзя было свалить – такой он был крепкий и сильный, а тут испугался страшного, разъярённого вида чабана, аж покачнулся от страха.

– Ау, батыр, ты что, уже приехал?

– Ты что думаешь, раз отправил чабана в больницу, как в тюрьму, значит, у него кончился дух и с ним покончено? Значит, можно побаловаться с его женой, так, что ли, негодяй? Видел я твоё прелюбодеяние, узнал твоё намерение, – яростно выкрикнул Абориген и устремился к нему.

– Ау, батыр, стой! Я же пошутил с твоей женой, потому что она мне родственница. Я не смог приехать в больницу, чтобы узнать о твоём здоровье, а вот тебе надо бы спросить про мои дела. Можешь меня поздравить, я – депутат! – сказал он, на всякий случай отступая назад.

«Какая к чёрту родственница, какое здоровье», – подумал Абориген и хотел было схватить Мамырайхана за воротник, но слово «депутат» мгновенно смирило гнев, как ведро воды, вылитой на огонь. Это магическое слово заковало его руки в надёжные оковы. И как тут не растеряться, сейчас кто наверху, кто пользуется авторитетом и властью? – депутаты. Кто в наши дни, сидя на позолоченных стульях, даёт простому народу указания, кто заседает в парламенте – депутаты.

Что ни говори, когда он лежал в больнице, то познакомился со множеством бедняг, которым депутаты помогли добиться справедливости. И тогда он подумал: неужели и вправду в наше столь тяжёлое переходное время появились люди, которые готовы выслушать и помочь всем людям достичь справедливости, скажу-ка я им: выкопайте, пожалуйста, мне колодец, проведите трубы и дайте мне воды для моих измученных жаждой овец, помогите, пожалуйста, устроить моих детей в школу-интернат, где бы они были сыты, обуты и учились как все дети. В песках много каракуртов и клещей, пожалуйста, доставьте мне лекарства против них. В течение года мы всей семьёй не видим ни овощей, ни фруктов, пожалуйста, за наши деньги пусть в знойный июль привезут нам арбузы и дыни... У него было ещё много заявлений и просьб к избранникам народа.

Увидев Мамырайхана, он растерялся. Глупо смеясь, будто нашёл на земле то, что искал на небе, он почесал затылок, протянул с почтением руку, как бы говоря: ты уж прости, начальник, повинную голову и меч не сечёт. Глупость джигита может проявиться в одном поступке, а вот счастье джигита – от Всевышнего. Какой ещё ум остался у нас, начальник, не зря наши прадеды плакали, говоря, что не надо просить ума у того, кто пас баранов три года. «Пожалуйста, войдите в дом, начальник, дорогой мой уважаемый начальник», – пробормотал Абориген, растерянно расстилаясь ковром перед ним и думая как бы загладить свою вину, как угодить, как заставить его забыть неприятный инцидент.

– Эй, жена, иди да поскорее поставь нам чай, терпеть побои от мужа – это долг, предписанный жене, наверно, так записано в Коране. Хватит хныкать на всю округу, перестань, наконец, плакать.

Оказывается, очень легко человека сделать зависимым от кого-то: недавно только он от ревности готов был схватиться с верзилой Мамырайханом, а теперь, услышав слова «избранник народа», растерялся, будто кто-то хлестнул по уху камчой, и настроение от враждебного сменилось на благожелательное. И только ведя под руки дорогого гостя в войлочную юрту, вспомнил о больном. Быстро двигаясь, зажёл лампу, расстелил одеяло и усадил верзилу депутата на почётное место. Затем опустил на корточки и пристально взглянул на больного.

– Как ваше самочувствие? – спросил громко.

– Ау, дядюшка Калтеке заболел, что ли? – испуганно спросил Мамырайхан, – недавно я слышал, что машина археологов, посадив лекаря, ездил туда-сюда по холмам и барханам. Так это проделки этого муллы... что за чёрт.

Его звучный, толстый голос заполонил всю юрту. Калтак открыл глаза.

– Если бы мне сказали, я бы вызвал вертолёт из области, что это такое! Только вчера он ходил здоровый и пас овец, а сейчас свалился и лежит как мёртвый, ай, что за темнота, что за казахские выходки, ай, – повернулся к двери и громко закричал: – Шалабек!.. Шалабек!.. принеси фляжку, я дам хлебнуть спирта аксакалу.

Шалабек – шофёр водовозки – тут же принёс металлическую ёмкость. Мамырайхан отвинтил пробку, сначала сделал несколько глотков, затем понюхал кулак, ахая и охая. И, приподняв подушку повыше, хотел было влить в рот Калтаку крепкую жидкость, однако Абориген вовремя схватил его за локоть. Иначе бы беды не миновать. Объяснил Мамырайхану, что нельзя добавлять русскую водку к казахскому народному лечению, иначе сердце не выдержит двойной нагрузки и может остановиться. Морщины на лбу – это линии судьбы, на крошечном узком лобике Калтака много морщин; смерть же приходит к человеку, когда меняется звезда, и ещё раз оборачиваясь, ударяет человека, и вот тогда, если человек, не поддаваясь, будет лежать, внутренне борясь, тогда жизнь продлится. То есть никогда не надо терять веры, надо бороться, надо любить жизнь!

Абориген долго возился с начальником, выпил вместе с ним оставшийся спирт, опьянел, у него поднялось кровяное давление. В конце концов заболтался, стал пить чай и встретил наконец рассвет. До утра он раз за разом вдавливал в сознание Мамырайхана просьбу выкопать ему колодец, проложить трубы, пробурить скважину, словом, добыть воду отаре. Потом напугал Мамырайхана, пригрозив, что напишет в верха обо всех его проделках, что он в его отсутствие приставал к его жене, отчего чуть не развалился семейный очаг, что Мамырайхан совсем обнаглел, пользуясь мандатом депутата, а с депутата тоже бывает спрос. Что он, как и все сидящие наверху, хорошо живёт, используя своё служебное положение. Хотя и был Абориген достаточно сильно пьян, но слова «пристаёшь к жене» остались в памяти, он тут же схватился за них и стал выпытывать у важного гостя:

– Эй, а ну-ка скажи правду, не виляй хвостом, ты приезжал и приставал к моей жене в моё отсутствие? А?

– Ой-бай, ты давай не лезь ко мне, выпив мой спирт. Не только у тебя есть круглолицы, миловидные жёны. Мне звонят многие симпатичные девушки. Мол, давай покажем в столице народное искусство. Рядом с ними твоя жена выплядит совсем невзрачно. И давай не говори мне больше ни про свою жену, ни про колодец. Надоело, понимаешь!

– Есть свидетели, которые видели, как ты приезжал к моей жене, напевая свою любимую песенку. В доме, где есть маленькие дети, не скроешь ничего. А ну признавайся, начальник!

– Ой-бай, не толкай меня на путь преступления, с тех пор как я стал депутатом, я больше не хожу налево, наоборот, стараюсь быть мудрым советчиком для бедняг-чабанов, живущих в песках. Стараюсь быть им опорой, надеждой, используя своё высокое общественное положение.

– Не верю, а ну скажи правду, – не отставал, как приклеенный, Абориген, готовый устроить скандал. У него не выходили из головы эти проклятые слова «приставал к жене», они раздражали, вызывали горечь, злость и ревность. Мамырайхан хорошо знал характер Аборигена. Знал, что если тот напьётся водки, то жди беды – затрясётся, задрожит, ни о чём не думая, и если станет драться, то будет биться до смерти, пока не рухнет под ударами обидчика.

И Мамырайхан подумал, что не хватало ему связываться с этим дураком чабаном, в то время, когда он стал весьма уважаемым человеком, еле-еле добившись звания депутата, когда стал опорой своей семьи со всеми выгодными последствиями этой должности, когда стал своим среди важных, могущественных людей, познав их силу и мощь... И связаться с этим ничтожеством – да ну его к чёрту. Как он будет распоряжаться здесь, распоряжаться людьми, если Абориген, не дай Бог, разрезвонит на всю округу слово «приставал»? Оно же, как тень, будет потом преследовать его. Разве это не позор? ... Нет, нет! Пока всё хорошо – уйду-ка я потихоньку, пока цел. Пусть пропадут и колодец, и все наслаждения этого дома!

С такими мыслями Мамырайхан на рассвете вознамерился покинуть дом чабана. Собравшись с духом, подтянув ослабевшее тело, он попытался встать, однако не смог подняться. Ноги не держали, всё же выпил-то он изрядно. Тогда он на четвереньках пополз к двери, достиг порога и хриплым голосом позвал: «Шалабек! Ау, Шалабек!.. Если есть в твоей груди душа, то приди и помоги мне!». Однако появился, пошатываясь, хозяин дома. «Начальник, сейчас жена готовит тесто к варёному мясу, не торопитесь... поговорим... обсудим», – заплетаясь языком едва вымолвил Абориген.

Ой, что за беда: этот проклятый чабан, такой крепкий, ну как затвердевший саксаул в пустыне, а ведь большую часть спирта выпил он, потом достал из сундука водку и тоже почти всю выпил с лихорадочной поспешностью, как пьют воду измученные жаждой люди, что-то болтал нехорошее, приводя в свидетели большого старика Калтака, при этом скрежетал зубами, а лицо дёргалось... Ну и руки у этого дурака – длинные, жилистые, схватил его как клещами и потащил на почётное место. Тут подоспел Шалабек. Он, болван, не имел всех шариков в голове, взял да и схватил Мамырайхана за правую руку и поволок к двери. И получилась катавасия. Абориген тащит к столу, Шалабек к двери.

Вот проклятые, затеяли кокпар, раздирая на части.

«Ау, собачьи дети!.. – заорал он с ненавистью. – Вы что, с ума сошли?.. Где вы видели, чтобы важного, солидного начальника, народного избранника, тянули как козла, выставив на позор? Люди со смеху упадут, услышь они такое. А ну отпустите меня!». По сравнению с Аборигеном Шалабек оказался сильнее, да и как ему не быть таким, если постоянно возя воду чабанам, всегда ел у них жирное мясо и пил наваристый, густой бульон. Изю всех сил схватив начальника под мышки, вынес его наружу как ягнёнка. По пути толкнул чабана в грудь, свалив на землю, дотащил Мамырайхана до кабины и, открыв дверцу, сунул как охапку сена. Включил зажигание. От злости сразу же надавил на газ, машина рванула и подпрыгнула. Бедные колёса, досталось им от разгневанного шофёра. Несчастливая машина, которой не было ещё и года, как она вышла из стен завода, вся уже разбитая, готовая развалиться в любой миг, тронулась и, набирая ход, вскоре исчезла из глаз, стала похожа на утреннюю звезду, упавшую на землю из космоса и сгоревшую в атмосфере. От неё остался лишь шлейф пыли.

Оу, чего только не видела эта земля! В древние времена конные орды кочевых огузов, в более близкое время – воинов-кипчаков с копьями, преследующих врага. И видела эта земля Орыс-хана, Абылгазы, Токтамыса, отдохавших на ней, а теперь вот стала колыбелью для Мамырайхана, Аборигена, став совсем не похожей на стародавние времена. Чужой стала, обедневшей, оскудевшей Мать-земля. Ездят по тебе, как ночные звёзды, машины, вырисовываются на твоей груди в предрассветную пору чабанские юрты, белеют отары овец, пасующиеся в песках. И когда же эта даль, этот простор увидят тишину и покой? Видать, всё ещё есть на этой земле беспокойные дети, которые не дают тебе покоя, не дают тебе впасть в вечную спячку, о, Мать-земля!

5

– Бисмилляхир рахманир Рахи-и-им, – произнёс чабан, благоговейно проведя ладонями по лицу, достал острый нож и резанул по горлу связанного барана, лежавшего калачиком на земле. Густая чёрная кровь струёй ударила из перерезанного горла и впиталась в яму. В тени древней крепости Абориген, нагнувшись, снял шкуру барана, вывалил внутренности в большой поднос и не торопясь разделал тушу на части. Свежевать тушу барана – привычное занятие для чабана, но повариха приятно удивилась его искусству, не допустившего на мясе ни одной шерстинки и так искусно разделавшего его, как разделявают только опытные мясники. Он же, встав, разогнул спину и только сейчас заметил, как тень от стены крепости значительно истончилась, вытер ладони о чистый горячий песок. Нож сунул в чехол, привязанный к поясу.

Археолог Байпак, сидевший в тени крепости и наблюдавший за действиями чабана, встал и, подойдя к нему, кашлянул.

«Начальник, пока всё, – сказал Абориген, – это был дух хозяина старой крепости, которому не понравились ваши раскопки, из-за чего он не давал вам спать, шумя и наводя ужас на молодых джигитов. Я дарю вам своего жирного

барана, совершив жертвоприношение Аллаху, теперь он не будет беспокоить вас. Я думаю, вы учтёте мой труд, не забудете и с благодарностью примете моё жертвоприношение». Однако кто вспоминает труд чабана? В то время голова Байпака трещала от дум: до сих пор ещё не раскопали и половины древнего города, хотя работали с весны, прошли только эпоху кипчаков и всё ещё не добрались до времён огузов. У экспедиции на исходе продукты питания, и вчера двое парней с ружьями отправились охотиться на сайгаков. И этот чабан не зря зарезал жирного барана – вполне возможно что-то хочет попросить взамен.

– И что вы хотите?

– Ваши машины бороздят пески как жуки, вы хорошо знаете все секреты земли, моим овцам не хватает воды, они мучаются от жажды. Выкопайте мне, пожалуйста, колодец.

– Посмотрим, – задумчиво сказал Байпак.

И, оказалось, зря произнёс он слово «посмотрим». Только оно вылетело из его уст, как чабан поднялся на ноги как сумасшедший, кинулся к привязанному коню, вскочил, как молодой джигит, в седло и радостный, как будто жена родила ему ещё одного сына, поскакал к своей юрте.

Старик Калтак, ещё недавно лежавший при смерти, укушенный не то каракуртом, не то клещом, выздоровел и суетился как ни в чём не бывало. Он выкопал много редко встречающихся лекарственных трав, таких как степной аконит, высушил их в тени и свалил в кучу возле шатра.

Что же предшествовало обряду жертвоприношения, исполненному Аборигеном? С тех пор как наступило полнолуние, ночи на стане стали тревожными. Стоило только археологам после тяжёлого трудового дня зайти в палатки и заснуть, положив головы на подушки, как из-под земли доносился плач ребёнка. Вначале все думали, что это «плач» шакала, и поэтому не обращали на него внимания, переворачивались на другой бок и засыпали. Однако через два-три дня этот плач усилился. С наступлением сумерек тишина становилась густой, как айран, а после появления луны взрывалась. Первоначально доносился как бы издали негромкий девичий плач. Никто не мог понять, что это за плач. И когда луна поднималась высоко в небе, этот плач, усиливаясь, отзывался как бы из-под крепости, уже похожий на жалобный стон кобыза. И это было страшно.

«Ау, этот голос не плач ли детей, оставшихся под развалинами крепости?», – подумал студент-историк и вскочил с места как ужаленный. «Оу, город Жент был разрушен 800 лет тому назад, и это не плач давно погибших детей, а дух предков, тоскующих под землёй», – пришёл он к такому выводу. И этот голос, то затихая, то взлетая ввысь, не прекращался час за часом. Студент-историк, внимательно вслушиваясь в плач кобыза, почувствовал ужас в сердце и задрожал, как лист под порывом ветра. Ему показалось, что это и не завывание ветра, как вначале он предполагал, и не плач ребёнка, оставшегося под развалинами крепости. Он совсем иной, ещё ни кем не слышанный... А, это голос хозяина этих древних мест, его мелодия, его ритм.

Студент не заметил, как выбежал из палатки. Протерев глаза, с испугом посмотрел по сторонам. Ему почудилось, что кто-то в сторонке пристально смотрит на него. «Он! Он!» – подумал будущий историк, и от страха потеряв голос, скованный ужасом, так и застыл под светом полной луны. Это существо, которое так испугало его, медленно приблизилось к нему, сердце бешено заколотилось в груди, силы оставили его, и кто знает – ещё малость, и он бы умер от страха. И только вопрос начальника экспедиции: «Ты что здесь делаешь?» – привёл его в чувство. Оказалось, что чудовище, которого он так испугался, было Байпаком. Как он тогда обрадовался, как возликовал! И было отчего! Испугаться и думать, что пришёл конец, и вдруг внезапно увидеть живого человека, а не духа – это ли не радость?

- Ты чего стоишь?
- Что-то расхотелось спать, мне почудилось, что кто-то играет на кобызе, кто-то шумит, будто скачет на коне под землёй.
- От страха двоится в глазах, не будь таким трусливым. Подумай сам, что это за кобызист, который играет сам по себе вдали от людей в этой бескрайней степи?

Хоть Байпак и сказал это, но внутренне напрягся, что этот студент может и самого его спросить: «А что это вы сами ходите и не спите?». Повысив тон, он сказал, что завтра предстоит тяжёлая работа, и он поднимет всех рано утром. Затем загнал студента в палатку. Он знал, что этот парень в свободное время пишет стихи, по-своему мечтает, творит, и подумал, что на этого впечатлительного молодого человека с богатым воображением подействовал дух этого старинного места. Он захотел было взобраться на стену крепости, что высоким горбом высилась недалеко, но что-то остановило его, какое-то нехорошее предчувствие, сердце защемило как при физической боли. Прислушался малость – полная белая луна склонялась к закату: этот холодный голос, донёсшийся как бы из-под земли, затих в песках, замолчал в тишине; в это время ночная степь стала похожа на поверхность молока, покрытую тонкой корочкой сметаны. Байпак всё же поднялся на вершину стены крепости и долго вслушивался. Полная луна закатилась за далёкий синий горизонт, как жестяное ведро, опущенное в глубокий колодец.

Утром на стоянку археологов снова примчался Абориген. Как всегда, затянул свою «песню» о колодце, который надо выкопать. У чабана, живущего в песках, мысли вразброс, в десяти направлениях: когда-то в далёкие времена в этих местах буйно росли верблюжья колючка, саксаул и другие травы и кустарники, где они сейчас? Остались только песчаные барханы, голые, словно кто-то сбрил всю растительность гигантской бритвой. Нарушилось равновесие природы, ныне похожей на тяжелобольного человека, сошедшего с ума. Нарушилась гармония. У Аборигена была книга «Новый Завет» на казахском языке выпуска 1820 года. В морозные зимние дни, заперев овец в каменную кошару, жарко затапив железную печь и лёжа на одеялах, он любил почитать эту книгу. В ней говорилось, что если джинн войдёт в тело человека, то в скором времени не выйдет оттуда, будет толкать человека на всякие безумные поступки, и в конце концов человек умирает от всего этого.

Однажды пророк Иисус двигался по дороге, и в пути ему встретились два юноши, которые размахивали руками и кричали с безумным видом: «Мы будем соревноваться с ветром, будем ловить рыбу в солёном озере». Пророк сразу же понял, что в их тела проникли джинны, отчего они стали беспокойными. Немедленно сойдя с повозки, он вытянул руки с раскрытыми ладонями, прочитал молитву, погладил их ласково по головам и выгнал джиннов из их тел. Но было одно неперемное условие: изгнанных джиннов надо обязательно поместить в какое-нибудь живое тело, иначе эти джинны опять войдут в человеческие тела и наделают много бед. Пророк опять прочитал молитву и успел загнать этих джиннов в тела двух свиней, пасущихся возле берега реки. И только он это сделал, как тут такое началось! Эти две спокойно пасшиеся свиньи вдруг как захрюкали, как вздыбились, как кинулись словно угорелые, и как сумасшедшие бросились с высокого обрыва в солёное озеро прямо в грязь, там и утонули. Двое бедняк, избавившись от джиннов, впряглись в повозку пророка и стали его учениками. Похоже, и в Кызылкумы проникли проклятые джинны, описанные в «Новом Завете», потому что с утра до вечера дует пронизывающий, завывающий ветер, песок перемещается, засыпая караванные тропы. И откуда появились эти злые, проклятые джинны? Когда проникли в Кызылкумы? Никто не знает. Может, они

вышли из Аральского моря или вылетели из стволов ружей охотников, которые безжалостно истребили сотни, тысячи сайгаков, табунами ходивших в этих песках?.. Или вышли из тел молодых пьяниц, которые ради водки готовы забыть имена своих предков и пьяными устраивающих драки и скандалы? Или джинны вышли из тел археологов, которые с целью поскорей выкопать сокровища древних времён, разбросали повсюду кости предков, разрыв их могилы? Что ни говори, но злой джинн, бродящий по пескам, очень опасен. Не даёт, проклятый, вести хозяйство и получать доход, чтобы зажить обеспеченной жизнью. Чабаны твёрдо верят в то, что в Кызылкумах до сих пор бродит невиданный, могущественный, очень злой джинн.

Археологи, производившие раскопки древнего города Жента, сняли верхний слой земли и песка и только начали снимать второй, как наткнулись на строения самого города. Каменный дом архива, простой низкий дом и другие дома как бы раскрыли свои двери, приглашая войти внутрь. Медресе, кузницы, ханский дворец, караван-сарай как бы стонали под порывистым сильным ветром. У дома праведников высокие столбы, на которые опиралась крыша, свалились, и крыша рухнула внутрь. Повсюду валялись осколки разбитых глиняных кувшинов. Когда наступаешь на них, и они хрустят как высохшие кости, то невольно нагибаешься вниз, чтобы посмотреть, что же это такое.

В этом городе были найдены две старинные вещи, которые потрясли всех и вызвали сенсацию среди историков. Первая – это прекрасно оформленная, разрисованная, обожжённая глиняная скатерть. Посреди скатерти стоял большой глиняный кувшин, предназначенный то ли для виноградного сока, то ли для мясного бульона. Он так хорошо сохранился, что выглядел как новенький, будто только сегодня вышел из мастерской. Вторая прекрасная вещь – переносная, чудесно изукрашенная ювелирами, вызывающая восхищение, сделанная из обожжённой глины печь-камин. Такие каминные сооружения мастера огузского народа в начале средних веков, позднее их переняли в свои страны французские и английские мастера. Неспроста есть такая версия, и она имеет под собой вполне обоснованные доказательства, что родиной печей-каминов можно считать именно город Жент, находившийся в нижнем течении великой реки Сырдарьи. До сих пор на месте изготовления печей остались тысячи ям, как крапинки на лице больного оспой. Плина города Жента вязкая, как пластилин и тесто, растягивается хорошо, прямо как жвачка. Если её обжечь на огне саксаула, разукрасить, отделать орнаментами и высушить, то она звенит как стекло, звонко и голосисто. И эти две ценности, найденные на месте древнего города Жента, пожалуй, с лихвой окупят все расходы института и принесут научному миру большую пользу.

Пришло время для применения печей-каминов, которыми так хорошо пользовались кочевники. Археологи разожгли гулкой огонь, рядом положили глиняную скатерть в серёдку и устроили пиршество. Вечером к Байпаку и его бородатым помощникам из песков прибыли Абориген, Есенбай, – все собрались вместе за одной скатертью. Был сварен в котле упитанный баран, его части раздали всем чин по чину, по старшинству. В глиняный кувшин, стоявший посередине скатерти, не налили жирного мясного бульона под предлогом его тщательной очистки. Все только с восхищением рассматривали это поистине прекрасное чудо искусства. Все сидели за скатертью своих предков: и молодые, и старые.

Немного хлебнувшая спиртного молодёжь громко смеялась, острила.

– Неужели десять веков тому назад вот так, за одной скатертью, сидели наши предки и ели из одного котла?

– Кто знает, может, в этот огромный кувшин наши предки наливали вино и от души выпивали, а сильные и знатные поворачивали в свою сторону краник кувшина.

– Не только вино, но подавали, наверное, и пенистый, свежий, крепкий кумыс, если его хорошенько взболтать, то он не хуже вина свалит любого здоровяка.

– Если здесь кто-нибудь хорошо ест жир...

Однако Байпак прервал весёлую болтовню молодёжи.

– Эй, знатоки древности, хватит балагурить, давайте поговорим о неотложных делах.

Озабоченность начальника экспедиции была следствием одного опрометчивого слова «посмотрим», сказанного им чабану Аборигену, попросившему выкопать колодец. Эта озабоченность не дала ему ни поесть спокойно, ни попить бульона. Как человек слова, а это достоинство в наше время встречается так редко, он не мог забыть о своём обещании чабану, овцы которого так мучились без воды.

Молодёжь тут же смолкла, а у Аборигена потеплело на душе. Он с многозначительной улыбкой посмотрел на ровесника Есенбая как бы говоря: ты видишь, моя просьба не осталась без последствий, и я чего-то стою в этом мире.

– Сможем ли мы на некоторое время выделить экскаватор для рытья колодца? Поможем ли чабанам, сидящим в песках без воды? Что скажете? – обратился Байпак к археологам.

Заговорил один из бородачей, покрасневший от досады.

– Что получается? Этот чабан хочет купить нас за одного барана и пять бутылок водки? Как мы можем заниматься рытьём колодца, если у самих не выполнен план работ?! Не найдя сокровища древних огузов, мы ходим как потерянные, так надо ещё и колодец копать? Не много ли?

– Ты не горячись. Во-первых, никто нам не давал указания во что бы то ни стало найти сокровища древних огузов, во-вторых, как мы можем спокойно есть и пить, зная, что рядом с нами живут и мучаются чабаны без воды? Мы же все здесь сидящие произошли и расселились по огромной казахской земле вот от таких животноводов-казахов.

Бородач продолжал стоять на своём:

– Мы ещё не освоили выделенные средства. И жизнь наша ещё не наладилась толком, какое тут может быть рытьё колодца?

И тут в разговор вмешался, вытянув шею, как цапля, чабан Есенбай. И слова его были грубы и невежливы:

– Эй, сейчас нет толку от молодых, у них поясница слаба, желудок не переваривает пищу, все худые, длинные, слабые; они не стоят одного старика Калтака, который хоть и пьёт плохую воду, однако всё ещё силён и крепок.

– Говоришь, что у нас поясница слаба, ты проверял, что ли, нас? – с раздражением спросил бородач.

– Хоть и не проверял, однако кто проверял, тот и говорит: почему здесь сидящие в джинсах, лохматые-бородатые, в тёмных очках, почему они, я спрашиваю, бегут в города? Что, в ауле нет работы?

– Из загнивающего рта выходят только гнилые слова, ты смотри, болтает ещё о чём-то.

– Хватит! – не выдержал Абориген. Лицо его потемнело. Он в гневе слушал бессмысленную перебранку. Особенно рассердился на Есенбая, которого хотел разнести в пух и прах, он понимал, что кроется за всем этим: у этого подленького соседа только одно на уме – как бы сделать так, чтобы у Аборигена не рыли колодец, чтобы дела у него не пошли в гору. Вот Есенбай взял да и превратил

хорошее дело, которое вот-вот должно было решиться, в ссору: бородатый копатель может отказаться рыть колодец чабану, то есть ему, мотивируя отказ невозможностью сделать это.

Несколько молодых, одетых в джинсы в обтяжку, в больших очках с тёмными стёклами, не поймёшь: не то парни, не то девушки, поднялись и, посмеиваясь, ушли. Наблюдая за всем этим, помрачневший Байпак вытер руки полотенцем.

– Что делать? Может, в свободное от работы время, вечером в часы отдыха всё же выкопаем колодец? – обратился он к остальным.

– Хотя будем рыть сорок метров, всё равно не сможем найти воду. Тут нужен опытный специалист, – возразил кто-то из археологов.

– Ко всему кончилось горячее у экскаватора.

– До каких пор будем копать лопатами? Вымотаемся же все!

– Нас послали сюда произвести раскопки мёртвого города, и если начальство узнает, что мы вместо того чтобы заниматься важным научным делом, копаем колодец какому-то чабану, то нас навряд ли поглядят по голове.

Слыша все эти отговорки, Байпак опустил голову, настроение резко упало, он молча ковырял спичкой в зубах. До слуха донеслись: блеяние измученных жаждой овец, порывы злобно дуящего ветра – всё это показалось ему плачем пустыни. Он содрогнулся, поёжился и поднял голову. Лицо Аборигена потускнело от боли, чабан напоминал волчонка, сидящего на могиле, поднявшего морду к синему небу и собирающегося завывать от тоски и безысходности. Сурпа, налитая в деревянную чашку, уже успела остыть. Меж тем наступили вечерние сумерки, и повариха принесла в большую брезентовую палатку зажжённую настольную лампу. От слабого света лампы лица сидящих пожелтели и стали похожи на покойников, восставших из могилы.

На память Байпаку пришла одна история из «Нового Завета», из раздела Евангелия «Благая весть от Матфея».

Властолюбивые иерархи тогдашней религии и властные военачальники решили оклеветать и уничтожить пророка Иисуса. А ведь пророк Иисус столько сделал добра своему народу! Один из апостолов Иисуса, Иуда, предал своего учителя за тридцать сребреников, договорился о его выдаче, тайно вступив в сношения с высшим духовенством. Что самое удивительное: честнейшего и чистейшего пророка Иисуса нельзя было отличить от простолюдинов – так как он был прост и незаметен. Не то что в наши дни: стоит только кому-нибудь разбогатеть и получить небольшую власть над людьми, как он тут же меняется, стараясь выделиться из толпы своей одеждой, своими приподнятыми плечами, суровым, властным взглядом, невольно подумаешь – идёт пророк, да и только! Да, тут Иуда сказал церковным иерархам: моего учителя вы не отличите от простого народа, когда к храму придут воины, то тот, кого я поцелую в лицо, и есть мой учитель, мой пророк. Они согласились. И когда толпа воинов и людей стала собираться у храма, то Иуда подбежал к Иисусу и стал целовать его при всём народе. Ничего не знавший народ удивился и умилился поступком Иуды, и все говорили друг другу: «Что за преданный и любящий ученик у этого учителя!». Тем временем стража схватила Иисуса и повела. Народ, вместо того чтобы помочь ему, только расступался перед стражей. Пророку связали руки и привели к наместнику Рима, прокуратору Понтию Пилату. И начался допрос на большой площади перед собравшимся народом под палящими лучами солнца.

«Ты говорил, что сломаешь священный храм Бога и за три дня восстановишь его?».

«Ты раскрыл глаза народу, что в жизни есть и другие интересы, кроме пахоты и пастьбы скота».

«Выгонял джиннов из тел, в которые они вселялись, вернул зрение слепым, поднял на ноги инвалидов, вылечил одним лишь прикосновением руки, вселил веру в их сердца».

И когда всё это ставилось в вину пророку, как будто он совершал какие-то преступления, то людские толпы вместо того чтобы вмешаться и защитить его, кричали, свидетельствуя: «Да, да, это правда! И то, что выгонял джиннов из тел, и то, что слепым вернул зрение, и то, что инвалиды становились на ноги, и то, что раскрыл нам глаза на смысл жизни». Толпа кричала неистово, обвиняя, становясь на сторону обвинителя, пресмыкаясь перед властью, перед Понтием Пилатом. Видя всё это, пророк Иисус поразился. Только вчера он ходил среди них, лечил, помогал страждущим, и она, вот эта толпа, благодарила его, любила, поддерживала, а сейчас, нет, он не мог и подумать, что она вот так быстро переменится. Не думал, что она станет вот такой, чужой толпой, которая ради своих выгод готова предать и родного отца, вот такой, которая никого на жалеет, которая ничего глубоко не понимает. Да, толпа наводит много страха и глубоко давит и топит. Давно сказано мудрецами – бойтесь фанатичной толпы, бессмысленной и жестокой.

Пророк Иисус сильно испугался этой толпы, которая, забыв все его благие деяния, быстро переметнулась на сторону Понтия Пилата и с налитыми кровью глазами требовала его наказания.

«Он повёл вас за собой?» – громко спросил Пилат. «Да, да, повёл, повёл!». – «Говорил ли вам, что за этими красными песками есть другая жизнь, более интересная, чем эта?». – «Да, да, говорил». – «Соблазнял ли вас любовью к детям, говорил ли о крепости семьи, живи мирно, помогай друг другу. Соблазнял ли всем этим?». – «Да, да, соблазнял, соблазнял!» – вопила толпа. «Говорил ли вам о добре друг к другу, о том, что вместо того чтобы собирать богатство, надо любить и помогать друг другу? И это делал каждый день, так ведь?». – «Да, да, говорил и делал каждый день!». – «Тогда я не повинен в крови этого человека. Что хотите, то и делайте с ним, я умываю руки», – сказал он и, сойдя с кресла, потребовал воды, оголив локти, вымыл руки. На глазах народа долго полоскал рот. «Видите, я не виноват в крови этого человека, всё начал он, ради него вы побросали все свои дела, это он, всё он, делайте с ним всё, что хотите!». Произнеся эти слова, Понтий Пилат взял да и отдал Иисуса в руки разгневанной толпы. И тогда эта безумная, голодная, тупая, озверевшая, не знающая с кого спросить за все напасти, которые она переживает, превратившаяся в фанатичный сброд толпа стала бить и истязать своего честного, благородного пророка. Одни из них нацепили на голову Иисуса корону, сделанную из колючек (ещё и смеялись торжествующим смехом), другие положили его на доски, ещё одни, взяв в руки молоток и гвозди, прибили его крест-накрест к брёвнам. Наблюдая за этим сверху, Понтий Пилат засмеялся довольным и ироничным смехом. Толпа, завершив своё ужасное дело, закричала: «Его кровь на нас и на наших детях!». И тут же вкопала в землю столб, на котором крест-накрест был прибит пророк Иисус. И так же быстро разошлась, каждый занялся своим привычным делом, стараясь не думать о содеянном преступлении. Как будто его и не было. Тем временем зашло солнце, и наступила ночь. Затем минул ещё один день. Настал и смертный час для пророка. У него кончились силы, он ослаб, и смерть подступила вплотную. Он собрал последние усилия и во весь голос закричал:

– О, Господи! О, Господи! Не оставь меня!

И этот горестный возглас громким эхом разнёсся по всей округе. «Не оставь меня! Не оставь меня!». Сказав это, Иисус умер. В городе же стояла тишина, и

вместе с лучами солнца началась привычная жизнь; и тогда этот ужасный, горький крик пророка Иисуса как ножом прорезал эту привычную тишину и привычную жизнь людей. И только тогда тупые люди – манкурты – поняли, какое дело они совершили и какого благородного, честного и справедливого пророка лишились. И поняв это всем сердцем, всей душой, горько заплакали: кто в лачуге, кто на базаре, кто в поле, плакали, рыдали, закрывая лицо руками.

Представив эти картины в воображении, Байпак, словно охваченный холодным порывом ветра, зябко передёрнул плечами и порывисто встал. Напротив всё так же сидел Абориген в конце глиняной скатерти; худой, измождённый, со впалыми щеками, он был так похож на пророка Иисуса из Библии. Ему не хватило коврика, расстеленного на земле, и он сидел на песке. К его брюкам прилипли песчинки, рубашка на груди распахнулась, и чабан смотрел на него, ожидая услышать только положительный ответ.

Байпаку стало жаль его. Казалось, что если сейчас он услышит: «Нет, мы не можем рыть твой колодец», – то Абориген упадёт навзничь и, закричав от душевной боли, тотчас отдаст Богу душу. Или закричит: «О, братья мои! Люди, вы что, хотите оставить меня в этом месте, где нет воды, трава вся сгорела от жары, оставить меня одного?». И его горький возглас прорежет темноту ночи, раздирая уши. «Зачем меня оставили одного? Живя в песках, я от зноя потерял не один слой кожи».

У Байпака поднялось кровяное давление, заломило в висках.

– Значит, так, с завтрашнего дня все силы бросим на рытьё колодца. История нужна не мёртвым, но живым. Создатель – хозяин не мёртвых, он – хозяин живых!

Сказав это, Байпак, пригнувшись, вышел из палатки. Ночь в песках была не сплошь покрытая тьмой. Вдали из-за барханов поднималась полная луна. Полярная звезда тускло светила из-за того, что соляная крупа со дна пересохшего Аральского моря поднялась в воздух, закрыла полнеба, словно грязный головной убор старухи, и звёздочки еле просвечивали сквозь эту крупу, будто серебряные тенге, выпавшие из грязной торбы нищего. Издавека доносился жалобный «плач» шакала, песок под ногами двигался как змея. Кто скажет, что каких-то двести лет тому назад здесь проходили цепочкой неисчислимые караваны верблюдов, выходя из караван-сарая, что здесь работали кузни, медресе, что здесь жили, привлекая взор, полногрудые и широкобёдрые красавицы – скажешь, не поверят. А ведь это было! Время – след каравана на песке, дрожание луны, черепки кувшина, валяющиеся под ногами. Далеко в ночном мраке прочертила небо хвостатая звезда и сгорела. После того как Байпак вышел из палатки, внутри начались и недовольные пересуды оставшихся археологов. Разгорячённый водкой бородач доказывал с пеной у рта:

– Его плачущие овцы и он сам совсем свели нас с ума, нас, мирно ведущих раскопки древнего города.

– Что, разве не свели с ума? Оставив в стороне все научные работы, научные изыскания, мы теперь должны копать какой-то колодец для какого-то чабана. Что за чушь собачья?!

– Мы теперь стали не учёные, а копатели колодцев!

– Помните тот день, когда наш Байеке был у этого чабана дома, тогда тот, видимо, дал ему ослиные семена, растворив в чае, и вот с этого времени наш академик сошёл с ума, мысли у него вразброс, не понимает, что говорит.

– Это точно, я понял, что если войдёшь в их дом, выпьешь воды, то обязательно сойдёшь с ума и убредёшь куда глаза глядят. Это я испытал на себе. В

прошлом воскресеньем я взял ружьё и решил поохотиться на сайгаков. И вот, измученный жаждой, я заглянул в юрту вот этого чабана. Меня встретила круглощёкая симпатичная женщина, из рук которой я и выпил тепловатый, со вкусом железа айран. Дальнейшее помню урывками. Помню, как схватился за живот и свалился. Ночью что-то круглое, холодное, длинное обвил шею, я как сумасшедший вскочил и побежал, и всё стрелял, стрелял. Вернулся в лагерь только три дня спустя.

– Да, мы видели, как ты вместо сайгака приволок хвост облезлого шакала.

Услышав эти нелепые рассказы, Абориген аж затрясся от негодования, едва сдержался, чтобы не накинуться с кулаками на болтунов, а Есенбай, лежавший возле стенки, закатился тоненьким смехом, держась за живот, согнулся вдвое и пополз к выходу.

– Хэ-хэ-хэ!.. Ехе-ехе-ехе!.. Ык-ык-ыхы!.. Ой-бай, живот свело судорогой, так я сильно смеялся, ой, чуть не лопнул от смеха, ой, что и говорить – комедия! Что это за люди, каждый мнит себя начальником, каждый думает, что он прав, каждый подставляет подножку, ха, и это учёные!

Есенбай и на свежем воздухе долго не мог остановить душивший его смех. Какой же остолоп, этот Абориген, нет у него ума. Разве могут городские молодые парни, не знающие всей тяжести пастушеского труда и смотрящие на чабанов как на жирный бараний курдюк, не имеющие жалости к нам, помочь ему? А он зарезал для них упитанного барана, привёз водки, дурень. Если бы у него была хоть капля ума, то разве доверил бы своих овец какому-то старику Калтаку, который как перекасти-поле готов улететь под порывами ветра. В последнее время Абориген потерял пять овец, а ещё раньше – оставил дома миловидную, круглолицую жену – а это опасно, и несколько месяцев провалялся в больницах. Сам же Есенбай не ждёт милости от городских казахов. Найдёт способ жить безбедно и хорошо. В начале лета от палящего зноя поверхность почвы покрылась трещинами, кошара загорелась, трянуло под песками в глубине земли. Он тут же перекочевал к железной дороге, остановился прямо напротив совхозного центра, поставил юрту. Заткнув камчу за голенище сапога, с угрюмым выражением лица вошёл в контору. Для кого-то – это ложь, для Есеке – правда. Мамырайхан уже стал депутатом парламента и два месяца был на сессии, подрёмывая в прохладном зале заседаний, поднимая руку, когда все поднимали, хлопая в ладони, когда все хлопали. Если председательствующий задавал какой-нибудь вопрос, бойко отвечал: мы выбираем ваш путь; вернулся сытый, довольный. Мамырайхан встретил Есенбая с распостёртыми объятиями, налил из белого чайника чаю и предложил выпить. Тот с сумрачным видом отказался. Мамырайхан начал было рассказывать, как он в столице был на сессии, говоря восхищённо: «Ай, каких я умных и острых на язык джигитов слышал, просто умницы!».

Есенбай и глазом не моргнул, и ни один мускул не дрогнул на лице. Выхватив из-за голенища камчу, бросил на стол. И без всяких предисловий выпалил:

– В песках от жары творится ад, воды нет! На сакмане помощников нет. Иди и сосчитай овец, а я ухожу.

Взяв камчу в руки, заявил:

– Я написал на тебя заявление на 53 страницах, там указал, что ты забыл про обещания, данные чабанам перед выборами, они живут в ужасающих условиях, им никто не помогает.

Мамырайхан побледнел, упал духом и, заискивая, сказал:

– Ау, ты бы свои проблемы... высказал устно, по-родственному, помягче, ну разве так можно?..

– Вон твои овцы бегают возле железной дороги, если проедет поезд, то раздавливает всех на шашлык.

Мамырайхан вскочил как ужаленный, собрал женщин и с их помощью отогнал овец от железной дороги. Есенбай пришёл домой и лёг отдохнуть. Тут появилась одна девушка и сказала: «Дяденька, депутат зовёт вас к себе домой».

«Что ж, если зовёт, то посмотрим, хочет поговорить – поговорим, нальёт – выпьем, даст еду – покушаем», – сказал себе Есеке и, важно пройдя по аулу, вошёл в дом Мамырайхана. В доме была тишина, никого не видно, одни пустые комнаты, будто вымерли все или куда-то откочевали. Еле нашёл хозяина в самой дальней комнате. Тот лежал на продавленном диване. Увидев чабана, он заговорил, тяжело и прерывисто дыша:

– Жена на курорте Сарыагаш, лечится. Сын в школе, дочь сбежала замуж, в этом доме нет никого, кто бы поставил казан на огонь и приготовил поесть.

И замолчал. Потом поднял голову, поправил подушку.

– А теперь, дорогой, слушай меня внимательно: гони свою отару на зимовку возле Куандарьи, это место, конечно, не рай, но ты потерпи малость, вот поправлюсь от болезни, то новенькую водовозку кооператива выделю тебе... Обещание моё твёрдое, слово сдержу, верь мне, а теперь, если не хочешь меня живо похоронить, то порви своё заявление на 53 листах и сожги на моих глазах.

Есенбай внутренне возликовал, услышав слова «новенькая машина». Ему стало жаль заболевшего депутата. Он хоть и действительно написал заявление, и говорил всем про это, но всё же не послал его в область. Чабан нагнулся и вытащил из-за голенища сапога это заявление. Глаза у хозяина дома вытаращились от изумления.

– И что, здесь написаны все факты против меня?

– Все про тебя.

– О ужас, столь много страниц!

– Если поискать, оказывается, можно найти.

– Порви, дорогой, и немедленно сожги!

Есенбай пожалел своё, долгими ночами с такой охотой написанное произведение, ведь он вложил в него столько труда. И покачал головой.

– Хорошо, я пока никуда не пошлю, не буду поднимать шум, в тот день, когда перед моим домом остановится новенькая водовозка, вот только тогда я при всех сожгу это заявление, – сказал он, подумав.

Затем взял свои бумаги и засунул за голенище, встал и холодно, не прошившись, вышел из комнаты. А теперь он понял, что поступил тогда правильно, прижав Мамырайхана, а если бы не прижал, то не видать бы ему ни отремонтированной кошары, ни свежей воды, ни дополнительного заработка. Может, как Абориген протягивал бы руки с просьбой ко всем, остался бы без воды, и покусал бы его каракурт, и ходил бы он из одной больницы в другую, и болел бы всё лето, то оживая, то умирая. Ехе-ехе-ехе!.. Ха-ха-ха!.. Никто его не жалеет, так разве он, что ли, должен кого-то жалеть? Нашли дурака! Время сейчас такое – каждый гребёт под себя и до других никому нет дела. Как ему не смеяться! Кто слушает его плач, его мучения, только и осталось что зарыдать, или схватить за воротник учёного, прибывшего из столицы, да спросить, куда ты дел воду Сырдарьи, как успел погубить Аральское море?

Через два дня на северной стороне Абылуйгена появились двое археологов – в белых кепках, тёмных очках, с лопатами в руках и начали, как суслики, копать белую глину. Колодцекопатели, не переставая работать, вначале погрузились в землю до пояса, через день видны были только верхушки голов. Какие, однако, у этих дивных парней были крепкие души и твёрдая воля! Работали они как заводные. Ведро быстро наполнялось глиной. Привязав верёвку к ведру, они кричали помощнику, стоявшему наверху: «Давай, поднимай!».

Они не просили воды, не говорили, что устали, не отдыхали, работали от души. На пятый день приехал Байпак, чтобы проверить работу, и остался очень доволен.

– Копайте глубже, когда дойдёте до пятого метра, пришлю ещё помощников.

– Это что за помощники?

– Историки, девушки из университета, сегодня присланные к нам. Сами они с тонкими талиями, а икры их ног полные, как столбики дворца, лица белые, нежные, просто красавицы.

– Пришлите двоих, пусть откидывают выброшенную землю подальше от колодца.

– Боюсь, что тогда вы засмотритесь на этих красавиц и вывихнете шеи, – пошутил Байпак. Однако действительно утром к краю колодца подошли две девушки в ярких платьях. Увидев их, юноша, жевавший хлеб, чуть было им не подавился. Глаза у него заблестели, на лице заиграл румянец. Оказывается, снизу видны не только полные икры ног, но и другие части тела, особенно скрытые места. Молодой копатель стал размашисто и энергично бить кетменём землю, вонзаясь как можно глубже. Солёный пот залил лицо. Наверху раздавались звонкие голоса девушек, а его спина горела и пылала жаром, как будто кто-то провёл по ней ярко-красным огнём. Через некоторое время сильно устав, прерывисто дыша, он сел на дно колодца. Сказал напарнику: «Кровь что-то ударила в голову, маленько отдохну». Пощупал карманы, ища сигареты и спички, и вспомнил, что они остались наверху.

«Эй, подайте верёвку», – хотел крикнуть он, подняв голову, но опять увидел полные икры, белые, как снег, бёдра, и опять не смог отвести глаз. Вскочил на ноги и, забыв обо всём на свете, лихорадочно схватил лопату и стал неистово копать.

Приехал Абориген. Он лёг на край колодца и прокричал: «Как вы там, живы?». И делал он это не раз. Внутри колодца становилось всё прохладнее. В полдень один из копателей по верёвке выбрался наружу. От холода у него стучали зубы, лицо побледнело. Байпак растерялся и, вытащив из кармана фляжку, открыл крышку и дал юноше глотнуть немного спирта. Положил его на горячий песок. Через некоторое время парень пришёл в себя и сказал: «Байеке, если мы и дальше будем копать, всё равно вода ещё нескоро появится на дне колодца. В давнее время наши предки, копатели колодцев, чтобы не осыпались песчаные стенки, выкладывали их саксаулом – это раз; во-вторых, если не вытаскивать глину двойным блоком, то работа не будет продвигаться быстро». После этих слов настроение у Байпака упало, как будто придавленное тяжёлым камнем. Парень говорил правду: если не укреплять стенки колодца, то до следующей весны они обязательно обвалятся. Их в обязательном порядке нужно укрепить досками. И чем глубже будет колодец, тем труднее это будет сделать. Следующее мучение: это не дело – вытаскивать пропитанную сыростью глину вёдрами. И тяжело, и времени уходит много. Такими темпами придётся рыть колодец до зимы.

На своём гнедом коне не спеша подъехал Абориген. Спрыгнул с коня, поздоровался со всеми и сел на песок. Помолчал. Увидев понурые лица Байпака и молодых копателей колодца, сразу понял, что они зашли в тупик. Вдали на горизонте показалась туча, и тут же загредел гром. Абориген, наклонив голову на плечо, иронично хмыкнул: «В наше время и погода, и люди сошли с ума».

И вправду, он впервые слышал гром в это время года. Круглый мяч солнца окрасился в красный цвет, и чем ниже клонился к горизонту, тем больше превращался в пылающий огонь. Песок казался багровым. Глаза чабана стали похожими на красные угольки.

– Я знаю, почему вы сидите, понутив головы, – сказал Абориген, – отсюда на сотню километров в глубь песков нет саксаула, его как бритвой срезало; уничтожили люди, жившие вдоль железной дороги, они рубили саксаул для приготовления пищи. Единственный выход: я сломаю летнюю открытую кошару и возьму доски, лишь бы они сгодились на укрепление стенок колодца.

Байпак не спросил: «А куда ты будешь запираться овец, чтобы они не стали добычей хищников?». Он видел, как измученные жаждой овцы совсем обессилены, чуть толкнёшь – падают с ног, заимели привычку скучиваться возле дома гурьбой. Людей не пугаются, шакалов не боятся. Бедные животные, высунув язык от жажды, тяжело дыша, только и знают, что ходить вокруг дома всем скопом, и так жалобно смотрят на человека, что, право, слёзы наворачиваются на глаза.

– Глину со дна колодца будем поднимать наверх не ведрами, а большой бадьёй, и, как в старину делали наши прадеды, будем поднимать на верблюде, – заключил Абориген, без слов понявший мысли Байпака, – у соседа-чабана есть один-единственный верблюд, я много раз упрашивал дать мне его на помощь, еле уговорил, и верблюда вскоре приведёт мой помощник, старик Калтай.

Услышав эти хорошие новости, потерявший было всякие надежды на благополучное завершение дела Байпак радостно поднялся и отряхнул пыль с одежды.

– Вырыть колодец и не зависеть от высокомерных активистов и начальников – моя давняя мечта, учёный брат. И без того они только и знают, что клеветать за моей спиной, – добавил Абориген.

– Не бойся.

– Как ты думаешь, мой учёный брат, докопаемся ли до воды, или всё это бесполезная и бессмысленная трата сил и времени?

– Я показал это место специалисту-геодезисту, он сказал, что надо выкопать ещё три метра, тогда обязательно покажется вода. Я верю ему.

– Да сбудутся мои мечты, брат мой!

Как было бы хорошо, если бы в этом равнодушном мире люди протягивали друг другу руку помощи, поднимали бы друг друга, когда кто-нибудь падал, творили бы только добро, тем самым озаряя радостью невёселую жизнь. «О как это было бы хорошо», – подумал растроганный Абориген. На его глаза навернулись слёзы. Как ему было тяжело сидеть одному на этой безлюдной земле и как сторож, служитель мечети, охраняющий святое место, оберегать этих овец и сидеть без надежды, опустив руки, не зная, что делать, как найти выход. Долгих лет ему жизни – пришёл вот этот благородный человек Байпак и, протянув руку помощи, принялся копать ему колодец. Вник в его бедственное положение, пожалел, проявил сострадание и милосердие. Иначе кого могут подкупить один его баран и несколько бутылок водки, да и что это за богатство – так, мелочь! Не стоит и говорить.

Да, кстати, всё происходит от слов «проявил сострадание и милосердие»: однажды, когда всё изнывало от адской жары, с неба – нет, не с неба – из металлической стрекозы-вертолёта спустился в соломенной шляпе, в тёмных массивных очках большой и важный начальник. Он был измучен жаждой, весь в поту. Сел, скрестив ноги на войлочной кошме на почётном месте, попросил напиться. У Аборигена был компот из сушёных фруктов, который он берёт как зеницу ока.

Жена тут же принесла компот в пиале и протянула гостю. Отпив из пиалы, этот большой начальник сморщил лицо, сделал кислую мину и хотел было выплюнуть, но постеснялся женщины. Пришлось ему, бедняге, проглотить кислятину. Некоторое время спустя он поднял голову и начал говорить. Охрипший голос донёсся до слуха приглушённо, будто шёл из-под земли.

– Я председатель комиссии по спасению Аральского моря. Оказывается, наши статьи, которые мы давно пишем, наши собрания, где мы с болью обсуждали трагедию Арала, не дошли до верхов, до ушей президента. Другие страны не дали финансовых средств. Мы потеряли зря драгоценное время и стали лжецами перед нашим народом, – сказал он с горечью и болью.

Абориген спросил:

– Так что, теперь Аральское море не войдёт в свои прежние берега и не порадует нас своим полноводьем?

– Аралу конец, братишка!

– Как теперь жить, на что надеяться? В последние годы вода в колодцах стала солёной, пенистой, отчего мясо овец затвердело, оказывается, всё шло от этой беды, брат мой, о-о-о-ой!

– И когда умирает отец, извещают об этом, Арал на этом умер, брат мой, не знаю, встретимся ли когда-нибудь, о, переменчивый мир!

Председатель комиссии по спасению Арала и Абориген не заметили, как устремились к друг другу и, обнявшись, как родные братья, долго горевали по высохшему родному Аральскому морю. Снаружи горестно завyla собака, заблела больная овцematка.

– Ой, брат мой! Как теперь жить, как жить без воды? Неужели, продолжая так жить, мучаясь от жажды, когда-нибудь протянем ноги?! С тех пор как я появился на свет, у меня не было удачливого пути! Я не знаю как ты, я же избран депутатом, имею авторитет, и я, бедняга, думал, что если я скажу: это белое – то оно действительно белое, если чёрное – то оно чёрное. И вот, горделиво шагая по жизни с высоко поднятой головой, я только сейчас понял, брат мой, как я жестоко ошибался, каким был самонадеянным. Я ничего не сделал. Перекочуем, что ли, отсюда навсегда, бросив на произвол судьбы родную землю?

Так, поддакивая друг другу, долго не могли сдержать обильно льющих слёз. До самого вечера оплакивали высыхающее на глазах Аральское море. И было горе этих людей не поддельным, а искренним, идущим из самых глубин души. И поймёт их только тот, кто своими глазами видел трагедию Арала, когда сам с детства видел прекрасное полноводное море, источник жизни для многих людей, и оно на глазах уменьшается с каждым годом и, испаряясь, улетает в воздух, а соль, поднятая со дна высохшего моря, несёт гибель на огромных пространствах.

Через некоторое время председатель комиссии промыл опухшие глаза тёплой водой и собрался улетать. Поднялся, прошёл к двери и, резко обернувшись, сказал: «Те, кто загубил Аральское море, будут вопить от боли в своих могилах!». И, поставив ногу на железную лесенку вертолётa, добавил: «У этих мест нет будущего, будешь кочевать или не будешь – это твоё дело, но мы больше не увидимся». Вертолёт поднялся и вскоре растаял в синем небе.

Наступили вечерние сумерки, и сразу же подул пронизывающий ветер. Тихая местность стала ещё более угрюмой, сумрачной. Завyla собака, жалобно заблеляли овцы. До слуха Аборигена всё ещё эхом доносились слова, сказанные председателем комиссии: «Нет жалости, нет жалости... будут вопить в могилах... будут вопить в могилах!». И куда бы он ни пошёл, куда бы ни поворачивал, везде ему чудится, что под ногами лежит разрытая могила, много могил, и что он ходит по костям мертвецов, с хрустом ломая их. И что там больше покоится людей, чем ходит по земле, что без могилы нет ни одного клочка земли. Куда он ни пойдёт, везде увидит могилу. Он видит прах Коркыта – предка, и видит трупы множества людей, которые стонут и скрежещут зубами. После того как его посетил на вертолётe тот председатель комиссии, Абориген разительно изменился, он почувствовал себя душевно опустошённым, через неделю свалился с ног и не

смог подняться с постели. Дальше его история известна: приехал врач Ер-генбай, осмотрел, поднял всех на ноги, крича «наш передовой чабан умирает». В конце концов отвёз его, обессиленного, изнеможенного, в областную больницу...

Устав, Абориген заснул перед рассветом. И приснился ему человек, приле-тевший тогда на вертолёт. Неизвестно отчего, но волосы у него разрослись космами и стали белыми-белыми. Он стоял печальный, говоря: «Мои волосы побелели раньше положенного срока, братишка».

После того как досок, снятых со стен кошары, не хватило, на худом верблю-де чабан стал из песков таскать кусты бояльча и пеньки джиды. Стенки колод-ца были надёжно укреплены, и песок перестал сыпаться. Работа пошла в уско-ренном темпе. Парни стали уверенно, не заботясь ни о чём, копать землю, бы-стро наполняя бадью и углубляясь с каждой минутой. Почва становилась сырой. Вечером в пятницу из бадьи вылилась грязь с водой. Увидев это, Байпак закри-чал от радости, душа его возликовала. Услышав этот ликующий голос, прибежал Абориген. Пристально взгляделся в дно бадьи, сунул руку, полизал палец. Широ-ко улыбаясь, засмеялся от души. «Вода», – сказал он с огромным облегчением. Так Колумб, наверное, произнёс слово «Земля» после многодневного опасного плавания по Атлантическому океану.

6

Вскоре археологи нашли на месте древнего города множество человечес-ких костей, кувшин, полный золотых монет, осколки оружия и много чего друго-го, хватившего бы на груз для трёх верблюдов, и заявив: «Этого хватит для отчё-та о проделанной работе», стали готовиться к отъезду в столицу.

Продолжать раскопки оказалось невозможным по одной веской причине: во-первых, выделенные средства для этой цели были израсходованы, во-вто-рых, наука оказалась теперь в условиях рыночной экономики, она должна была сама себя обеспечивать. Университет прислал официальное уведомление, что нет денег для дальнейшего финансирования работ. Байпак собрал членов экспе-диции, отдал распоряжение – раскопки прекратить и собираться в дорогу. Бре-зентовые палатки были собраны, вещи упакованы и погружены на машины. «Увидимся ли когда-нибудь или нет, попрощаюсь с чабаном», – решил Байпак и в последний день сборов завернул к Аборигену, обитавшему неподалёку. Из-за угла кошары показался сам хозяин. Увидев гостя, пошёл навстречу. Поздоровался, протянув руки, – ладони были шершавые, как рашпиль.

«Идёмте в дом», – сказал он гостеприимно. Лицо его, когда-то круглое, с румянцем на щеках, постарело, было в морщинах. Подбородок заострился, нос опустился, глаза стали настороженными, так и пронзают насквозь. Байпак, пригнувшись, вошёл. Хотел было снять обувь, но Абориген предостерёг: «Не сни-майте, пол холодный, жена уехала навестить родственников и детей в интерна-те, уже неделя как я один, сам себе готовлю еду». Байпак, боясь удариться голо-вой о низкий потолок, пригибаясь, прошёл во вторую комнату. Стал искать стул, чтобы сесть. В комнате было полутемно, еле найдя маленький стульчик и тряп-кой протерев поверхность, сел. Хозяин дома опустился на квадратную кошму и закашлялся.

«Вода в колодце стала солоноватой», – сказал он с горечью. Неприятная новость сильно поразила Байпака, на него будто обрушили тяжёлый камень. Растерявшись, он ничего не мог сказать.

В последнее время Аборигену снова зануджилось: чуть походит подольше, как в глазах темнеет, тупая боль сдавливает затылок. Утром он просыпается с привкусом ржавчины во рту, случается, и харкает кровью.

«Мы-то уедем в столицу, доберёмся до благ цивилизации, а вот как будет жить этот бедолага, жующий твёрдый курт, пьющий горько-солёную воду и страдающий болезнью живота», – подумал Байпак с жалостью. И не знал, как озвучить свои мысли.

«Жена уехала к родичам по надобности или погостить?» – спросил Байпак из вежливости, чтобы поддержать разговор и избавиться от гнетущих мыслей. Абориген, лежавший на кошме, молчал. Не дождавшись ответа, учёный переспросил.

«Я думаю, вскоре она вернётся к своему золотому порогу»... Байпак поднял голову и с удивлением глянул на чабана, лежавшего в полутьме. Присмотрелся внимательно и обнаружил, что чабан-то, сильно уставший за день, задремал. Байпак поднялся и с расстроенным видом хотел было выйти из комнаты. Лежавший чабан вздрогнул и очнулся. Поднял под себя ноги, рывком поднял голову.

– Ау, вы что, хотите уйти? Я всю ночь, не смыкая глаз, сторожил овец. Простите, нечаянно заснул. Вы садитесь, я сейчас поставлю на огонь казан, разогрею мясо, попьём чайку. Ведь сказано – не уходи понапрасну из дома.

– Пусть будет тобою доволен Аллах, не беспокойся. Мы уезжаем, прощайте, некоторое время мы были добрыми соседями, кушали ваш хлеб и соль, не думайте о нас плохо. Чем смогли, тем и помогли, что было в наших силах – всё сделали.

– О чём вы говорите! Такого добра, которое вы сделали мне, я не видел и от отца. В песках мне вырыли колодец, детям помогли лекарствами, на вашей машине я привёз сено и дрова... Если говорить обо всём, то нет счёта вашим благодеяниям. Вы что, и вправду собираетесь уезжать?

У Аборигена запершило в горле от тех укоряющих слов, которые он хотел сказать, но не решился: «Неужели вы оставите своего братишку в этом жарком аду? Оставьте и уедете? Так что же это?» – хотел спросить он.

– Не знаю, мы должны были успеть нанести на карту все раскопанные места этого древнего города. И взять на учёт найденное при раскопках имущество. Однако столичное начальство приказывает возвращаться. Кажется, большим начальникам в столице не нравится, что мы хотим доказать – наши предки имели свою историю, свои города, что они торговали наравне с Римом, Киевской Русью и вообще имели хорошо развитую цивилизацию. Оказывается, наше начальство ссылается на отсутствие средств для дальнейших раскопок, что нам не надо из ничего делать что-то, лучше тихо и спокойно работать в городе, получая зарплату и обеспечивая семьи. Немало критиковали меня и в конце концов объявили выговор. Пусть! Я знаю, что Бог, давший мне жизнь, сам и заберёт.. в общем, мы уже полностью готовы к отъезду.

– Если я пасу овец, то вы «пасёте мысли». Я думаю, что и у вас незавидная доля и тяжёлая жизнь, – посочувствовал Абориген.

– Если ты пьёшь солёную воду и часто болеешь, то мы пьём холодную воду, чтобы погасить внутренний пожар в душе. Среди нас нет никого, кто был бы доволен своей судьбой. Наоборот, у всех проблемы, у всех своё горе. Ты тоже остаёшься один на краю земли в песках, наедине с измученными жаждой животными. Я не спрошу, какие у тебя надежды на завтрашний день, как ты проведёшь сегодняшний день, брат.

– Я ничего не знаю, – уныло ответил чабан, выходя вместе с ним наружу. – Говоря по правде, у скота, пасшегося на горькой полыни и пьющего солёную воду, мясо твердеет и становится непригодным к употреблению. Кажется, меня и эту отару овец оставили для эксперимента – выживем ли я и мои овцы без воды в этих жарких песках. Ведь учёные берут кролика и сажают в железную клетку, а мышь в стеклянную посуду и выращивают, наблюдая за ходом развития; вот так

и меня, кажется, специально оставили здесь для опыта выживания, до каких пор я выдержу в этих адских условиях. Когда впервые построили Семипалатинский ядерный полигон в начале 50-х годов, то жители района Абралы были выселены, а на берегах реки Аксу были специально оставлены 30 человек для опыта, об этом стало известно позднее. Сейчас из этих тридцати человек живы только трое. Может, и я нужен для будущей науки, чтобы выяснить, сколько может выдержать человек, живя в трудных условиях.

Не зная что ответить на эти слова, Байпак смешался и промолчал. Граница между небом и горизонтом была желтоватой, чёткой, как будто прочерчена карандашом. Вершины барханов приподнялись, стали похожи на горбы верблюдов и загорелись кроваво-красным огнём. Это обычно бывало перед песчаной бурей. Вскоре стало тяжело дышать, невидимые для глаза мельчайшие частички соли и песка стали оседать на лице, ушах, шее, вызывая сильный зуд. Лежащие под землёй тысячи духов-предков, очнувшись ото сна, стали стонать и плакать; и земля и небо – всё заполнилось жутким воем. Почувствовав приближение ярости природы, отара овец подняла головы, прислушалась и гурьбой побежала в степь. Байпак сказал «прощай» и протянул руку чабану, ставшему ему младшим братом, улыбнулся тепло, приветливо. Постарался сказать ободряющие слова.

– Выдержи, терпи, всё будет хорошо, всё будет правильно, всё наладится к лучшему.

– Вытерплю, а что делать, как не терпеть, полечу, что ли, на небо? Кто придёт сюда, кроме меня, сюда, где когда-то ходили мои предки? Здесь я родился, здесь и помру.

– Да, кстати, причина горечи подземных вод в колодцах в том, что с Байконура для производственных нужд космодрома в песках Кызылкумов в восьми точках пробурили очень глубокие скважины, от них провели трубы и стали качать мощными насосами пресную воду. Вследствие того, что с годами уменьшилось количество пресной воды, нарушилось экологическое равновесие природы. Человек и природа – две чаши весов на нашей планете. Эгоизм, жадность, потребительское отношение к богатствам природы привели к тому, что чаша весов природы всё уменьшается, становится легче, и я боюсь, что это может привести к экологической катастрофе.

– Эти люди стали грабить не только ту воду, что на поверхности, но и воду под землёй, что это как не грабёж родной земли моих предков? О, как это тяжело сознавать!

Абориген закачался от невыносимой душевной боли, что пылающим огнём жгла его сердце. Опустив плечи, согнувшись, он посмотрел в спину быстро удалявшемуся Байпаку. Повернулся к испуганным овцам, которые, боясь приближающейся песчаной бури, скучившись, шли как попало в степь. Он закричал «шайт-шайт» и быстро кинулся к ним с намерением повернуть обратно в сторону кошары. Он всё забывал, стоило только заняться овцами. Кирзовые сапоги на ногах были тяжелы, словно кто-то привязал к ним камни. Из-за голенищ высывались портянки, стельки сжимались в гармошку, мешая бежать, и всё же, несмотря на это, он передвигался довольно быстро. Если бы бежал босиком, то без всякого сомнения был бы одним из лучших бегунов-спортсменов в области. Хотя тяжёлые сапоги и мягкий, рыхлый, ползучий песок мешали делать большие шаги, всё же вот этот его бег не догнать собаке, настолько Абориген был натренирован. Короче, он был чабаном-бегуном. И ещё он, пьющий горько-солёную воду из колодца, жующий твёрдый курт, – терпеливый духом

джигит. Немногие выдержали бы, окажись в таких условиях! Не падающий духом, волевой, выносливый, не сетующий: «Где находится моя жена, как я соскучился по детям, ау», – таков наш герой, наш чабан.

Тяжело дыша, помогая себе палкой, он всё бежал и бежал к головной группе овец. Добежав, тут же повернул их в сторону кошары. И тут понял, что не напрасно торопился: барханы приподнялись под ветром как горбы верблюдов и стали похожи на волны бушующего моря. Песок заструился подобно ползучим змеям, стал бить по ногам, валя с ног. Мельчайшие частицы соли разъедали глаза, от них трудно было дышать. Некоторые овцы лежали на песке, тяжело поводя боками. Видя всё это, Абориген, подняв их всех на ноги, подгоняя палкой, направил в кошару. И успокоился только тогда, когда они все вошли туда. Закрыв дверь и для надёжности подперев её палкой, он повернул к дому. От сильно дующего ветра, от соляной крупы округу стало плохо видно.

На небе сверкнула молния, раздался какой-то шум. Закрыв руками уши, он втянул голову в плечи, согнул колени. Посмотрел и увидел, как с высоты опускается с грохотом металлическая стрекоза. Она села рядом с домом, чуть не раздавив его. «Эй, эй, вы ломаете мой дом! – завопив ужасным голосом, Абориген вскочил на ноги, – что, мало вам других мест в окрестностях Арала? Подальше, подальше от меня!».

Вначале он подумал, что это прилетел тот человек с непроницаемым лицом. Хотя у него и был суровый взгляд, но душа была тёплая, добрая. К людям у него были жалость, милосердие, понимание. А этот человек, спрыгнувший вниз, совсем не похож на того доброго, милосердного. Свалился рядом с ним как обрубок дерева. «Ой, мой Бог, я зашиб грудь, как мне больно, ой-бай, ой-бай, как мне больно!» – застонал этот человек. Абориген протянул ему руку и помог подняться.

Э – это же Мамырайхан! Его тело заплыло жиром, стало ещё объёмнее, выглядело дебелим и массивным. Прижимая руками грудь, он орал, ругая лётчиков непотребными словами. И тут на землю упали два полных мешка, связанных верёвкой. Потом вертолёт поднялся и с гулом исчез в песчаной буре. Мамырайхан, кашлянув, пробурчал:

– Эй, ты, что стоишь как помешанный!

Абориген не торопясь отряхнул пыль с одежды, снял кирзовые сапоги, перевернул их и вытряхнул песок. С удовольствием почесал босые ноги.

– Эй, ты что, сошёл с ума?

Абориген, не отвечая, посмотрел на мешки и начал тщательно стряхивать песок с сапог. Делал это не спеша, с равнодушным выражением лица.

– Бери мешки и носи их в дом, – сказав это, Мамырайхан, всё ещё держась за ушибленную грудь, пошёл вокруг кошары. Абориген натянул сапоги. Пощупал один из мешков, внутри было что-то твёрдое. «Камни, что ли, привёз?» – подумал он и, развязав мешок, увидел, что он набит сахаром-рафинадом. Во втором мешке оказалась мука второго сорта. Абориген иронично засмеялся. По очереди занёс мешки в дом. Отряхнул одежду от мучной пыли, поставил казан на печь, разжёл огонь. В ведре не было воды. Взяв ведро, он вышел наружу и увидел, что ветер усилился. Если песок будет двигаться до самой горы, то, вполне возможно, полностью накроет и его дом, и кошару.

Едва преодолевая шквалистые порывы, Абориген добрёл до колодца, отверстие которого было плотно закрыто крышкой, сверху ещё застлано кошмой, чтобы внутрь не просачивался песок, и придавлено тяжёлыми камнями. Освободив и подняв крышку, он опустил в колодец на верёвке ведро и с усилием вытащил его, наполненное водой. Когда вошёл в дом, то очень удивился – Мамырайхана не было.

«Уж не съел ли этого толстяка волк или же его засыпало песком?» – всполошился Абориген и обеспокоенно открыл дверь наружу.

И сразу же сыпучий песок ворвался через порог в дом. Эта ползучая беда проникает повсюду – и в постель, и в одежду, оседает на пищу, скрипя на зубах. Ну прямо неистребимая напасть! Чабан обогнул дом, прошёл возле кошары и вдруг услышал приглушённый ветром голос, доносившийся как будто из-под земли, и был он яростным и диким. Абориген направился в ту сторону. Ранней весной он выкопал несколько ям, чтобы они наполнились водой от тающего снега и дождей. В одной из них и увидел своего начальника. Тот упал и не мог оттуда выбраться.

– Шайтан бы тебя побрал, проклятый чабан, – завопил Мамырайхан, увидев его, – я хотел сходить по естественной надобности, как вдруг грохнулся в эту яму. Откуда мне было знать, что ты здесь вырыл столько ям, как будто выкопал могилы.

Протянув руку, Абориген еле вытащил грузное, тяжёлое тело.

– Ау, не копай ям, держи всё в чистоте, ведь я тебе ещё в прошлом году это объяснял! А? Ну что ты за человек: говоришь – в одно ухо влетает, из другого вылетает. И в голове ничего не остаётся.

Не переставая чертыхаться, ругая и проклиная Аборигена, Мамырайхан переступил порог и ударился головой о притолоку, завопив от боли:

– Я, наверное, пришёл в этот дом за своей смертью, чтобы преждевременно погибнуть. Если бы я знал, что ты выкопаешь ямы за кошарой, которые похожи на ловушки для дичи, и знал бы про твои проклятые низкие притолоки, то, клянусь душой, никогда бы сюда не приехал. Думал, заеду-ка я к нашему чабану да посмотрю как он живёт, вот и завернул специально, иначе послал бы кого-нибудь из подчинённых.

Ахая и охая, прошёл во вторую комнату и свалился на войлочную кошму. Абориген подал ему мягкую пуховую подушку, чтобы тот мог, подняв её повыше, удобно облокотиться. Спросив: «Будете мыть руки?» – принёс кувшин и тазик. Мамырайхан, с трудом скинув верхнюю одежду, оголил локти, хлебнул тепловатой воды, побулкал, прочищая рот, и с недовольной гримасой выплюнул в тазик. Посмотрел обалдело, расширив глаза, ох какие у него были глаза – так и жгли и пронизывали насквозь. «Ты что, добавил соли в воду, ой-бай!».

«Это вода, которую мы пьём!» – усмехнулся Абориген, впервые ответив на ругань начальника. От злости лицо чабана стало похожим на перезревший разрезанный арбуз, налилось кровью – и кто знает, может, и ударил бы по шее Мамырайхана кирзовым сапогом, да чудом сдержал нараставший гнев. Зато с яростью отодвинул к двери и кувшин, и тазик. Мамырайхан вскрикнул от страха и, отступив назад, прислонился к стене. «Чур... чур... чур...». В ужасе подумал: «Этим чабаном, одиноко живущим в песках, действительно овладели джинны. Ибо страшно на него смотреть. В молодости был похож на дурную козу, в этой же дикой безлюдной пустыне совсем свихнулся. И, конечно, сколько у него осталось мозгов, если пьёт солёную воду и до вечера борется с голодными, измученными жаждой овцами».

Хозяин дома, усилием воли сдерживая гнев, сел на стул. «Я слышал недавно, что Мамырайхан стал директором хозяйства, это оказалось правдой. Он доволен и рад до ушей своей власти и своей наживе на этой должности. Но разве жизнь изменится от того, что пришёл ещё один новый начальник», – горестно подумал чабан.

Снаружи вой ветра усилился, стёкла в окне затрещали, чуть не лопааясь. В печной трубе завывло, как истошно завывали громкие трубы-карнаи хромого Тимура. В комнате наступила нехорошая тишина. Двое мужчин в двух углах смотрят друг на друга как враги.

– Где женщина этого дома? Почему не ставит казан на плиту? С тех пор как хозяйство перешло на рыночную экономику, продуктов питания стало меньше. То, что было на базах и складах – всё ушло в руки лихих перекупщиков-посредников. А вот твой начальник и народный депутат не зря летает на вертолёт, проверяя положение чабанов. Да, ты занёс в дом мешок муки и мешок сахара? Это мой подарок тебе как депутата.

Сказав это, Мамырайхан расстегнул пуговицу рубашки, расслабил галстук и развалился, как барин, на пуховой подушке. За короткое время он быстро забыл и про страх, и про беспокойство. Стоило ему только вспомнить, что он депутат, как тут же на глазах переменялся. Неужели возможна такая резкая перемена в человеке? – удивился чабан. Недавно только сидел, проклиная всё на свете, чувствуя себя пасынком жизни, и вдруг в мгновение ока заважничал, возгордился, как надутый индюк. Мамырайхан придирчиво осмотрел комнату. «В прошлом году в этом доме была неплохая мебель, одежда, утварь, когда привозил сюда девицу-обезьяну для отдыха, она ещё напилась и спела немало песен, а вот сейчас, да, мебели маловато, будто побывали тут воры. И чабан за год сильно сдал, постарел. Волосы поседели, морщины на лице углубились. А кашель-то, кашель – звучит так громко, будто взорвалась фугасная бомба, так и режет уши», – подумал Мамырайхан, а вслух спросил:

– Ты что, болеешь, что ли?

– В последнее время нет мне покоя. Утром еле поднимаюсь с постели, под рёбрами с правой стороны появился отёк, опухло всё, не даёт двигаться, во рту отдаёт ржавчиной. В висках стучит, в ушах звенит, перед глазами возникают круги. Особенно после того как жена уехала к своим родственникам, я не могу есть горячую пищу и чувствую, что силы покидают меня, я хуюеу и хуюеу.

– Стой, не говори ерунды, терпи, прояви мужество и стойкость. Ты же мужчина! Я говорю: твоя жена – разумная женщина и обязательно вернётся к тебе. Когда ты болел и лежал в областной больнице, она хорошо пасла овец, ухаживая за ними, и умело хозяйничала по дому. Все хвалили её, тепло отзываясь о ней.

Помолчав немного, Абориген встал и зажёл лампу. Прошёл к печке, открыл дверцу, уложил рядами кизяк. Взял ворох газет, обмакнул в солярку, налитую в жестяную банку, подложил под дрова и поджёл спичкой. Пламя сильно вспыхнуло и чуть не обожгло лицо. Чабан захлопнул дверцу и, повернувшись, глухо сказал:

– Если ты не хочешь, чтобы я сошёл с ума один в этой безлюдной пустыне, то пересчитай этих овец и забери к себе. Я ухожу отсюда.

– В центре тебя никто не ждёт. Каждый озабочен своими проблемами... Хорошо, согласен. Пересчитаю твой скот. А куда пойдёшь ты? У тебя же нет никакой специальности, заявление не можешь правильно написать, гвоздь – и то забиваешь криво. Ты что, хочешь надеть на шею торбу и ходить, попрошайничая, в это тяжёлое рыночное время? Я говорю это тебе потому, что ты мой ровесник, одноклассник, с которым я вместе учился, и говорю от души как есть.

– Если не найду работу, то буду сторожем. Хочу быть рядом со своими детьми.

– Места сторожей давно уже поделили уважаемые аксакалы, место почтальона тоже занято, строительная бригада распалась, как только появилось арендное хозяйство. Мы, начальники, сами моем пол по очереди в конторе.

– Неужели не найдётся работа хоть с небольшой зарплатой?

– Что я говорю, что ты говоришь! Если я, депутат, сам подметаю веником контору, то какая к чёрту работа? Кто тебе даст бесплатно хорошую работу? С тех пор как стали хозяйствовать самостоятельно, каждый считает всё до копейки. Теперь не выделяются финансовые средства из бюджета.

– Так что же делать?

– Вот-вот, только теперь можно серьёзно поговорить. Я хочу посоветоваться с тобой о том, что ты станешь делать в будущем. Скоро вернётся вертолёт и заберёт меня в областной центр. До этого мы должны с тобой решить вопрос насчёт тебя и твоей отары. В ближайшее время я не смогу приехать. Сессия парламента, работа комиссий, потом съезд, словом, очень много дел.

По правде говоря, Мамырайхан мог бы передать мешок муки и мешок сахара через своих подчинённых и подхалимов, благо в них недостатка не было. Кроется большой смысл в том, что он в столь позднее время прилетел на вертолёт. Что-то он начал издали и неспроста. Согнув палец правой руки, Мамырайхан поманил Аборигена поближе, сел рядом, колени к колену. Заговорил тихо, внушительно и серьёзно.

– Внимательно слушай и вникай в сказанное мной. Когда мы подсчитали стоимость дома, кошары, отары овец, то сумма получилась, чего скрывать, довольно внушительная. Ты вносишь эти деньги и становишься владельцем целой отары. Хозяином всего этого. Вон Есенбай и Сабыржан уже сделали так. Тогда и животные, и люди – всё под твою ответственность; лишь бы в течение года выполнял план по шерсти, мясу, шкуркам и сдавал в общий котёл по оптовой цене.

Абориген вначале испугался:

– Я и так еле свожу концы с концами, где уж мне покупать отару? На какие деньги?

– Не беспокойся, дорогой. Мы посчитали твою пятилетнюю оплату и зарплату по месяцам, вышло старыми деньгами более 30 тысяч рублей, оставшуюся сумму в 18 тысяч ты погасишь в счёт кредита, который мы тебе дадим. Ты его погасишь постепенно, за счёт доходов. После того как освоишься, станешь на ноги, полностью рассчитаешься. В тенге это потом переведём. По установленному курсу.

– Тогда что, мне сейчас ничего не надо платить?

– Не надо.

– А если будет падёж скота?

– А вот это нас не касается. Зарежешь ли всех овец,пустишь ли по ветру – это твоё дело. Отара ведь твоя. Лишь бы вовремя выполнял планы по мясу, шерсти, шкуркам. Согласен? Тогда подпиши вот этот договор, что купил всю отару овец, даёшь свидетельство и гарантию.

Сказав это, Мамырайхан открыл пухлую папку и вытащил несколько листов жёлтого и синего цвета. Очень тщательно заполнил бумагу с красной полосой посередине, заставил в трёх местах поставить подпись в банковском чеке синего цвета. Так усердствовал, что взмок, пот так и лился с него.

– Надеюсь, не посадите в тюрьму в следующем году, если случится падёж скота?

– Зачем так делать? Ты же частный арендатор, убьёшь ли овец,пустишь ли по ветру, сам знаешь. Только имей в виду, теперь сено и другие корма ты будешь покупать. Не купишь – можешь обходиться только пастбищем, сам себе хозяин, сам себе судья.

– Ай, тревожно на сердце, хоть и поставил много подписей на твои договора. Семьсот овец в этой безводной пустыне без хорошей травы навряд ли будут процветать, скорее наоборот, будут всё хиреть и хиреть, и не случится ли, что я останусь ни с чем, только со своим мягким местом?».

– Ай, дорогой мой, ты теперь не Абориген, ты – арендатор нового времени, говоря общепринятым языком, богач XX века. Ты лучше подумай, как бы не допустить убыли скота. Теперь не рассчитывай, что вот приедет зоотехник и

посмотрит, как проходит кочёвка, что ветврач будет лечить больных животных, ты теперь полностью станешь отвечать за их болезни, будешь похожим на жадного богача прошлых времён. В первую очередь будешь всегда думать о себе и о своих интересах.

Услышав такие слова, Абориген, не зная плакать или радоваться, долго сидел молча, обдумывая сказанное Мамырайханом. В последнее время он много слышал о том, что права у депутатов сильно расширились и что их обещания твёрдо выполняются. Что такое аренда? Почему он так хвалит её, что отдаёт скот в моё пользование? Как бы там ни было, но мне надо спросить обо всём этом у него, пока он не улетел на железной стрекозе, – размышлял чабан.

– Что такое аренда, расскажи, пожалуйста, об этом подробнее и понятнее.

– Ладно, только внимательно слушай. В песках вы с Есенбаем вдвоём образуете одну бригаду, будете арендаторами. Заключите с производственным кооперативом договор о поставке определённого количества шерсти, мяса, ягнят. Потом сам будешь находить и сено, и воду, будешь хозяином около двух тысяч овец, если понадобится ветврач, водовоз, то будешь их нанимать, платить из своего кармана. Все расходы и доходы будешь считать сам. Точнее говоря, из твоего годового дохода у тебя будет отчисляться 5 процентов для содержания аппарата центрального управления. Это директор, экономист, бухгалтер, инженер по строительству, если всех подсчитать, то набирается 16 человек. С прошлого года мы сократили число специалистов до этой цифры. Три процента будут потрачены на нужды арендной бригады, то есть на расходы по содержанию ветврача, водителя, бухгалтера и других нужных специалистов. 32 процента годового дохода будет использовано для арендной платы, то есть они будут израсходованы для строительства на центральной усадьбе хозяйства, для содержания школы и детского сада, для прокладки водопровода и покупки машин и тракторов. Раньше это называлось фондом социального развития, сейчас просто назвали арендной платой. В твой карман попадает жирный кусок годового дохода в размере 60 процентов, а это немалые деньги!

– Эй, что это за такой жирный кусок? Я уже сейчас предчувствую, как вы все скажете мне, что часть 60 процентов использовали для ремонта обвалившейся кошары, для рытья колодца, для других нужд – и в итоге мне достанется лишь малая часть этого жирного куска.

Мамырайхан растерялся. «Как говорят в народе, не проси совета и ума у того, кто пас баранов три года, вот этот бедняга, прозябая в песках, не стал ли тугодумом и глупцом?».

– Тогда купи целиком всю отару овец в частную собственность. Она будет полностью твоя. Будешь давать государству положенное количество ягнят, мяса, шерсти и развивать собственное хозяйство.

– Сколько стоит отара овец?

– С тех пор как государство подняло закупочные цены, возросла и стоимость овец. На старые деньги это будет примерно сто-сто двадцать тысяч рублей. Фу ты, никак не привыкну к тенге.

– Ну, мне столько и за десять лет не заработать. В этих ползучих песках я не разбогатею, став арендатором.

– Почему так говоришь? Или ты купишь целиком всю отару, взяв для этого кредит в банке, или будешь хорошим, хозяйственным арендатором. И отступишь от своих ненужных мыслей, думай только о своей выгоде и о своих интересах. Потом ты поймёшь, насколько я был прав, предлагая тебе всё это!

Аборигену вспомнилось, как детстве его восьмидесятилетний дед Жусуп со слезами на глазах рассказывал про свою прежнюю жизнь. В давние годы у него была одна кобылица для доения и получения кумыса, один конь для верховой

езды, а в маленьком сарае с десятков овец. Он был одним из мелких хозяев смутных 20-х годов XX века. Всё это он накопил упорным трудом, работая с утра до позднего вечера, надеясь только на себя, чтобы не быть в зависимости от богатых хозяев. В 1926 году был дан старт политической кампании «Уничтожим кулаков и середняков как эксплуататорский класс». Мнимый активист аула развил бурную деятельность, грозно приказывая: «Найдите среди вас кулаков для их уничтожения как класса эксплуататоров». Простые, тихие, наивные и доверчивые скотоводы очень удивились.

– Ау, дорогой наш активист, мы же конфисковали имущество богатых баев, отобрав у них весь скот, самих отправили в ссылку в дальние края, тем самым и память о них не осталась. Теперь у нас кулаков хоть днём с огнём ищи – не найдёшь, остались одни бедняки, – отвечали они недоуменно.

– Нет! А ну-ка не саботируйте великое дело товарища Сталина, сказано вам найдите, значит обязательно найдёте, – грозно заявил аульный активист, не слезая с коня. Люди растерялись, пришли к деду Аборигена, тогда ещё молодому, который преспокойно косил траву в низине лога, доил скотилицу, в общем, тихо жил, никому не мешая, занимаясь будничным трудом скотовода. Люди пришли и, чуть не падая перед ним на колени, стали жалобно умолять:

«Пусть это будет выполнением твоего долга перед людьми и родственниками, но ты, пожалуйста, выйди из нашей среды и объяви себя кулаком. Над всем аулом нависла беда, спаси нас», – сказали они расстроено. «Ау, родичи мои, слово «кулак» вроде русское слово, может, они специально говорят, чтобы поссорить нас, видит Бог, все знают, что я – бедный скотовод». Услышав эти слова, родные чуть не заплакали от ужаса. Наконец Жусуп сдался на уговоры людей, пожалел их и согласился, чтоб его считали кулаком. Наутро к нему явился грозный активист, а вместе с ним джигит с кожаными ремнями, который забрал у него весь скот. Жусуп же, плача, причитая, горестно восклицал: «О, Боже, что я сделал плохого, чтобы так наказали меня?»...

Наступила весна 1929 года. Жусуп, чтобы прокормить семью, пахал землю, сеял кукурузу. Тот самый активист опять приехал в аул и грозно приказал, от ярости разбрызгивая слюну: «Немедленно найдите мне самого бедного батрака из вашей среды. Поняли?!». И опять наивные, тихие родственники примчались к Жусупу и сказали, что вот так-то и так-то: будь батраком, выручай людей и своих родных. «Ау, это, конечно, правда, что я голоштаный бедняк, но что такое батрак, я не знаю», – удивился Жусуп. И опять люди уговорили его стать «батраком», вернее, выбрали батраком. К чёрту такие выборы, самое позорное было в том, что его заставили переселиться на окраину аула, поставили ему шалаш, чтобы он жил отдельно от них. Люди вышли навстречу грозному активисту и сказали ему, показывая на Жусупа и его убогий шалаш: «Вот наш батрак, из нашего аула вышел только один несчастный батрак, еле сводящий концы с концами». С тех пор дети пугались, увидев его и говоря: «Вот идёт батрак», разбегались в страхе в разные стороны. Взрослые обиделись на него: «Пусть будет проклят этот батрак, с утра до вечера лежит себе в шалаше и чешет живот, ничего не делая. Совсем забросил хозяйство». В общем, аульчане из подхалимства и желая угодить грозному активисту, сами того не желая и не ведая, оскорбили хорошего, трудолюбивого человека, превратив его во всеобщее посмешище. Его имя Жусуп забылось, – с тех пор его прозвали Батраком. В ту пору казах перестал быть казахом, перестал говорить по-казахски, чуть что, все стали обращаться друг к другу «Здрасти, начальник... Пожалуйста, друг», – коверкая язык, приобретая несвойственную казахам привычку. Они создавали батраков из своей среды, где никогда их не было, создавали кулака из среды бедняков, где люди само слово «кулак» не понимали и не знали. Возбуждённые, яростные, оболваненные

силой непонятных лозунгов, следуя за грозными, высокомерными активистами, державшими всю власть в своих руках, несчастные жители этого прежде тихого, спокойного аула стали похожи на манкуртов, не помнящих своё имя и имена своих предков. Чуть что: «Батрак я», – говорили они и, бросив все дела, бежали домой и ложились навзничь, ничего не делая, – а зачем: он же батрак! Да, это было. Как не выкинешь слова из песни, так не выкинешь ту эпоху, породившую это явление. Люди, видя казаха-скотовода, у которого во дворе появилось несколько овец, корова или конь, злословили за его спиной: «Вот этот человек когда-то был байским прихвостнем, а сейчас не стал ли он кулаком, опасным для нас, для власти, и не сообщить ли нам о нём в районную милицию, чтобы арестовали его и увезли подальше от нас?».

И это привело к тому, что казахи растеряли свои хорошие качества, такие как терпеливость, широта души, милосердие, справедливость. Они жили в страхе, боясь, что их назовут кулаками. Казахи с расстроенными нервами стали похожими на перекати-поле – сегодня здесь, завтра там. Они бежали, летели, куда подует ветер. «О боже, да что это такое! – говоря так, вытирая слёзы на глазах, дрожа всем телом, восьмидесятилетний дед Аборигена добавлял: – Чего только я не выдывал в своей долгой жизни: видел богатого бая, который в муках голода умер на моих глазах, не сумев обменять своё золото и серебро на пшеницу или рожь; видел и сидел за одним столом с грозным, холодным, наводившим на всех ужас активистом, который любил раскладывать газеты на столе в каждом доме, где останавливался на ночлег». «Может, и Мамырайхан, толкуя об арендаторах, говорит о новых, быстро меняющихся условиях в жизни? Что ж, раз так, стану арендатором. Буду пасти скот, верну домой жену и стану тихо-мирно жить», – решил Абориген.

– Хорошо, я согласен быть арендатором. Однако у меня есть два условия.

– Это что за условия?!

– Первое: я не буду в одной паре с чабаном Есенбаем, не заключу с ним совместного договора. Я не хочу быть с ним в одной бригаде, лучше найди мне другого чабана, доброго, человеческого и простого. Во-вторых, уменьши арендную плату. Если ты будешь забирать у меня половину годового дохода, то навряд ли я окрепну и прочно встану на ноги, как был рабом, так им и останусь.

«Этот чабан в один миг стал таким умным, надо же?! – удивился про себя Мамырайхан. – Ты смотри, как он чётко излагает мысли в соответствии со временем, с таким деловым подходом он, пожалуй, ни одной монетки не даст бухгалтеру положить в карман... Э, да он и подарка не даст за то, что я привёз ему муку и сахар! Чабан даже перед концом света будет песок дотошно считать по песчинке».

– Ладно, согласен. Принимаю твоё первое условие. Из Есенбая не выйдет хорошего, хозяйственного арендатора. А вот второе условие выполнить трудно. Если мы из арендной платы не создадим фонд социального развития, то ни одно строительство в хозяйстве не будет завершено до конца, не будет тепла, асфальт не будет проложен, короче, кооператив распадётся. В общем, ты должен быть арендатором, а иначе лишишься и овец, и дома с кошарой. Все мы рабы времени.

Откуда-то издали раздавался шум. Хозяин дома насторожился. Тут же надел кирзовые сапоги, только недавно снятые. Над головами что-то прогрехотало, словно загремел гром. Мамырайхан усмехнулся, оставаясь невозмутимым, будто ничего не слышал.

– Эй, не беспокойся, – пояснил он, – это прилетел вертолёт, чтобы забрать меня.

Сказав это, тяжело поднялся с места. Надел верхнюю одежду. Взял со ска-терти кусочек засохшего, затвердевшего хлеба, положил в рот, проглотил, сло-жил две руки вместе, провёл по лицу, совершив обряд приёма пищи, чтобы не обидеть хозяина. Этот обряд был священен для каждого казаха. Дойдя до поро-га, резко обернулся.

– Выбери из своих овец более-менее жирную и положи в вертолёт, – сказал веско, властно.

Абориген вслед гостю вышел наружу. Свет от мощных фар вертолётки залил беловатым светом и дом, и кошару. Глаза овец так и заблестели светлячками. Абориген вбежал в кошару и стал искать самую жирную овцу. Через некоторое время вытащил овцу с хорошим курдюком. Взял на спину и, сгибаясь, донёс до вертолётки. Сверху протянулась чья-то невидимая рука и, схватив овцу, быст-ро втащила вовнутрь. Мамырайхан, прерывисто дыша, повернулся к чабану. Прикрыв рот ладонью, громко закричал:

– Будь здоров, дружище! Жене твоей скажу, чтобы быстрее возвращалась, призову к благоразумию! Будь хозяином скота! ... Терпи и выдержи!

От мощного ветра песок взвихрился в разные стороны. Прогрохотав, вер-толёт поднялся в воздух и вскоре исчез вдаль. Откуда-то донёсся плач шакала, завывла собака.

Абориген зашёл в дом и, не снимая одежды и обуви, лёг на войлочную кош-му. Подушка не попала под руки. Усталый, он почувствовал себя как бы между сном и явью. Спустя некоторое время поднял голову. Встал и медленно прошёл к старинному сундуку, рывком скинул с него уложенные рядами одеяла и подуш-ки. Видимо, оттого что крышку давно не открывали, она не поддавалась. Тогда он взял кухонный нож с полки печи и, вставив между крышкой и стенкой, с усилием откинул крышку. Изнутри запахло табаком. Это жена положила табак, чтобы не завелась моль. Достал со дна свёрток материи и бережно развернул его. В свёртке оказался кобыз, сделанный из ствола джиды желтоватого цвета. Он сел, скрестив ноги, взял в руки смычок в виде тетивы и стал неистово играть, вода смычком направо, налево и двигая плечами. Ему почудился свист змеи, донёсшийся из-под обрыва; будто его дом подхватило горячим смерчем и завер-тело в воздухе; почудился горестный плач верблюдицы, оставленной одной в древнем городе; будто голодная овцематка бляла, ища своего ягнёнка; почу-дился приглушённый, сдавленный плач красивой женщины, много совершив-шей грехов; в общем, мелодия кобызы и природа снаружи как будто слились в единую гамму звуков; слух у Аборигена то появлялся, то исчезал, кости ломило от боли. И тут стена дома словно широко треснула и в комнату проник лучезар-ный синеватый свет, затем, мягко ступая, вошёл седобородый старец. Абориген положил кобыз рядом и, поспешно вскочив, приветливо сказал:

– Ассалюмуалейкум, ата!

Как будто знал его давно. Проводив старца на почётное место, усадил его на маленькое одеяло, словом, оказал старцу уважение. Сам сел пониже, скрестил ноги. На старца смотрел почтительно, с волнением в душе, с любовью... Сидел, сидел, и только сейчас вспомнил далёкое прекрасное детство. Давно, когда он ещё был мальчиком, Сырдарья была могучей, полноводной, текла вольно, радуя глаз обилием воды, и была так широка, что лодки еле doplывали до противопо-ложного берега. На середине реки часто появлялись водовороты, тогда вода бе-шено кипела, и это было страшно, не дай Аллах попасть в такой казан. Чабанс-кая кошара стояла на высоком яру. И там, на вершине, рядом с рекой, находи-лась одинокая могила. Как-то он спросил у отца про могилу, тогда отец сказал: «Сынок, не показывай на могилу пальцем, это могила Коркыта, нашего велико-го предка, раньше она стояла подалеже от реки, видишь как со временем вода,

подтачивая глинистый берег, подошла к стене высокого яра, на котором стоит его могила». Могила предка Коркыта так и осталась стоять на прежнем, довольно опасном месте, так как в любой год могла рухнуть в воды великой реки. Покойный отец всё время намеревался пригласить муллу, прочитать Коран и с чистым благоговейным сердцем перенести прах великого предка в безопасное место.

В какой-то год его скот заболел инфекцией. Прошло время, пока он бегал со скотиной и лечил её. В следующем году занедужил он сам.

«А всё равно во что бы то ни стало я перенесу могилу, – упорствовал он, – дай только поправиться». Но увы, этой мечте не суждено было сбыться. Отцу становилось всё хуже и хуже. Перед смертью он позвал к себе Аборигена. Голоса уже не было, едва дыша, он показал пальцем в сторону священной могилы и безмолвно приподнял подбородок, как бы говоря: «Сын мой, сделай то, что не успел я, прошу тебя, перенеси могилу нашего великого предка!».

«Я перенесу могилу», – подтвердил Абориген. Он собирался ближайшей осенью исполнить завет отца, но внезапно разверзлись хляби небесные, хлынул сильнейший дождь, да такой, что всё пространство между небом и землёй оказалось сплошь заполнено водой, будто во времена потопа.

Река вспенилась и вышла из берегов. Животноводы в растерянности были заняты своими проблемами, думая о спасении скота. Ливень, хлеставший несколько суток, прекратился только глубокой ночью, когда небо очистилось и взошла полная луна. В ту ночь Абориген не мог долго уснуть, мучаясь от предчувствия страшной беды. Наутро он выскочил из дома и не увидел того, что хотел увидеть: могилы великого Коркыта не было. Тяжело дыша, утопая в грязи, он добрался до того места, где она находилась, увы, видимо, вода подточила стену яра, и он рухнул вместе с могилой в пенящуюся воду. Внизу бурлила полноводная река, цветом похожая на шкуру тигра. Далеко, докуда хватает глаз, была сплошь вода. Босоногий парень, стоявший на обрыве, вдруг громко, протяжно меняя голос, заплакал, как голодный щенок, оставшийся один, брошенный вдали от людей, и рухнул на раскисшую землю... И вот та картина опять предстала перед его глазами... Только что, когда он играл с такой страстью на кобызе, стена расколосась, и в комнату вошёл белобородый старец в белых одеяниях. Теперь он сидел, скрестив ноги, и его величественный вид напоминал одного из благородных мудрецов прошлых веков, которые пользовались огромным уважением среди современников.

– О, святой предок! Наш великий кобызист, наша опора и надежда многих людей! Как хорошо, что ты пришёл к моему очагу, когда мне так трудно, так плохо на душе.

Тут же раздался приглушённый голос, как будто доносившийся из под земли, голос человека из мира легенд и сказаний.

– Я не хотел появляться, но ты, играя на кобызе, невольно позвал меня сюда!

– Мы виноваты перед вами, о, великий предок, тем, что не сберегли вашу могилу, её размыло водой. Накажите нас, ругайте нас!

– У тебя, бедняги, нет вины. Как бы я ни обижался на потомков, пасущих скот, возделывающих землю, но я не мог оставить и великую реку, и Кызылкумы, и запах горькой полыни. До сих пор мой дух витает над этой землёй. Я – не сам Коркыт, перед тобой всего лишь его бесплотный дух, тень без вида, мой осиротевший потомок.

– Согласен с вами, священный мой предок, у нас не было времени, выпасая скот, мы чуть сами не стали скотом, поглупели и не смогли перенести вашу могилу. И если сейчас вы не дадите нам своего благословения, проклянёте нас и кинете в глубокую расщелину, чтобы мы исчезли с лица земли, то и тогда я соглашусь с вашим решением, с рабской покорностью склоняю голову, виноват... грешен и отвечу!

И он, громко плача, упал на пол, моля о прощении.

– Я недоволен вами за то, что, отдавшись всецело этому лживому преходящему миру, забыв о другом, вечном мире, вы допустили, что мою могилу смыло водой и кости разбросало повсюду. Где сейчас та великая, могучая полноводная река? Почему исчезли бесследно зелёные рощи на её берегах, парящие птицы и дикие животные?

Абориген поднял залитое слезами и испачканное в пыли лицо, стоя на коленях, горько, с болью в голосе ответил:

– Вначале обмелели великие реки Амударья и Сырдарья, вследствие чего высохло море, лежавшее в горячих песках, оттого, что исчезло море, в этих местах перестали идти дожди. Все катастрофы произошли, наверное, оттого, что нарушилось равновесие в природе, отсюда и все беды. Может...

– Все беды, сын, произошли от человеческого эгоизма, вы стали рабами своих непомерных желаний. Беда не пришла откуда-то, она вышла из вашей ненасытной утробы. Когда я искал вечную жизнь, я делал это не оттого, что не хотел покидать этот мир, любя за его сладость, нет, я хотел, живя вечно, постараться исправить ваши недостатки, изменить ваши жестокие нравы в лучшую сторону, я очень надеялся на это. И теперь ясно вижу, что зря ломал себе голову, зря скорбел о вас, не имея на то права, ибо вы оказались неблагодарными, плохими потомками. А что я вижу: нет больше полноводной реки, земля стала бесплодной, потерял её плодородный слой, вы пьёте солёную воду, оттого болеют ваши животные и сами вы находитесь на грани вымирания.

– Коркыт-ата, – произнёс Абориген тихо, еле слышно, – хоть и умирает тело, но не умирает душа. Скажите мне, о мудрый наш предок, что это за слова, которые молвят люди, что дух святых людей витает над родной землёй до самого конца света? Они якобы витают в виде невидимых теней. Как пар, как призрак, как мираж? ...Верить ли мне или не верить?

– Что за пустые слова! Ведь ты же сидишь напротив духа твоего предка Коркыта, который умер две тысячи лет тому назад, покинув этот бренный мир. У тебя что, на лице глаза или пустые впадины вместо глаз? – сказал старец недовольным тоном. – Когда люди закапывают в землю умершего и уходят на сорок шагов, то душа покойного возвращается обратно к могиле. И долго летает, возвращается опять к тем местам, где жило тело хозяина. Дух входит в его дом и летает в этом прохладном, неприветливом для него мире и ищет, ищет тёплое мягкое живое тело, чтобы в него войти и успокоиться. Ищет долго и настойчиво. Он ночной порой иногда гремит посудой в старых зимовках. Там, где когда-то жил, где мечтал, радовался и горевал, будучи живым. Именно дух умершего в этих поисках может войти в тело человека, спящего в тот момент возле могилы. И когда человек просыпается, то он становится уже другим, с иным характером. Это следствие духа умершего человека, вошедшего в его тело. Люди называют такого человека сумасшедшим и опасаются его. Дух умершего долго не может уйти из своего дома, любимых предметов, любимого скота, которые были так дороги его сердцу. Мой же дух остался в древнем старинном кобызе. И я прилетаю на печальный зов, горестную мелодию кобыза, когда кто-то с печальной душой неистово играет на нём. Не бойся, не думай ни о чём постороннем!

– Что мне делать, дух мудрого предка?

– Что за время, что за нравы! Голова стала ногой, а нога головой! Ты не играй на кобызе, а лучше примись за восстановление семейного очага. Пока не укрепить порог дома, да за ум не возьмёшься, члены твоей семьи не вернутся. Верни свою жену, которая разожжёт твой очаг и станет его хранительницей.

– Что мне делать со скотом, мудрый старец?

– Ты что, собираешься быть обитателем огненного ада? Пока в здравом уме, иди к людям, собери боялыч и разожги большой огонь на вершине Абылуйгена. И на рассвете, куда склонится язык пламени, туда и гони скот, найди своё пристанище, своё место. Если останешься на старой зимовке, то кости твои рассыплются, а твои овцы станут добычей волков и хищных птиц. В скором времени под Кызылкумами начнётся сильное землетрясение, которое приведёт в движение пески, и они, двигаясь, засыплют всё в округе.

– И древний город Жент?

– И город Жент, и могилу отца, и твой дом с кошарой – всё засыплет море песков, всё будет погребено им. Беги, спасайся!.. Поднимись и ко чужой!.. Сообщи об этой катастрофе своим начальникам.

Произнеся это, святой Коркыт отступил в полутёмный угол комнаты и медленно растворился. Снаружи усилился вой ветра. Сидевший на корточках Абориген со страхом бросил кобыз, который держал в руках. Его душу охватил панический ужас. Ему показалось, что кто-то снаружи играет на трубе, кто-то кричит голосом, полным страха, дескать, враг напал, бегите, бегите! И погода, стоявшая со вчерашнего дня, была совсем непохожей на это время года. Она была странной, ну прямо как злобная баба с острым безжалостным языком, грубая, неприветливая. Ветер так и воет, так и воет, прямо из души жилы вытягивает, наводит тоску и страх. Да и вчерашний закат был особенным, нехорошим, пугающим. После приезда Мамырайхана и испуг овец какой-то особенный, чужой, вот почему он всю ночь бегал в кошару, проверяя овец. И не давал себе ни минуты отдыха. Хоть болело тело и просило сна, но беспокойство было сильнее. Только недавно, когда он играл на кобызе и разговаривал с духом святого Коркыта, овцы опять сильно испугались. Он пошёл в кошару и долго проверял овец, ища козодоя, при этом тщательно смотря себе под ноги.

Сказано: если откуда-то начинается катастрофа, с поверхности земли поднимается пыль, сама она приходит в движение; с утра резко изменился мотив воя песков. Солнце вроде бы поднялось не там, где обычно вставало, песчаные барханы на горизонте пришли в движение, песок страшно завихрился, поднялся столбом. Овцы громче обычного заблеяли, как будто чувствовали надвигающуюся беду. Всё вокруг Абылуйгена замерло в ожидании песчаной бури. Абориген пошёл к могиле отца, находящейся неподалёку. Если раньше земля лежала высокой горкой, похожей на горб верблюда, и была чётко видимой, то сейчас остался малый холмик, еле заметный глазу. Видно, что через несколько лет и он сровняется с землёй. Он ещё раньше воткнул в изголовье могилы ветку саксаула для знака, что здесь находится могила. Привязал к ветке белые тряпочки, и когда проходил или проезжал мимо, то обязательно говорил «Кульху Алла», соединив ладони рук и благоговейно проводя ими по лицу. Сейчас эта могила сиротливо лежала, вросшая в землю, будто ничего не требовала от сына, собиравшегося откочевать отсюда навсегда. На горочке вырос куст адыраспана. Он под напором сильного ветра склонился до земли, чуть не отрываясь от корня.

– Отец, я пришёл попрощаться с тобой. Буду кочевать отсюда, – сказал Абориген, подняв соединённые ладони кверху и проводя ими по лицу. – Я не знаю, возвращусь ли обратно в эти родные места. Святой Коркыт, наш великий предок, дал мне совет побыстрее отсюда откочевать. Кто знает, может, я и продолжал бы здесь жить, если бы вода в колодце не стала солёной, и была бы трава для пастьбы скота, и песок не стал бы всё неумолимо засыпать. Как и прежде продолжал бы пасти скот. Но ты же видишь, отец, ничего этого нет. Ни воды, ни травы. Я устал, отец, силы оставляют меня, здоровье моё пошатнулось. Мои волосы стали совершенно седыми, а мне ведь нет ещё и сорока лет. Не обижайся, не ругай меня, отец. Нам досталась очень тяжёлая судьба, совсем отличающаяся от вашей – более невыносимая, чем была у вас, отец.

Нагнувшись, он хотел было вырвать куст адыраспана, но резко отдернул руку, передумав. Не решился убирать единственный куст, и так на холмике ничего не было. И неизвестно, то ли заплакал, то ли засмеялся, но издал неприятные звуки, задрожал и, повернувшись, торопливо, словно убегая от какой-то напасти, пошёл. Поднималось желтоватое солнце, похожее на перебродивший айран. Он впервые видел такой рассвет – без тепла, такой обманчивый, такой ненадёжный, такой необычный. Когда Абориген подошёл к кошаре, то увидел, как по земле тащится песчаная черепаха. Подойдя поближе, увидел, как черепаха, устремившись, захотела взобраться ему на сапог. Он подумал, почему эта бедняга, выбравшись из норы, ползает здесь под ногами: говорят, что если из-под земли идёт опасность, то черепахи и змеи убегают из нор. Неужели и вправду начинается конец света? Барханы передвигаются, воздух меняется, солнце не так греет, вода исчезает. Да что это такое?!

Его пробрала непонятная дрожь. Взгляд встретился со взглядом чёрненьких глаз черепахи. Он сильно вздрогнул, так поразило его это поистине тоскливый взгляд. На сердце стало нехорошо.

«Апырмау, – сказал он себе, – вот эти тоскливые глаза, как они сильно похожи на тоскливые глаза давно исчезнувшего в песках продавца Онгарбая! Тот бедняга, говорят, превратился в черепаху по проклятию стариков за то, что обманывал людей, обвешивая и мошенничая». И это вполне возможно, ибо он впервые видел столь поразительное сходство глаз человека, давно пропавшего, с глазами животного.

Абориген, весь в холодном поту, пошатываясь, прошёл к двери кошары, где были заперты овцы, и с усилием, со скрипом открыл дверь.

Нургожа ОРАЗ

“И у меня есть моя Луна...”

Снег идёт в Астане

Небо сегодня гостит в Астане,
 Падают снег по всей стране,
 К празднику бабушкин подарок – шашу,
 Падают белое в тишине.

Только машины неостановимо
 Снег тот утюжат, а сами все – мимо,
 Дорогу они разорили в клочья,
 Но снег всё скрывает, чисты наши зимы.

Нынче оделись все в белое, в светлое,
 Сизый дымок из машин чуть заметен,
 Падают сверху белейший снег,
 Крыши завалены белым конкретно.

Нургожа Нарымбаевич ОРАЗ

родился 20 октября 1932 года в посёлке «Маяк» Урицкого района Костанайской области. В 1947 году после сельской семилетней школы поступил в Гурьевское педагогическое училище, которое окончил в 1950 г. Работал в школе преподавателем, в 1951 году поступил на филологический факультет КазГУ, который окончил в 1956 г. Первый сборник стихов вышел в свет в 1956 году. Работал в средних школах учителем, с 1961 г. – в Целинной краевой газете «Тын олкеси». С 1965 года – ответственный секретарь Целиноградского межобластного отделения Союза писателей Казахстана.

С конца 1990 по декабрь 2010 г. был главным редактором основанного им литературно-художественного журнала «Сарыарка» («Жана Сарыарка»). Автор свыше 40 книг поэзии, прозы, публицистики, в том числе десяти томного собрания сочинений. Многие произведения переведены на русский язык. Давний автор «Нивы».

Заслуженный деятель Республики Казахстан, лауреат премии им. М.Сералина Союза журналистов Казахстана.

***

Редакция «Нивы» тепло и сердечно поздравляет известного казахского поэта, прозаика, публициста Нургожу Ораза с замечательным 80-летним юбилеем и желает своему давнему другу активного долголетия, неиссякаемой бодрости, неистощимой энергии, крепкого здоровья, счастья и новых творческих достижений на благо отечественной литературы!

В солнечном городе песенный снег,
Плечи подставив, дома-великаны
С небес принимают бесплатную манну,
Зданья окутались в белое счастье,
Незабываем снег в Казахстане.

Только Ишим не приемлет снега,
Хлопья реке добавляют неги,
Там, подо льдом, чебаки серебристые,
Не мёрзнут они в течении быстром.

Для Астаны – это праздник яркий,
Это зима нам дарит подарки,
Детям к Новому году дары,
Вместе с украшенной ёлочкой жаркой.

Полная луна

Чёрный бархат – чёрное небо,
Там за бездной – чёрная небыль,
Перемигиваются звёзды:
«К вам дотянуться мне бы!», «Нет, мне бы!..»

Перешёптываний полна
Звёздного неба тишина,
Над горизонтом всё ж появляется
Долгожданная луна.

Из-за края горы железной
Вверх скользит вдохновитель поэзии,
Блюдо серебряное – полна луна,
Небесам украшенье полезное.

Вот поднимется выше, выше:
«Я заберусь на небесную крышу...»
Выше луна, в свете её
Тень свою рядом с собою вижу.

Смотрю на серебряную луну,
Сравниваю с ней родную жену...
Душа моя песней о ней полна,
И у меня есть моя Луна.

Этот звёздный свод небесный
Я б сравнил с поэмой-песней,
Тучи небо вдруг закроют,
Не откроет вождь известный...

И природу, и человечество
 Я б уподобил великой вечности,
 Может быть равен Луне человек,
 Если он предан любви навек.

Ночью тянутся люди к луне,
 Времени соответствуют вполне,
 В мире белом, как молоко,
 Зло не таится в ночной тишине...

С внуком на прогулке

Вот я с внуком на прогулке,
 Это радость, это счастье,
 По знакомому проулку
 Мы гуляем в одночасье.

Высоки в саду деревья,
 Они манят Ерсултана,
 Есть и у деревьев ревность,
 Ставят «ножку» постоянно.

Вот ветвистый карагач
 На пути встал у ребёнка,
 Дерево старо, хоть плачь,
 А подножку ставит звонко.

За поломанные ветки
 Вдруг схватился хулиган,
 Ноги ставит точно, метко,
 Вот уж высоко пацан.

«Осторожно!» — я кричу,
 Я напуган всем нутром,
 А мальчишке по плечу
 Посерьёзней бурелом.

Семь ему, его же деду
 Целых семьдесят уж пять.
 Приучается к победам,
 Мне вершины те не взять.

Город-учитель

Город мечты, город-сад, город-лес.
 Все мечты, и все наши цели были здесь,
 В первый раз в Алма-Ате я был потрясён
 Его красотой, для студента это был дивный сон.

Мы здесь трудились, делали всё, что могли,
 Здесь подружились, верных друзей здесь нашли,
 Из родника знаний великих пили здесь,
 Здесь отыскиали всё, что искали в глубинах земли.

Этот город принял меня и стал моим,
Мне он доверился, стал гением дорогим,
Этот город в искусство привёл и меня,
Он, как и степь, влюбил в себя, стал мне родным.

Он мне сказал: «Ты из степи пришёл, мой сын,
Вижу по взгляду, что достигнешь больших вершин,
Если сможешь, осуществишь все свои мечты!..»
Мечты я достиг, с друзьями я был, не один.

Город-наставник вырастил из меня джигита,
В меня впиталось всё, что им было влито.
Прошло полвека с той далёкой родной поры,
Ни мгновенье в этом городе мной не забыто.

Вот и сегодня в лицо его смотрю, родной,
Много чудес я повидал, — прошли стороной,
В мире красивей нашего города нет городов,
В сердце моём он навечно, мой дорогой!

***

В Алма-Ате у старца взял благословенье,
В Алма-Ате вновь юность я обрёл и вдохновенье,
И Алатау сед и высок, как старец тот,
Кто был бы выше старца на мгновенье?

В Алма-Ате я встретил доблестных друзей,
К вершинам гор взлетел, крылат, как соловей,
За годы в теле тяжесть накопилась,
Встряхнул его с энергией со всей.

Почёт воздали дарованья юные,
Талант в них вызывает чувства бурные,
Светло от них, и весь бредёшь в цветах,
Их радость выше, чем вершины чудные.

Я их не узнаю, знаком стихом поэт,
В известности ведь хвастовства-то нет,
О, юные таланты моей Алма-Аты,
В них будущий поэзии рассвет.

«Литературный мир!» — из этой мы страны,
Отечеству труды твои видны,
Поэты есть, есть критики, прозаики,
Эпохам будущим не все они нужны.

И эти светочи ума и знания,
Из слов и книг воздвигнувшие зданья,
Они поднимут над цветущей степью,
От пыли отряхнув, Абая знамя!

Где твой малыш, где ты сама...

Сатана захватил этот мир настолько,
Что многие вдруг превратились в чертей.
Мать чужою стала родному ребёнку,
Её чувства забил ползучий пырей...

Что за ужас, ребёнка оставить людям,
Оба живы родители, а он — сирота...
От судьбы не уйдёте...
Молодёжь нашу любим,
Но порой убегаем от чужого стыда.

Отравили их ядом поспешных желаний,
Навсегда отравили их совесть и честь.
Нет, не спрятаться им от переживаний,
Будет мучить их жизнь, пока в них она есть.

Это дёрганье ритмов, усмешки, издёвки,
Удовольствия лёгкие, к парню влечение,
Не дают о ребёнке задуматься девке,
И во сне она думает о развлеченье...

Пока мать развлекается с «женихами»,
Деда-бабушки возятся с внуками, внучками.
«Сирота» — это мальчик с большими глазами
Или девочка с тонкими белыми ручками.

Мать такую отнёс бы к разряду вредителей,
Всем вредит, от неё разрушенья и беды,
«Сирота» призывает к ответу родителей,
И не мать уже ищет, а хоть бабушку иль деда...

— Мама! — хочет сказать, но в ответ пустота,
Он невинен, чист, чувствами прост.
И ко всем обращает глаза сирота,
В них один — кто родители? — горький вопрос.

Вы скажите мне, люди, откуда всё это?
Кто святые традиции позабыл, обнаглев?
Одного ль только бога призовём мы к ответу?
Или бог сам на девушек обрушил свой гнев?

Перевод с казахского Орынбая ЖАНАЙДАРОВА.

Жабал ЕРГАЛИЕВ

Старая арба*

Повесть

Почтенного возраста, немощный, дряхлый старик, прильнув к окну в комнатухе глинобитного деревенского дома, чутко прислушивался к звукам, доносившимся со двора.

Его слух уловил какие-то резкие стуки, нарушавшие первозданную тишину раннего утра. Старик, осторожно ступая, неслышно подошёл к

*Арба (каз.) – воз, род телеги.

**Жабал
Ергалиевич
ЕРГАЛИЕВ**

родился 30 октября 1952 года в селе Карагаш Чкаловского района Кокчетавской области. Журналист, публицист, писатель-драматург, общественный деятель.

19 августа 2011 года избран депутатом Сената Парламента Республики Казахстан. Член комитета по вопросам социально-культурного развития.

В 1979 году окончил факультет журналистики Казахского государственного университета. В 1973-1997 гг. – младший литературный сотрудник, заведующий отделом, заместитель главного редактора областной газеты «Кокшетау правдасы».

С 1997 до 2005 г. – главный редактор основанной им городской газеты «Кокшетау», с 28 января 2005 г. – главный редактор акмолинской областной газеты «Арка ажары». Впервые в истории области и г. Кокшетау организовал выпуск литературно-художественного и общественно-политического журнала «Кокшетау». Распоряжением акима области от 6 июля 2009 года был назначен главным редактором областной газеты «Арка ажары», городской газеты «Кокшетау» и литературно-художественного журнала «Кокшетау», возглавляя данное объединение до 1 сентября 2011 года.

В 1989-1994 гг. являлся депутатом Кокшетауского городского Совета народных депутатов. 18 августа 2007 года избран депутатом Акмолинского областного маслихата.

Член Союза писателей Казахстана с 1995 года. Лауреат премии Союза журналистов РК, международной премии имени Жамбыла.

Награждён четырьмя медалями, двумя Почётными грамотами РК, указом Президента РК от 7 декабря 2007 года ему присвоено почётное звание «Қазақстанның еңбек сіңірген Қайраткері». Его имя внесено в энциклопедию 2010 года «Лучшие люди Казахстана», в энциклопедии «Северный Казахстан» и «Акмолинская область», в биографическую энциклопедию на казахском, русском и английском языках «Акмолинская область в лицах». Почётный гражданин Карасайского района Алматинской области. Профессор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова.

Первый рассказ опубликован в антологии молодых писателей Казахстана (1978 г.). Автор семи книг прозы, нескольких повестей, его пьесы успешно идут на сцене театра имени Шахмета Хусайнова. В «Ниве» выступает впервые.

***

Редакция «Нивы» сердечно поздравляет Жабала Ергалиева с 60-летним юбилеем, желает ему новых творческих обретений и плодотворных достижений в парламентской деятельности.

старому полуразвалившемуся сараю, за шаткой стеной которого раздавались удары молотком. И тут он увидел, как его внук Адиль ломает колесо старой арбы, которая много лет прослужила верой и правдой своему хозяину. И хотя у арбы давно разохлась ступица, а спицы колёс распатались и повывлетали из своих гнёзд, сердце старика дрогнуло от увиденного, и он взволнованно стал отчитывать внука:

– Эй... ой!.. Ты что вытворяешь?! Да что на тебя такое нашло, светоч ты мой, арба ещё хорошая, зачем ты ни с того ни с сего её ломаешь?!

– Да ничего на меня не нашло! Разве мать ещё вчера все уши не прожужжала, что в доме даже копейки не осталось, хлеба не на что купить?! Ну, ата¹, ведь твоей пенсии на всё не хватает!..

– Э-эх, да-а?!

– Дома денег нет, говорю!.. Вот сдам железки от этой арбы лысому Койшы, а он мне за них денег даст..

– Э-эх, да-а!.. Светоч мой, а ведь ты в прошлый раз уже отнёс дяде Койшы мой медный кувшин для омовения, которым я столько времени пользовался, – упрёкнул Ахмет внука.

Но тот не обратил никакого внимания на укор деда, хотя, судя по высказанным словам, было понятно, что у старого человека в глубине души засела горечь обиды. Однако Адиль, не обращая внимания, зажал в руках колесо и пытался долотом снять железный обруч толщиной с палец, крепко сидевший на деревянном круге. Дед невольно залюбовался внуком, глядя на то, с каким умением и упорством тот занимался своим делом, и продолжил:

– Э-эх, да-а... наверное, дядя Койшы за этот железный обруч даст хорошие деньги...

– Да куда там!.. В прошлый раз на деньги за твой медный кувшин отец купил бутылку коньяка и напился... Эта пустая бутылка, которую ты держишь в руках и теперь используешь для омовения, как раз от того коньяка и осталась...

– Э-эх, да-а... Разве это так, мой жеребёнок?!

– Так, ата, именно так! Вон посмотри, на этикетке бутылки золотом написано, что этот коньяк называется «Туркестан». Мало того, ещё и мавзолеем Ходжи Ясави изображён, вот, смотри!..

Как учил его в своё время дед аккуратно выполнять работу, Адиль, удобно усевшись, постучал основанием рукоятки молотка о землю, чтобы обух крепко держался, и приготовился довести начатое дело до конца.

– Э-эх, да-а, – немного поразмышляв об услышанном от внука про этикетку на бутылке, с которой он теперь совершал омовение, сокрушённо произнёс Ахмет. – О, прости нас, Всевышний!..

Затем он представил себе находящийся в Туркестане... да-да... в священном Туркестане... возведённый эмиром Тамерланом, Хромым Тимуром, а теперь изображённый на коньячной этикетке мавзолеем святого предка, и у него мурашки пробежали по телу. Он поставил бутылку с тёплой

¹ Ата (каз.) – дедушка.

водой на место, где раньше ставил свой кувшин для омовения, и продолжил свои размышления, сам не заметив, как смог глубоко выразить степень только что испытанного им душевного потрясения:

– Э-эх, да-а... ну и времена настали, наверное, это и есть признак духовного упадка человеческой натуры.

– Эх, ата, о чём ты говоришь, ты что, думаешь, только это и есть признак духовного падения?! А этот... наш прежний директор... как его... ну тот самый Тлебай... Сейчас он стал коммерсантом, свой магазин открыл. Вот, ата, если зайдёшь в его магазин... какой только водки там не увидишь на полках! Ата, есть даже бутылки с портретом на этикетке уважаемой апы², ну, этой знаменитой певицы, которая живёт в Алматы... потом есть... ну есть же тот самый Бекежан, который в кинофильме «Кыз-Жибек» из засады убивает Толегена... Да, так вот, ата... полки в магазине уставлены разными бутылками с шикарной водкой, а на их этикетках наклеены портреты того самого уважаемого ага³, ну, артиста, который играет Бекежана... Правду говорю, ата!

– Э-эх, да-а, – только и смог задумчиво промолвить старик, находясь под впечатлением от сказанного Адилем, и надолго замолчал.

Да-а что тут и кому можно сказать?! Если уже отравлено сознание потомков, пропитанных «вонючей водой», из-за чего наши сыновья и дочери дошли до того, что не могут различить, где халал⁴ и где харам⁵, то что это, как не наказание, ниспосланное нам Всевышним?..

Получается, что всё плохое из увиденного и услышанного, пока живёшь на этом свете, полном несчастий, постепенно выхолащивает тебе душу и сердце?! И потом, когда к старости становишься беспомощным беднягой, тебе ничего другого не остаётся, кроме как вздыхать и тоскливо выговаривать «э-эх...» и «да-а...», да ждать, когда иссякнет остаток сил и придёт время последнего вздоха!..

Да-а, не зря говорят, неизвестно, что ещё ждёт каждого из нас впереди на жизненном пути!..

О, Аллах! О, Аллах! Старик Ахмет был строгим приверженцем веры и соблюдал все её постулаты, как и следует праведному мусульманину. А теперь оказывается, что он совершал омовения из бутылки, в которой была водка, то есть грешил каждый раз перед пятикратным намазом, и всякий раз грехи его наслаивались друг на друга... да ещё и дух изображённого на этикетке священного мавзолея Ходжи Ахмета Ясави может ведь наслать свою кару.

Э-эх, да-а... разве есть у нас сегодня потомки, которые бы знали, что такое святой дух, почитали бы и боялись его, как бы он не воздал за совершаемые нами грехи?! Разве сегодня в нашей жизни, когда такие понятия, как благородство, достоинство, честь утеряли своё значение, а совесть поразила червь бездуховности, простые смертные не лишились части своего

² Апа (каз.) – уважительное обращение к старшей женщине.

³ Ага (каз.) – уважительное обращение к старшему мужчине.

⁴ Халал (религ.) – чистое, дозволенное.

⁵ Харам (религ.) – нечистое, запретное.

рассудка, а в их плоть не проникло пиявкой безверие? И кто теперь сможет очистить от скверны кровь и плоть современного человека, который с молоком матери должен был впитать в себя всё самое лучшее и достойное его звания?! И что вообще можно теперь завещать идущим следом за нами?! Ладно, есть понятия о духовных ценностях, которые мы должны завещать, но остались ли ещё вокруг те, кто прислушается к нашим заветам?!

Да где уж там!.. Не говоря о других, вон даже внуку Адилю, которого я как родного сына с рождения воспитывал, учил его уму-разуму, внушал ему, что хорошо и что плохо, да-а, и тому, наверное, философские размышления старика в голову не входят?! Вот в прежние времена о плохом старались не говорить вслух не только при людях, но даже и скотине слышать о чём-то непотребном считалось неприличным, поэтому, проговорив заклинание «да будет глуха скотина» и прикрыв руками рты, шептали друг другу на ухо, делясь тем увиденным и услышанным, что считалось непристойным для разглашения в обществе. Однако со временем, по мере того как глаза привыкли видеть, а душа научилась смиряться со всё более частыми ужасными проявлениями грубого поведения и недостойными поступками человека, в казахской среде постепенно перестают ценить понятия, прежде считавшиеся в народе священными, не считают нужным уважать общепринятые духовные ценности и такие человеческие качества, как благородство, честь, достоинство.

Недавно аульный торгош, тот самый владелец магазина Тлебай, широко отметил окончание учёбы своего младшего сына. Его отпрыск наконец-то закончил один из многочисленных университетов, заполонивших Кокшетау, а папаша, ежегодно плативший за обучение, теперь на радостях если не месяц, то уж точно несколько недель пировал по поводу этого события. И вот в завершение празднеств Тлебай собрал односельчан в своём огромном, как ханский дворец, доме.

– Я всем своим пятерым детям дал высшее образование, – начал он свою речь перед собравшимися. – И вот теперь мой младший сын получил юридическую специальность. А это значит, что он – будущий прокурор! Он – будущий судья!

На этом месте Тлебай, узкие глаза которого налились кровью и покраснели, воодушевился ещё больше и стал говорить так, словно держал в кулаке весь мир, включая судьбу не только своего сына, но и судьбы всего человечества. При этом он настолько разошёлся, будто уже побывал на тайной встрече со Всевышним, посоветовался и обговорил с ним все свои дела. Дальше он стал похвастаться своими заслугами перед земляками. Не забыл упомянуть и о своей досаде на них, о том, чем они его огорчили. В общем, излил всё, что у него было на душе – и о своих достижениях, и об обидах рассказал, ничего не утаил.

– Вот вы меня в этот аул не хотели пускать, писали на меня жалобы то в райком, то в обком, выгнать меня отсюда хотели. – Да вы ведь, – совсем разгорячившись, Тлебай изобразил на своём лице отчаяние, которое причинило ему то давнишнее заявление на него, как будто сейчас его душа горит в огне и агонизирует в муках. – Да вы ведь даже в ЦК, самим Кунаеву

и Брежневу отправили жалобы! Вы все как один на меня тогда ополчились... Ох, не могли вы тогда никак уговориться, не оставляли меня в покое!..

Все приглашённые на той⁶, от стариков до молодёжи, чувствуя себя виноватыми, опустили головы, от смущения не зная, куда деться от упрёков своего прежнего начальства. А Тлебай, будто забыв, зачем он пригласил аульчан в свой дом, превратил торжество в собрание и, как это случалось раньше в бытность его начальником, со злостью и негодованием отчитывал приглашённых гостей, сидящих за его дастарханом⁷. Видно было, как внутри у него кипит злорада на земляков, копившаяся долгие годы.

– Когда я ушёл с поста директора, то оставил вам более тысячи голов крупного рогатого скота, около пяти тысяч овцематок, около трёхсот лошадей. И где теперь это поголовье?! Эй, я вас спрашиваю, где сейчас это тысячное стадо? Кто его у вас забрал, кто его присвоил?! То, что вы не хотели доверить мне, всё равно по ветру развеялось, разве не так?! – вне себя распекал собравшихся Тлебай, со злорадством издеваясь над ними. И ведь надо же, какие всё же казахи терпеливые, всё могут молча снести! Наверное, если и есть такие люди, которые и не пикнут, даже если по их спинам верблюд пройдёт, то это казахи и есть? Вот прежний бастык⁸ ругает их, как хочет, а они молча слушают, некоторые даже внутренне соглашались... это правда... он прав... он верно говорит... А некоторые из приглашённых ничего дома есть не стали и пришли к Тлебаю, думая, что поедят здесь мяса, чай попьют... Но хозяин дома, сам будучи сытым и довольным, даже и не думает о том, что пора покормить гостей, которым уже давно бьёт в нос вкусный запах варёного мяса, и они беспокойно оглядываются на дверь, ожидая, что сейчас принесут блюда, приготовленные для угощения.

– Светоч мой, – обратился к хозяину дастархана старик Бирали, уловив удобный момент и степенно поглаживая свою бороду, – уже время намаза приближается. Надо бы почитать молитву и приступить к трапезе.

– Биреке, дома считаешь намаз! Боишься, что угощения не подадим, что ли?! Дадим! Куда оно денется?! Ведь не каждый день вот так вместе собираемся. Поэтому давайте выскажемся, посоветуемся, как дальше жить будем, – ответил Тлебай, всё ещё не сбавляя свой резкий тон. – Теперь, наверное, вам понятно стало, что только у меня душа болит за нас всех, за наш аул!..

Этот настырный Тлебай и не собирался останавливаться, продолжая попрекать сидевших перед ним аульчан. Видно было, что его старая обида на них, которую он долгие годы держал в себе, теперь вырвалась наружу, его словно прорвало, и пока его жажда мести не иссякнет, он не успокоится.

Да-а, никогда нельзя терять терпение, даже когда внутри человека, в его душе поднимаются ветры обид и даже бушуют ураганы гнева и ненависти! Если поддаться им, то можно совсем потерять рассудок. А

⁶ Той (каз.) – пир.

⁷ Дастархан (каз.) – застолье.

⁸ Бастык (каз.) – начальник.

если человек с рождения обделён умом, тогда он быстро поддаётся плохим, разрушительным мыслям, и, не зная, к кому придраться, с кем связаться, чтобы выплеснуть из себя злобу, начинает вот так, как Тлебай, издеваться над тем, кто первым попадётся ему под горячую руку.

– Эй, Биреке, вот ты, сидя здесь, очень переживаешь, что пропустил время очередного намаза. И с каких это пор ты стал таким святошей?!

Бросив взгляд наполненными кровью глазами на Бирали, который, опустив голову, молча чертил посохом землю, Тлеубай словно сумасшедший начал дико хохотать.

Хохот Тлебая, напоминавший временами то карканье ворона, то стрекот сороки, долго ещё раздавался во дворе дома, потом начал постепенно стихать и наконец-то сошёл на нет. Но Тлебай, не успокоившись, сразу же дал волю своему языку, не прекращая язвить и издеваться над беднягой Бирали. Тот хоть и сидел на почётном месте, но от унижения не мог поднять головы, весь сгорбился, согнулся. И не нашлось никого, кто бы попытался остановить распоясавшегося Тлебая. Наверное, от того, что он был хоть и прежним, но всё-таки бастыком, и его грозный вид, как и раньше, давил на аульчан, никто не мог посмотреть ему прямо в глаза. А разгорячённый Тлебай, видя, как все они сникли перед ним, смахнув пот со лба, продолжал издеваться над людьми.

– Эй, Биреке, – обратился он к своему совсем уже поникшему гостю, – вот ты, когда я был директором, пас быков, привезённых аж с побережья Балтики. И куда же они теперь подевались, а?! Куда ты их подевал, а?! И ведь это вы вдвоём с ветврачом постоянно выпивали весь спирт, предназначенный дезинфицировать посуду для хранения спермы быков-производителей, а теперь говоришь: намаз, намаз! Плевал я на твой намаз!

Это обвинение, прилюдно брошенное Тлебаем в адрес Бирали, словно оглушило старика. Он положил чётки, которые всё это время перебирал пальцами, во внутренний карман, пристально посмотрел на Тлебая и, опустив глаза, остался безмолвно сидеть. Убедившись, что ему удалось довести Бирали до состояния несчастного бедняги, Тлебай начал разговаривать с народом, как бы выражая сочувствие. – Ну вот, так вы лишились не только двадцати быков, но и тысячного стада, да? Лишились! А с сараев для скота разве не вы разобрали кирпичи, железные балки, бетонные перекрытия и продали их? Продали! Посмотрите в Астане на дома, которые себе понастроили богачи из этих кирпичей! Это не дома, а ханские дворцы!.. Настоящие ханские дворцы! А всю технику – и целую, и сломанную, все железки вы продали в Китай! И теперь начали друг у друга воровать баки для воды, тазы, кувшины и сдавать их как металлолом! Что, не правда, что ли?!

Вообще-то в словах Тлебая была некоторая правда!.. В те годы, когда проводилась приватизация, весь общественный скот, всю сельхозтехнику и другое общественное имущество начальство под предлогом покрытия образовавшихся долгов, организовав днём и ночью погрузку, вывозило в неизвестном направлении. И некому было спросить, кому и за какие долги были отправлены скот и имущество. Ведь в то время ни правительство, ни местный люд не знали, что и с кого спрашивать. В то время здесь были

какие-то начальники и специалисты, неизвестно откуда прибывшие и неизвестно кем назначенные. Каждый из них приобрёл потом привезённые из Германии, хоть и подержанные, автомобили, а потом уехали кто куда.

– Вот, вы двадцать пять лет работали здесь в совхозе, – продолжил Тлебай. – Я, оказывается, восьмой директор! Вы стали писать на меня жалобы и успокоились только после того, как меня сняли с должности. А ведь после меня было ещё два директора. Ау, куда же они делись? Вы их искали, спрашивали, куда они делись, знаете, где они сейчас? А... не знаете! Один – в России, другой – в Германии сейчас живёт! Вы их не ищите, только сами себя наказываете!.. О... когда касается наказания, вы... вы никогда не спрашиваете с виновных!.. Ау, а ведь наши враги об этом знали... ведь знали! Вот смотрите, – сказал Тлебай, взяв из стоявшей на дастархане коробочки одну зубочистку, и продолжил свои философские рассуждения.

– Вот эту ничего не стоящую зубочистку изготавливают в соседней с нами стране и продают нам. И откуда же в той стране знают, что казахи много мяса едят, а после его поедания с удовольствием вычищают застрявшие между зубами кусочки, а?!.. А вот знают! И они заполнили казахские базары этими своими зубочистками! Они знают, что мы только тем и занимаемся, что друг другу подставляем подножки! Вот, я думаю, что они хорошо это знают!.. Зависть... желание обойти ближнего... недоверие друг к другу... все эти занозы сидят внутри каждого из вас, сидящего здесь передо мной!..

Ну ладно, хватит уже! Я сказал всё, что хотел высказать вам! Так, теперь кто хочет добавить что-нибудь? – обратился к гостям Тлебай после небольшой паузы. – Вы, наверное, думаете, что я вас не на угощение, а на производственное собрание пригласил!

Теперь главное, чтобы не начали спорить друг с другом. Об этом подумал Ахмет, который, попробовав стоявшее перед ним блюдо, взял слово:

– Тилеке, в том, что вы нам тут рассказали, нет ни слова неправды! Всё верно, всё правда!.. Мы действительно не оценили вас в своё время. Прости нас, Тилеке, прости!..

Обращение Ахмета прозвучало как искренняя просьба, как мольба! Все остальные с облегчением вздохнули, ведь они уже подумывали, что впервые за долгое время организованное общее застолье может обернуться скандалом и разборательством.

И когда после примирительных слов Ахмета все зашумели-загалдели: «Простите, Тилеке, простите», – Тлебай вдруг расчувствовался. Хотя он и не расплакался от нахлынувших чувств, но время от времени вытирал носовым платком слёзы, вытекавшие из его узких глаз. В носу у него защипало, и он, наклонив голову, хотел скрыть, что готов заплакать.

– О, Всевышний, и директор, оказывается, может плакать, – в изумлении задумались аульчане. – Выходит, и у него есть сердце, есть чувства и дрожат мокрые от слёз ресницы?!

Когда они подумали об этом, то у многих из них в глубине души проснулось чувство жалости к прежнему бастыку. Хотя тот в пору своей

власти обращался с ними грубо, постоянно срывал на них злость и досаду, стар и млад были у него в кулаке, и все они были для него стадом, легко погоняемым одним прутом.

Но разве в характере казахов быть злопамятными, хоть ты грозно кричишь на них, никто долго зла не держит, а если пожалеешь их, то и у них сразу душа раскрывается навстречу доброму слову?! Вот и после того как Тлебай, высказав все свои обиды и выговорившись сполна, словно умылся утренними лучами и очистился от грязи, накопившейся в душе, все облегчённо вздохнули и повеселели.

– Ну, сейчас будем мясо есть, – сказал Тлебай, на волне поднявшегося у всех настроения подав гостям надежду на то, что наконец-то можно будет утолить чувство голода. – А теперь хочу сказать, что у меня действительно болит сердце и за наши родные места, и за всех вас. И, если разрешите, дам вам один совет, можно?

– Говорите, говорите, Тилеке!.. Давайте послушаем, что хотите посоветовать делать дальше!..

Наступила тишина, и чтобы не испортить настроение своему бывшему начальству, аульчане с выражением на своих лицах готовности на сей раз принять к сведению его советы, стали прислушиваться к его словам. А Тлебай, воспользовавшись этой мёртвой тишиной, в которой можно было услышать звон комара, не стал тянуть, а чётко и коротко, как бы и из чувства сострадания к своим землякам, дал им свой совет:

– Вот возле коровников, которые когда-то я построил... сейчас от них остались только подпорки стен... так вот там стояли тысячные стада, которые я растил, и от них остались горы навоза. Теперь вы все без споров и разногласий разделите навоз между собой, станьте хозяевами своей доли!

– Что затевает Тлебай, зачем он предлагает нам разделить между собой навоз, который сорок лет собирался возле фермы, да ещё чтобы не лишиться права на него? Кому теперь нужен этот навоз? – после таких размышлений только было поднявшееся настроение у аульчан снова испортилось.

– Ну вот, вы, наверное, думаете, что я опять не то говорю! – пристально взглядевшись в лица своих гостей, сказал Тлебай. – Нет, я не издеваюсь и не злорадствую над вами! Это я вам предлагаю, потому что хочу вам чем-то помочь!

Надо сказать, что на этот раз слова Тлебая действительно означали предложение, имевшее рациональное зерно. Ведь тот многолетний навоз возле фермы женщины и дети из соседних русских сёл раскапывают и потихоньку растаскивают.

– Эй, а почему они его бесплатно забирают? Почему вы не продаёте его им? Вы же сами покупаете у них за деньги огурцы и морковь, которые они выращивают, удобряя грядки этим навозом, разве не так?

И снова голос Тлебая зазвучал требовательно и резко, видно было, что на этот раз он решил не упустить выгоду от того добра, которого лишился в своё время.

– Ведь не зря говорят, что деньги не пахнут, хоть мой под хвостом у ишака, а на заработанные за этот труд деньги приобретаешь себе скот?! В

наше время нет ничего зазорного в том, чтобы продавать навоз. Давайте прямо с завтрашнего дня поставьте возле фермы охрану! Чтобы никто не приходил со стороны и бесплатно не уносил навоз! Продавайте его! Вы не смотрите на него, как на коровий навоз, как на овечий кизяк, как на нечистоты скотины! Продавайте его! Потом посмотрите! И увидите, что это настоящие деньги... деньги! Этот кизяк и навоз нашего аула – самое экологически чистое во всём мире удобрение! Вот сейчас Китай все наши железки дочиста собирает и вывозит, а завтра он ещё и наш навоз будет просить. А вы уже сейчас готовьесь продавать его за деньги. Уже сейчас набирайте в эти китайские пёстрые сумки навоз и кизяк и собирайте в своих дворах. Чтобы над нами не насмеялись другие, говоря, что деньги лежат под ногами у казахов, да только не хватает ни желаний, ни сноровки поднять их с земли... больше нельзя давать им повод издеваться над нами... больше нельзя терпеть насмешки! Давайте станьте хозяевами своего добра! Всем сидящим здесь в наследство от Советского государства, я вам скажу, если что и досталось, то вот этот навоз! Больше ничего другого, чтобы заработать, я сейчас не вижу, не знаю и не могу вам сказать!

– Надо же, на этот раз Тлебай в чём-то прав, – подумал задремавший было Ахмет. И ведь какая всё-таки мудрость заключена в казахской поговорке, утверждающей, что «богатство – это грязь»! Мы хотели жить по своим казахским представлениям и не заниматься грязной работой, при этом с голоду, конечно, не умерли, но, надо признать, что от общего каравана немного отстали. Надо собрать... да, теперь надо собрать это навозное достояние!

После предложения Тлебая у собравшихся потекли слюнки уже не от предвкушения отведать хорошо сваренное вкусное мясо жирного барана, а от мысли, как побыстрее собрать у себя во дворе причитающуюся долю от гниющих гор навоза, накопившегося за околицей аула. Гости, вытягивая шеи, начали беспокоиться, нетерпеливо поглядывая кто в окно, кто на дверь. И только после долгого ожидания поданная на блюдах сочная баранина отвлекла их от мечтаний о будущей хорошей прибыли.

Но после того как мясо на блюдах было покровлено и гости протянули руки, чтобы попробовать его, их внимание отвлёк ящик с гремящими бутылками, который внесли два парня-официанта.

– Не считайте это водкой! – сказал Тлебай, указывая на внесённый официантами ящик. – Это не водка! Это – коньяк «Туркестан»! – торжественно провозгласил он, с улыбкой посмотрев на своих гостей. – Вот, – добавил он и поднял вверх бутылку, ухватив её за горлышко. – Смотрите, на этикетке написано «Туркестан», да ещё изображён мавзолей нашего великого предка. Специально для сегодняшнего застолья из самого священного Туркестана доставили. Я сейчас сам налью каждому из вас! Пейте священный «Туркестан»! Пробуйте, пейте!..

Никто из сидевших за дастарханом не возразил, слушая Тлебая, никто не подумал о хараме, о недозволённости спиртного для мусульман, каковым они себя относят. В тот день после праздника жертвоприношения Всевышнему за успешное окончание учёбы сына, устроенного Тлебаем, опьяневший народ по домам разошёлся поздно...

***

Хоть и неизвестно время, когда завершится путь человека в этой бременной жизни, после того как он с утра до вечера неутомимо крутится-вертится в её тисках, колесо земного существования в конце концов всё же остановится и рассыплется. Да-а, когда пройдёт твоё время и твоя эпоха неизбежно подойдёт к завершению, настанет другое время, когда арбу, которая возила тебя, и не только тебя, а весь груз не только твоей жизни, но и целой эпохи, твой же потомок начнёт ломать, расчленять на части топором, и это можно, наверное, считать трагедией. И всё же есть в этом что-то положительное! Когда старую арбу ломает не кто-нибудь другой, а твой собственный внук, а ты стоишь и смотришь на это с умилением, видя, как он умело это делает, всё-таки осознаёшь, что это соответствует сегодняшнему дню, новому времени и новой жизненной ситуации. Ведь не только эта арба, но и твоё время, в котором ты жил, уже давно остались в прошлом! Когда-нибудь обязательно приходит конец не только старой разошедшейся арбе, но и всей жизни каждого из смертных. И когда пробьёт, настанет этот твой час, как ты его встретишь, что будет с тобой, как это будет происходить?! Но это, конечно, во власти Всевышнего, который держит в руках вожжи твоей судьбы.

На этом месте размышления Ахмета прервал голоса внука:

– Ну вот и закончил, наконец-то!

Старик, очнувшись от своих раздумий, посмотрел на Адилья и увидел, что тот рукавом рубашки вытирает со лба пот, выступивший после завершения тяжёлой работы, и собирает разбросанные вокруг железки, складывая их в небольшую ручную тележку.

– Э-ээх, да-а... ну что, закончил? Да ты совсем замучился из-за каких-то ничего не стоящих железок!

Эти тёплые слова, которыми дед пожалел уставшего от работы внука, смягчили его решительный настрой, и Адилья, подойдя к деду, сел рядом с ним.

– Ох ты мой жеребёнок! – старик, погладив по голове и обняв внука, вдохнул его родной запах. – Что за время такое настало, когда вы должны собирать железки, чтобы выжить! О, Аллах, благослови и храни нас, смертных!

– Ата, а ты что, забыл про омовение, ведь уже настало время намаза!

– Сейчас... сейчас, мой жеребёнок!

– Принести тебе воды? – Адилья вскочил на ноги и принёс бутылку для омовения.

– Не надо, брось эту бутылку! Ты лучше принеси мне чайник с печки, в котором чай кипятим, – попросил внука дед. – И как я не увидел, как я не понял, а?! Ведь на бутылке есть изображение мавзолея нашего святого! Какой всё-таки это грех! Ты на деньги, которые получишь за железки, купи мне небольшой, лёгкий чайник!..

– Ладно, ата! Куплю... куплю, – пообещал Адилья и побежал в сторону дома.

Старик, совершив омовение из чайника, опять сел на завалинку за сараем. А Адиль, погрузив в тележку железки от старой арбы, отправился к лысому Койшы сдавать их на металлолом. У деда, глядящего вслед удаляющемуся внуку, глаза заволокло слезами...

Вся жизнь Ахмета прошла на этой арбе, и теперь только с ней связаны воспоминания о прошедших днях и пролетевших годах, об ушедшем времени и былых временах.

Э-эх, ну и времена тогда были! Раньше ведь проводилась конфискация имущества, и у Байназара, отца Ахмета, было несколько повозок. Их тогда записали в качестве излишнего богатства семьи и передали в общественную собственность. А было ли это излишком, богатством?! В разные времена богатство имеет свой определённый уровень, и в то время, видимо, арба считалась его признаком!

Когда вышло постановление об отправке баев⁹ и зажиточных людей из кокшетауских краёв в песчаные и пустынные места Актобе, началась кампания по выселению раскулаченных семей. Поэтому глава семейства Байназар, погрузив на эту арбу жену и детей, и отправился в неближний путь. На этой арбе они день и ночь добирались до окрестностей Борового, где находилась золотодобывающая шахта Степняк и куда чернорабочим устроился отец Ахмета.

Семья старалась выжить на воде и картошке, которую в конце каждого тяжёлого трудового дня выдавали рабочим. Чтобы понять масштаб настоящего бедствия, надо было видеть толпы голодных казахов, не имевших никаких средств к пропитанию и уходивших в поисках заработка к татарам. Это было то проклятое время, когда трупы несчастных бедняг, умиравших голодной смертью и валявшихся на окраине города и прямо на улицах, собирали специальные команды, созданные НКВД. Вместе с судьбами людей того ужасного времени переплеталась и судьба этой арбы. Если бы она умела говорить, то сегодня мы, наверное, услышали бы от неё трагическую повесть о горестях и страданиях, перенесённых вместе с народом. Однако всё что было, то уже прошло, стало историей, к тому же сегодня мы смотрим на прошедшее в искажённом политической целесобразностью виде. Новое поколение выросло в другое время, и разве когонибудь заботило, что надо хранить память о прошлом, которое является свидетельством истории страны и народа, жившего в эпоху горя и страданий, пролитых слёз и крови?! Да и теперь найдётся ли кто-нибудь, кто бы подумал об этом?! Так же, как и разлетевшиеся спицы от колёс этой рассохшейся арбы, так и твои кости, когда придёт срок, сгниют и высохнут под землёй! И никто об этом не вспомнит! Что поделаешь, таковы законы нашей брэнной жизни!

Увы, человечество как ни старается, никак не может придумать вечный двигатель. К тому же ясно, что этого достичь невозможно. Да-а, а вот если бы Всевышний, создавая человека, даровал ему вечную жизнь, тогда он, может, и смог бы изобрести вечный двигатель!

⁹ Бай (каз.) – богач.

Если бы человечество доподлинно осознавало, что нет ничего вечного, всему приходит конец, то, наверное, относилось бы не только к себе, но и ко всему окружающему его миру с пониманием значимости и ценности всего сущего на земле. Однако, даже зная о бренности земного существования, человек остаётся безрассудным, не стремится ценить время и жизнь! Ведь изначально человек был создан чистым и непорочным, но потом вмешался дьявол, и наша жизнь стала греховной, перестала быть осмысленной и полноценной. Сегодня окружающий нас мир, природа зывают о понимании и помощи! Но не кто-нибудь, а сам человек наносит вред им, и в его сознании не укладывается, что все его собственные беды и несчастья происходят от отсутствия живой связи между ним и окружающей средой. Да и откуда быть этому сознанию?! Если бы оно было, то разве рассудок и воздержанность простых смертных не были бы преградой к непотребным деяниям?! Ведь на это и указывается в казахской пословице: «Когда у казана открыта крышка, то собаки теряют стыд». В нынешнее время и в обыденной, и в духовной жизни, и в морали сняты все ограничения, и на пути к искушениям не осталось преград. Поэтому воспитание порядочности, контроля над своими желаниями, воздержанности отринуты как устаревшие, ненужные понятия, а ставшие ненасытными глаза человека гложет червь богатства. Но ведь всё равно, как ни стремись к богатству, и оно когда-нибудь рассыплется в прах и станет ненужным человеку на пороге иного бытия!..

– Ау, Аха-у, ты сегодня что-то засиделся на завалинке, дольше чем обычно сидишь. Всё нормально, ничего не случилось плохого?

– Э-э... да-а... ничего не случилось, просто так сижу! – с безразличным видом ответил сидевший в глубоком раздумье Ахмет горбуну Аубакиру, который присел рядом с ним. Он тоже такой же бедняга, как и сам Ахмет, живёт на руках у сына со снохой.

У Аубакира от воспаления поясничного позвонка со временем образовался горб, после чего его прозвали горбуном, а ведь когда-то этот старик был одним из руководителей в колхозе. В послевоенные годы, став бригадиром овцеводческой фермы, вечно верхом на лошади спешил куда-то как на пожар. А когда хотел показать свою власть, то, подняв над головами людей плётку, с криками «я хан, я Аблай!» гордо скакал перед ними на лошади. Однажды, не удержавшись в седле, упал, тогда, наверное, и вывихнул себе позвоночник! Как бы там ни было, он тоже один из тех бедняг аульчан, кто прошёл все тяготы жизни вместе со своими земляками и теперь остался ни с чем.

– Я никогда ни перед кем не буду кланяться, – любил когда-то говорить Аубакир, но Всевышний всё-таки заставил его вечно ходить со склонённой шеей, как это бывает у горбунов при ходьбе.

Некоторые из аульчан имеют к нему счёты, но по-человечески жалеют его. Многие из тех, кому он в своё время причинил зло, уже ушли из жизни и лежат на кладбище, а он был у них у всех на похоронах и, бросив горсть земли в могилу, прощался с каждым из них. Взяв в руки горсть земли, он говорил вслух: «О, Создатель, дай веру этому смертному», а потом молча просил у Всевышнего ещё что-то. Иногда, пристально глядя на

горсть земли в руках и беззвучно шевеля губами, он мог долго стоять возле могилы. Эти его действия раздражали присутствующих на похоронах.

Однажды зимой, когда в сильный буран и мороз хоронили аульчанина по имени Бейсен, произошёл неприятный инцидент. Земля была промёрзлая настолько, что лопаты будто на камень натыкались, и невозможно было выкопать могилу. У молодых сильных мужчин, способных горы свернуть, онемели руки и заболели поясницы, и они совсем обессилели. Тогда люди собрали у стоявшей возле домов сломанной старой техники резиновые колёса и сделали из них костёр, стараясь растопить мёрзлую землю. В общем, еле-еле удалось выкопать могилу... Потом совсем замёрзшие аульчане, завершив похороны, заспешили домой. Уже настало послеполуденное время. Ещё немного, и короткий зимний день закончится.

– Ау, Ауеке, ты что уставился на землю и застыл, как вкопанный?

Это тишину, которая установилась в этот момент на кладбище, нарушил Оразай, младший брат покойного Бейсена.

– Ты что это, после всего того плохого, что причинил моему брату, теперь просишь прощения у горсти земли с его могилы? – суровым тоном продолжил Оразай, обращаясь к Аубакиру. – Ты при жизни не попросил у него прощения, а теперь эта горстка земли не сможет передать ему твои извинения. Ты опоздал! Таким, как вы, рот забить и засыпать глаза может только песок. Когда же и тебя закроет земля?! Эта горсть земли в твоих руках будет тяжела для костей моего брата. Не бросай её на могилу! Иди отсюда, не задерживай других!..

После этих горьких слов Оразая затрясло от гнева. Смерть единственного брата, да ещё заботы по организации похорон и так уже стоили ему немалых нервов. Пришлось ещё и дорогу к кладбищу прокладывать, ведь немало сил ушло на то, чтобы расчистить плотный снег, слежавшийся и застывший на морозе. Сегодня нет такой возможности, как раньше, когда дорогу расчищали мощным трактором. После того как распустили колхозы-совхозы, все трактора приватизировали, и теперь ничего не осталось. Та техника, которую разделили между собой аульчане, теперь стоит поломанная почти возле каждого дома, без колёс, только остовы торчат. И теперь, когда приходится хоронить умерших зимой земляков, в ауле не найдёшь тяжёлую технику для расчистки дороги к кладбищу, что тут поделаешь?! Хорошо, что аульские мужчины с помощью лопат раскидали снег в стороны, открыв дорогу. Не дожидаясь, пока Оразай закончит кричать на горбуна Аубакира, а за это время земля снова застынет на морозе, могилу начали засыпать землёй...

Вообще-то когда-нибудь обвинения Аубакиру должны были быть высказаны, повод для этого был уже с давних пор. Все аульчане об этом знали. Человек, которому доверили власть, не должен играть судьбами людей. Этот жестокосердый горбун Аубакир любил давить на них своей властью, а на невиновных навешивать обвинения, в числе его многочисленных жертв был и покойный теперь уже Бейсен. На нём всю жизнь висел ярлык байского потомка и, чтобы смыть с себя это клеймо, Бейсен ушёл добровольцем на фронт. Но, как говорят, если война будет идти даже сорок лет, но срок не подойдёт, то смерть не возьмёт человека. Вот и Бейсен, четыре

года пробыв в горниле войны, вернулся домой живым и здоровым. Мужчин в ауле тогда мало осталось, поэтому Бейсену поручили руководство овцеводческой фермой. Но в тот год была затяжная морозная зима, и после неё полуживые, отощавшие овцематки не смогли переварить взрослую весеннюю траву, у них начался понос, а затем и падёж стада. И вот горбун Аубакир решил, что настало его время занять должность Бейсена. Он оседлал коня и поскакал в райком в Кыраукамыс. Но там знали о причинах сложившейся ситуации и, пообещав отправить на помощь специалистов ветслужбы, чтобы остановить дальнейший падёж скота, отправили Аубакира назад в аул.

– Э-э, наверное, Бейсен договорился с райкомовцами, поэтому они его не тронут с места, – эта мысль не давала покоя Аубакиру, который не мог уснуть и всю ночь проворочался в постели. С утра пораньше он вскочил на ноги, взял в руки ручку и отправил в Москву, всё ещё празднующую великую победу во второй мировой войне, на имя самого Сталина письмо, в котором рассказал о падеже овец в их колхозе.

«Товарищ Сталин, и это происходит в то время, когда под Вашим руководством мы победили фашистов, а на местах всё ещё не можем покончить с остатками врагов народа», – так он начал своё письмо, последствия которого плохо кончились для Бейсена. Его осудили на долгий срок и отправили в лагерь...

Когда Бейсен вернулся из заключения, после долгого отсутствия вступив ногой на родную землю, на глаза ему навернулись слёзы. Он обратился с молитвой к Всевышнему и поблагодарил его за возвращение на родину.

– О, Создатель, благодарю за то, что ты мне дал! Ты меня вернул сюда живым со вчерашней кровавой войны, и вот из заключения вернул здоровым в родные места. Я прощу тебя только об одном, чтобы меня положили в родную землю, когда придёт мой срок, – взмолился тогда он – и вот теперь его просьба исполнена, он похоронен на родине.

– Эта арба осталась у тебя ещё от колхоза, да?! Да-а, сколько времени прошло с тех пор, скажи-ка?!

– Не времени, сколько людей ушло в иной мир, вот что скажи!

Этими словами Ахмет словно песком закрыл рот пустившемуся было в воспоминания горбуну Аубакиру и перестал обращать на него внимание. После этого настало долгое напряжённое молчание, отражавшее взаимную неприязнь, потом Аубакир встал и заковылял к своему дому. А Ахмет, сидя за стеной старого сарая, снова надолго остался наедине со своими мыслями.

Он погрузился в раздумья, вспоминая прошлое, и призраки былых дней вновь овладели им, словно миражи, представая в воспоминаниях. Одно из них было про то, как отец этого самого Бейсена, светлой памяти Сабыр, был объявлен врагом народа и отправлен в ссылку. Об этой беде, как и почему всё так произошло, хорошо, во всех деталях знал Байназар, отец Ахмета. В те трагические тридцатые годы, спасаясь от голода, Сабыр вместе с Байназаром приехал на золотодобывающую шахту Степняк. Это был крепко сложенный, могучий, ширококостный мужчина, у него всегда

было хорошее настроение, он умел по-детски радоваться жизни. Все-му верил, как наивный, простодушный ребёнок, – про таких говорят, что у них душа нараспашку! На его беду, это простодушие и сыграло с ним злую шутку, что тут поделаешь?!

Как раз в то время на рудник приехал один из партийных руководителей Сергей Киров, которого направили сюда из Москвы проконтролировать, как идёт работа по ликвидации последствий голода в казахской степи. Он был авторитетным, известным партийным деятелем, руководил самой крупной и самой революционной организацией – Ленинградским обкомом партии. Потом его убили в Смольном, и это событие потрясло весь Советский Союз, а виновными объявили классовых врагов. По всей стране проводились собрания, на которых призывали быть бдительными, давать отпор врагам народа и сплотиться вокруг верного ленинца товарища Сталина, руководителя созданной вождём Лениным партии большевиков. Одно из таких собраний в назидание врагам было организовано и на руднике, где Киров побывал во время своей командировки в Казахстан. На собрании поручили выступить Сабыру, который в то время был передовиком производства и имел почётное звание стахановца.

– Мы, представители советских трудящихся и рабочего класса, не боимся классовых врагов, сколько бы они нас ни пугали, ни угрожали нам, сколь бы вреда они нам ни причиняли! Потому что у нас есть партия Ленина, которая ведёт нас вперёд, и есть наш вождь товарищ Сталин, – с воодушевлением начал Сабыр. Затем, переведя дух, продолжил: – Я, стахановец Сабыр Жалмуханов, своим трудом буду противостоять убившим товарища Кирова бандитам и их преступным действиям. К примеру, сегодня я выполняю свою норму больше в полтора раза. А если классовые враги убьют товарища Сталина, я в тот день дам две нормы, – пообещал он и сошёл с трибуны.

Мир сразу перевернулся... Что поделаешь, когда мир вокруг тебя переворачивается?! Наверное, именно в такой ситуации, когда человек готов провалиться сквозь землю, понимаешь суть казахского пожелания «пусть Создатель даст тебе много места»! До того дня, как, выйдя на трибуну, Сабыр сказал, «если убьют товарища Сталина, я в тот день дам две нормы выработки», он, как и все, широко шагал по широкой земле. Передовик производства, стахановец!.. Повсюду на видных местах висели красно-зелёные агитационные листовки, в которых призывали брать пример с Сабыра, а теперь он уже находится под следствием. И все сочувственно говорят про него, закрытого в тесной комнатке следственного изолятора НКВД, «надо же, а ведь ещё вчера он был передовиком труда, был стахановцем...».

«Ты, негодяй, один из тех, кто знает про готовящееся покушение на товарища Сталина! Говори, кто готовит это преступление?! Пока душа в теле, признавайся!..». В конце концов, после бесконечных допросов следователей, требовавших «говори... признавайся...», беднягу Сабыра объявили японским шпионом. Под суд он попал с обвинением в шпионаже, потом его отправили в далёкие края, где были лагеря для врагов народа. С тех пор и до сего дня о его судьбе никому ничего не известно...

Жизнь – всегда неизвестность!.. Будущее – темно!.. Известна только последняя остановка человека, который всю жизнь ежедневно встаёт с рассветом и до вечера вертится в колесе существования. Известно только, что лодка жизни, в которую человек при своём рождении садится, в конце концов, когда приходит срок, останавливается у острова смерти. Нам известно только это... Мы не знаем, когда нам суждено прийти в этот мир и когда мы должны будем уйти из него. Всё это нам не известно...

На этом месте своих размышлений о бренности человеческой жизни Ахмет поднял свою седую голову и посмотрел в сторону кладбища, расположенного в отдалении от аула, на расстоянии, которое можно различить глазом. Может, это и есть остров смерти?! Эта мысль пронзила старика настолько, что, о, Всевышний... каждая могила на кладбище стала ему казаться лодкой. После того как Ахмет, вытерев заслезившиеся глаза, вновь внимательно взгляделся в даль, каждый могильный холм стал казаться ему перевёрнутой лодкой. Да-а, оказывается, казахи не зря сравнивают жизнь в этом мире с лодкой, управляемой ветрами бытия!.. Пусть, по воле Всевышнего, и моя лодка, достигнув острова смерти на этом кладбище, перевернётся здесь и остановится, – пожелал сам себе старик.

Именно по тому, что казах умоляет Создателя дать ему возможность найти последнее пристанище на родной земле, можно судить о чистоте намерений, о благодати его души, о его мудром восприятии мира. Когда жизненный путь приходит к концу, простому смертному, где бы его ни похоронили, всегда найдётся кусок земли! Так почему же мы просим Всевышнего, чтобы он дал нам возможность уснуть вечным сном именно на родине?! Может, мы ощущаем здесь великую любовь к родной земле наших предков, которые, не слезая с коней, с копытами в сильных руках, защищали её и ничего не просили у Создателя кроме того, чтобы найти покой на маленьком клочке земли на огромных родных просторах?! И кто знает, может, именно за эту великую любовь к своей родине Создатель подарил эту землю казахам?! И, может, те, кому дано понять, что символ единства казахов Улытау, подобная земному раю земля Жетысу, горы и возвышенности на прекрасной земле Кокшетау дарованы Создателем в качестве священных даров казахам, также понимают и то, что получить такие дары мог достойный народ?!

О-о, к каким высоким думам привели Ахмета его размышления! Его слезящиеся глаза едва различают размытые очертания виднеющегося вдалеке кладбища, а мыслями он, выходит, может объять весь мир, до самого его края?! А может, мир его сознания, словно мешок, притороченный к краю седла бойкого скакуна, прохутился, и из него выпадают и разлетаются по сторонам мысли-размышления?! И одна из этих мыслей о том, чтобы старику тоже досталось местечко на этом кладбище. Ведь немало и тех, кому не суждено было упокоиться на этом старом погосте, на котором под вольным степным ветром стонут сухая крапива и высохший ковыль. Да-а, много таких... И один из них вчерашний стахановец Сабыр с золоторудного Степняка. Потом ещё... да-а, потом ещё много тех, с кем в этом ауле в детстве весело играли, потом вместе подросли и стали взрослыми, но им не суждено было найти вечный покой

на родной земле... Ох, да сколько же их?! Не приведи, Всевышний, а ведь с прошедшей кровавой войны не вернулись около тридцати земляков! И если подумать, то место тех, кого настигла пуля на фронте и чьи кости лежат в чужой земле, пусто и в ауле, и на аульном кладбище! И что тут можно сказать Создателю?! Тысячу раз благодарен я ему! На краю нашего аула стоит низенький домик Ахмета! А теперь, если даст Всевышний, ему достанется и могильный холмик вон на том кладбище.

Оказывается, что с момента зарождения в чреве матери жизнь человека измеряется всего лишь расстоянием от детской колыбели, сплетённой из ивовых прутьев, до колыбели в чреве земли. Короткий или длинный этот путь?! Коротка ли была, длинна ли была жизнь, но ты пришёл в этот мир в обличье человека и начал своё земное путешествие. Так почему же ты плачешь, почему страдаешь, блуждаешь на своём пути и заблуждаешься в своих мыслях и поступках, почему не можешь найти счастья в жизни?! Кто преграждает тебе дорогу к счастью, кто препятствует?! Почему человек должен страдать от им самим совершаемых преступлений и гонений, почему его должны настигать несчастья и беды от того, что люди стреляют друг в друга и умирают от пуль?!

Ох, надо же, куда же меня занесли эти мысли?! Неужели мне под силу излечить все раны человечества и оградить его от всех страданий в этом мире?! Теперь уже не будет излечения от бед и несчастий в этом мире! Теперь только лишь в руках Аллаха есть сила, способная очистить от скверны, промыть гнойные раны человечества, заблудшего настолько, что халал и харам, чистое, дозволенное и запретное, недозволенное, переплелись между собой. Всё в этом мире перевернулось, вон... даже вечная мерзлота и то потихоньку стала таять!..

Далее раздумья старика Ахмета привели его к воспоминаниям о прошедшей войне. Тех, кто погиб на ней, и тех, кто пропал без вести, всех земляков, у которых нет дома в ауле и нет могилы на местном кладбище, возила на станцию Тайынша, откуда они отправлялись на фронт, вот эта старая, полуразвалившаяся арба. Сразу на другой день после того как пришло известие о начале войны, из военного комиссариата получили повестки около десятка аульчан. Весь аул, с плачем и рыданиями, провожал их пешком до горы Кусмурун. Плачущие женщины, плачущие дети!.. Казалось, что в тот день весь мир стонал вместе с ними.

Перед началом той страшной войны хозяйство в колхозе стало подниматься, и настали дни, когда народ мог досыта поесть. А некоторые женщины, почувствовав улучшение жизни, пребывали в состоянии приподнятого настроения, праздно проводили время, ходили по домам своих соседей, вели разговоры о том о сём, по ходу вытягивая пряжу ручным веретеном. Даже было несколько случаев, когда женщины бросали своих мужей и выходили замуж за других мужчин, чего в казахских аулах никогда прежде никто не видывал и не слыхивал.

В ауле был приверженец строгих нравов, набожный старик по имени Есим, которого с самого начала возмущало такое поведение замужних женщин. Когда, провожая мужчин на фронт, доехали до Кусмуруна, он не спеша слез с арбы и начал прощаться с земляками. Каждого обнимал,

целовал в лоб, прижимал к груди, благословляя на трудный путь. А потом, когда их догнала идущая пешком толпа аульчан, старик Есим с громкими возгласами обратился к ним:

– Женщины, выбирайте себе любого мужчину, какого хотите, разрешаю... не возражаю! А вы, мужчины, возвращайтесь назад живыми! О, Создатель, каждый из них ответственный глава семейства, сохрани их и верни домой живыми и здоровыми.

После этого он воздел руки к небу, обращаясь к Всевышнему с просьбой услышать молитвы аульчан и быть милосердным к ним, оградить уходящих в неизвестность земляков и их семьи от беды и горя. По лицу и развевающейся от ветра серебристо-серой бородке старика текли слёзы и падали на землю... А арба с отъезжающими на фронт земляками медленно удалялась из вида, пока, став недоступной глазу, не скрылась вдали!..

Да-а, всё в этом мире куда-то уходит, исчезает!.. Да и сама жизнь, постепенно теряя свои краски и первоначальную мощь, со временем рассыпается и прекращается. И что после неё у человека остаётся, кому и что он может оставить после себя?! Ты можешь оставить своим потомкам что-нибудь, о чём можешь сказать «вот это то, что мной нажито за всю жизнь»? Может, вот эту арбу?! Но ведь она ещё при твоей жизни сломалась, развалилась и теперь никому не нужна. Да что говорить про старую арбу, вся твоя жизнь, прошедшая на ней, всё недавнее прошлое сегодня никому не нужны. А может, человек в этом изменившемся мире давно уже потерял интерес к духовным ценностям, понятия честности, благородства уже не в цене?!

Несмотря на то, что ветры времени в этом мире с пошатнувшимися опорами рассеяли многое из бывшего, слабеющая память старика всё же смогла удержать кое-что из пережитого. И всякий раз, когда в сознании Ахмета представляли призрачные видения людей и событий из прошлого, его глаза наполнялись слезами. Но что поделать, несмотря на печаль и сожаления, прошлого не вернёшь, что было – то прошло! И теперь кроме воспоминаний ничего не осталось, наверное, это и есть удел старости?! Сегодня Ахмет возвышается один как перст посреди жизненной долины. Вот только с утра перед его глазами мельтешит, как бабочка, единственный внук Адиль, да и тот, не обращая внимания на деда, обеспокоен только тем, что хочет получить деньги за железки от разошедшейся, как и её хозяин, старой арбы.

Да-а, если уж настали такие времена, что смыслом жизни стали только деньги, то почему бы вчерашнему ребёнку, едва только вышедшему из своей детской колыбели, не желать их и не метаться в их поисках?! У каждого времени есть свои испытания, а в трудные времена их ещё больше. Вот и пришли сегодня, настали эти испытания! Но если окружающий мир становится хуже, это означает, что и сам человек в своём мировосприятии опускается ниже достойного его уровня! Сколько бы ни брал, ни хватал человек, сколько бы ни ел, наедаясь до отвала, если всё равно ему всего мало, то нет в том вины окружающего его мира! Наверное, чтобы человек ощущал себя богатым, ему нужны всего три признака богатства – чувство удовлетворения собой, умение довольствоваться тем, что имеешь, и быть

благодарным Творцу. Ведь он дал тебе жизнь, которой ты можешь распорядиться по своему усмотрению, по мере своего ума, характера, своих сил и возможностей. Но кому об этом скажешь, кого убедит это твоё умозрительное рассуждение?! Попробуй кому-нибудь разъяснить это твоё понимание мировосприятия, разве он тебе сразу не посоветует, чтобы ты эти три богатства засунул себе за пазуху и не лез со своими советами?! Молчи! В нынешние времена не найдётся, наверное, человека, который бы понял своё безрассудство, ведь он сам, на свои деньги навлекает на себя несчастья и гибель. И это вызывает жалость к нему, но ничего не поделаешь!..

– Ата, здравствуйте! Вы что это, укрывшись за сараем, решили позаргать на солнышке?

Старик, невольно вздрогнув от громкого окрика, отвлёкся от своих мыслей и увидел подъехавшего к нему на лошади аульного конюха Маната, который, едва держась в седле, спешил куда-то.

– Ты что это, светоч мой, ещё и полдень не наступил, а ты уже пьяный, успел выпить с утра пораньше?

– Я, что ли... я, что ли, пьяный? Не говори что попало, старик, – грубо оборвал Ахмета едва держащийся в седле Манат. – Дед, я тебе говорю... ты меня прогоняешь, что ли? В этом ауле каждый день у кого-нибудь кобыла жеребится, и меня каждый день угощают. Каждый день!..

– Светоч мой, это хорошо, что тебя каждый день угощают! И что, они тебе каждый день водку дают?

– Дают... дают, ата! – ответил, икая, Манат.

На земле Сары-Арки зима бывает снежная и морозная, и как только наступают холода, в период между ноябрём и декабрём до наступления нового года по сложившейся хорошей традиции наступает пора согума¹⁰ – в каждом доме забивают специально откормленную лошадь, делая заготовки мяса на зиму. И всю зиму в каждый дом по очереди приглашают аульчан, родственников, сватов и остальную родню со стороны зятьёв и снох, чтобы угостить их. А мясо жирного копчика в каждом доме специально оставляют для конюха, это традиционно его доля от согума. Затем, когда к лету кобылицы благополучно жеребятся, принося приплод хозяйству, сохранённую долю варят вместе с другими вкусными кусками мяса и специально приглашают конюха в гости.

Об этом почти каждодневном угощении в летнюю пору и рассказывал подъехавший к старику Ахмету конюх Манат, который, в очередной раз отведав мяса от гостеприимного дастархана и попутно выпив водки, едва держался в седле.

– А наша кобылица в прошлом году не принесла жеребёнка, – сказал Ахмет, подняв голову и посмотрев на конюха.

– Ничего, ата, мы и яловую кобылицу заставим ожеребиться! Что в этом такого невозможного?!

– Ты говоришь, что эта кобылица и в этом году осталась яловой, и как же ты её заставишь ожеребиться?

– Вот, смотри, – сказал Манат, показав на бутылку за пазухой.

¹⁰ Согум (каз.) – заготовка мяса конины на зимний период.

– Если есть такая... и яловая ожеребится!

– Знаю... знаю я, как у вас жеребятся яловые кобылы, – после этих слов старика Манат, почувствовав с его стороны неприязнь к себе и своим словам, повернул лошадь, дёрнув её за узду, и поспешил удалиться.

– Э-эх, и такие, как этот Манат, ещё говорят, что они ухаживают за лошадьми, называют себя коневодами! Чтоб вам пусто было!

Теперь мысли старика перешли на Маната, который поехал дальше, на пьяный манер горланя песни и подняв шум на всю округу.

– Оу, ни стыда, ни совести у них нет! Даже за небольшим табуном лошадей, который остался в ауле, не могут как следует ухаживать! Под предлогом, что табун, мол, потопчет посевы, как только стемнеет, загоняют его за железную ограду на всю ночь! А потом к осени лошади все худые, многие до того, как снег ляжет на землю, не могут нагулять вес. Уже в начале зимы их надо кормить в стойлах. Плохо, что и пастбища для лошадей уменьшаются.

– Оплату за выпас платим регулярно. Ты почему закрываешь за ограду табун, ведь летом лошади должны свободно пастись и жирок набирать? – не раз выговаривали аульчане Манату. Но тот постоянно огрызнулся в ответ:

– Не нравится, тогда сами за ними смотрите, – а потом и вовсе взял в привычку – бросит табун и отлёживается дома.

В ауле кроме Маната не было мужчин, кто мог бы верхом на лошади смотреть за табуном, и он хорошо знал об этом. Когда лошади два-три дня стояли закрытые за железной оградой и от голода начинали жевать друг у друга хвосты, старейшины аула шли на поклон к Манату.

– Светоч ты наш, жалко лошадей. У тебя же есть разум, перестань сердиться, выходи к лошадям, отведи их на выпас.

– А что, разве в ауле кроме меня некому пасти табун?

– Светоч ты наш, некому, некому! Веришь, так, как ты, никто не разбирается в лошадях...

А Манату только того и надо. Весь аул приходит на поклон к нему, умоляют его выйти на работу. Он же продолжает лежать на боку и всё ещё упрямится.

– Вы же сами виноваты... я тихо-мирно смотрел за лошадьми... а вам не угодишь, это не так, то не этак!..

– Ой, светоч ты наш, ладно, перестань обижаться, мы ошибались! Мы виноваты! Иди, посмотри за табуном! Жалко же их, сколько дней уже стоят взаперти!

И вот когда весь аул приходит его просить, склонив перед ним головы, хитрый Манат начинает выдвигать свои условия.

– Ладно уж, не отстаёте от меня, так и быть, пойду к лошадям!

– Ой, родной ты наш, спаситель!..

– Но у меня есть одно условие... вы знаете, что бензин и солярка каждый месяц дорожают. А плата по уходу за лошадьми с прошлого года не выросла. Теперь я подниму плату за каждую лошадиную голову...

– ?!

– Ау, что вы замолчали? Если считаете, что дорого будет, тогда на сегодняшнюю плату найдите кого-нибудь другого смотреть за табуном. Разве в этом году к пенсии каждому из вас не добавили по 500 тенге?!

Аульчане знают, что сейчас, когда он дал согласие смотреть за лошадьми, спорить с Манатом нельзя. Они помнят, как в прошлом году обожглись на этом. Тогда тоже вот так аульчане пришли к Манату просить его посмотреть за табуном и уже совсем было договорились с ним. Как вдруг, откуда ни возьмись, вышел между ними спор. Когда разговор зашёл о повышении помесячной оплаты конюху за каждую голову лошади, один старик опрометчиво ему возразил:

– Ой, что ты творишь? Получается, что в год два раза повышаешь оплату. Вот по всей окрестности ни в одном из соседних аулов нет такой оплаты, как у нас. Мы тебя совсем разбаловали, ты уже нам на головы садишься, разве не так?!

– Тогда ты свою лошадь отправь в соседний аул, где дешёво берут, пусть их конюхи присоединят её к своему табуну и пасут! А я ваших лошадей на нынешнюю маленькую оплату пасти не буду! Когда каждый месяц бензин дорожает, почему я не должен повисить оплату за свой труд?! Почему вы все, стоит мне только заговорить о повышении оплаты, встаёте против меня?!

– Эй, не хочешь и не паси наш табун! Какое отношение к лошадям имеет повышение цены на бензин? Получается, что ты каждый день покупаешь бензин и наливаешь его под хвост своей саврасой лошади, которая заворачивает табун на выпасе?!

– Ну тогда смотрите сами! Найдите другого конюха, чтобы он смотрел за вашей скотиной, – сказал им в ответ Манат и на этот раз надолго залёг дома, не выходя к табуну. Когда арык с водой и стоянка табуна наполнились навозом, а приплод жеребят стал тонуть в грязи и падать в неё, аульчане были вынуждены снова пойти на поклон:

– Эй, Манат, светоч ты наш, ну жалко же скотину! Выходи к табуну! Сам смотри за ним! Кроме тебя у нас в ауле нет человека, кто бы мог держать в руках курук¹¹. – С такими словами все – и стар, и млад – снова пришли к Манату, упрашивая его дать согласие.

После долгого безделья Манату самому надоело сидеть дома, и он, молча взяв за повод свою саврасую лошадь, пошёл к табуну. Увидев это, аульчане облегчённо вздохнули, как будто освободились от давящего на них тяжёлого груза.

На лице Ахмета, вспомнившего о таких повторяющихся два-три раза в год происшествиях, появилась еле заметная улыбка.

– Сопляк, – процедил он вслед удаляющемуся Манату. – Если аульчане сегодня зависят от него, что можно сказать на это Создателю?!

Да, кстати, последним, кто ездил по делам колхоза на этой теперь уже совсем развалившейся арбе, был Каким, отец этого самого Маната! В те годы аульный совет принял решение назначить специального человека и

¹¹ Курук (каз.) – петля на лёгком шесте для поимки неприрученных или пасущихся лошадей.

платить ему зарплату, чтобы он собирал по домам молоко, как будто мало получали молока и мяса от тысячного общественного поголовья скота. Так вот, для этой работы понадобилась арба, а в колхозе её не нашлось, и тогда руководители хозяйства сами пришли к Ахмету и попросили дать им арбу. Всё лето сборщик молока Каким пользовался этой арбой. Аульчане собирали молоко от вечерней и утренней дойки своих коров, потом Каким по утрам приезжал на арбе к каждому дому, чтобы забрать приготовленное хозяйками молоко. Количество сданного продукта измеряли и записывали, а в конце месяца с учётом количества сданных литров и показателей жирности молока выплачивались довольно ощутимые суммы денег, поэтому народ суетился, всё-таки был доход в семейный бюджет. Чем жирнее было молоко, которое сдавали заготовителю, тем больше за него платили. И только в одном доме, где хозяева наравне с другими аульчанами всё лето сдавали молоко, оно по жирности оценивалось как обрат – молоко со снятыми сливками. Сдатчиками этого молока были муж и жена Хамит и Айман, долгое время работавшие в местной школе – один директором школы, другая – учительницей. По оценке Какима жирность молока только от их коров не превышала два-три процента. Эта супружеская пара была в ауле самой уважаемой, все знали, что они честные и справедливые люди. Они, как некоторые шустрые аульчане, не разбавляли молоко водой, чтобы при сдаче был больше объём.

И вот однажды они решили:

– Хватит, надо узнать причину, почему у нашего молока такая низкая жирность?

Как-то утром Хамит и Айман вдвоём вышли навстречу Какиму, собиравшему молоко.

– Каке, почему это жирность нашего молока никогда не бывает больше двух-трёх процентов? Мы думали, что наша корова даёт хорошее молоко, – начал выяснять Хамит.

– О, Каке, так получается! Когда мой единственный сын Манат учился в школе, вы ставили ему только двойки и тройки! Вот теперь наступил и ваш черёд, как говорится, жизнь по очереди даёт нам свои уроки, – сказал Каким и, не дожидаясь ответа, громко расхохотался.

– Ойбай-ау, но ведь два-три процента жирности сравнимо со снятым молоком!

После этого Хамит, ошарашенный столь нелепым доводом и наглостью сборщика, даже не нашёлся, что ему возразить, и молча отвернулся.

– Каке, что вы хотите теперь от меня, жизнь ведь круглая штука, ваши поступки возвращаются обратно к вам!

И Каким, повторив свой сокрушительный довод, опять громко расхохотался, а его слова ещё долго эхом звучали в ушах директора школы.

Сегодня тот самый Манат, едва закончивший на двойки и тройки восьмилетнюю школу, под присмотром которого находится тощий табун, ещё и издевается над земляками.

А ведь когда-то в ауле Аралагаш табун коней постоянно пасся на джайляу¹², все кобылицы, ожеребившись, ходили с полным выменем, а в домах аульчан не переводился кумыс¹³. Да ещё рачительные хозяева выращивали скакунов, которых выставляли на байгу¹⁴. Тогда аульные мальчишки наперебой рвались участвовать в скачках, чтобы, крепко ухватившись за холку скакуна, с ветром наперегонки скакать по степи к заветной цели и получить хороший приз за победу. А теперь судьба оставшихся от бывшего богатого табуна лошадей, а вместе с ними и судьба их хозяев полностью находится в руках пьяного конюха Маната. О, Создатель, но что тут поделаешь?!

Да-а, где сегодня найдёшь таких коневодов, как Аяп и Култандардай, которые добросовестно ухаживали за табуном, долгие шесть месяцев зимы не слезая с коней, не укрываясь от пронизывающих ветров и бушующего бурана?! Бывало, когда они приезжали на обед, то с удовольствием наедались вкусного, жирного мяса, запивая его одной-двумя деревянными чашками крепкого мясного бульона с разведённым в нём курт¹⁵. А потом, когда они вновь вскакивали на своих коней и, окутанные исходящим от них на морозе паром, с пылающими от разогрева щеками, сидя в сёдлах, как влитые, ехали по степи за табуном, аульчане чувствовали в них силу и мощь настоящих казахских батыров¹⁶. И вот... посмотрите на жалкий вид нынешних конюхов! Едут, спяну шатаясь в седле.

Раньше считалось, что у небольшой походной юрты на отгоне есть сакральный дух! Но почему в нынешнее время в ауле подобная сакральность уже давно куда-то исчезла?! Наверно, спугнули чем-то дух сакральности! А в былые времена... по неписаным степным законам, казахи, уходя с табуном на джайляу, дверцу юрты просто завязывали верёвкой, чтобы собаки или птицы не забрели туда ненароком. Если ты повстречал в широкой степи юрту на отгоне, произнеси начальное слово молитвы «бис-миля», войди в неё, поешь что найдётся, напейся воды, но ничего не трогай, не поломай, не испорти!

Таков был великий закон, по которому жила великая степь! А потом пришли те, кто называл себя «целинниками», с лозунгами, что будут распахивать степь и заниматься земледелием, поднимать целину. Тогда всего за одну ночь были снесены, растоптаны и сожжены отгонные казахские юрты, а с ними исчез и казахский вековой уклад. О, Создатель, если бы сейчас те отгонные юрты стояли в местах выпаса табунов и давали укрытие коневодам, были бы и те, кто может ухаживать за лошадьми и знает, как это делается. В тёмные ночи, когда не видно ни зги, испугавшись посторонних звуков, конюх открывал дверцу своей маленькой юрты и зывал табун к себе, а умные животные, прискакав на зов хозяина, кольцом окружали его убежище. Рассказывают, что когда-то в аульном табуне

¹² Джайляу (каз.) – летнее пастбище в отгонном животноводстве.

¹³ Кумыс (каз.) – целебный напиток из кобыльего молока.

¹⁴ Байга (каз.) – конные соревнования со скачками.

¹⁵ Курт (каз.) – молочный продукт.

¹⁶ Батыр (каз.) – богатырь.

был белый жеребец, который чутко стоял на страже, оберегая покой лошадей и их хозяев. Как-то он, увидев, что загорелась юрта и искры от огня взлетали высоко в небо, начал с громким ржаньем метаться вокруг неё, как бы понимая, что пришла беда!.. Казалось, что пронзительное, тревожное ржанье коня достигло даже луны! А луна, будто бы не желая видеть ещё одно ужасное деяние из многих совершающихся на земле и слышать отчаянный голос страдающего животного, спряталась за гонимые ветром облака на ночном небе. После того как в один миг полностью сгорела юрта, жеребец перевернул копытом один из чёрных тлеющих углей, оставшихся на её месте, принюхался к нему, а потом... словно чего-то убоявшись, разрезая громким пугающим ржаньем ночную тишину, поскакал в сторону табуна.

Спустя некоторое время тот белый жеребец, сломав ноги, погиб...

Может, это означает, что ныне меняются времена из-за поведения людей, и наступает конец света?! Почему всё вокруг теряет свою изначальную ценность, и из нашей жизни и окружающего мира уходит благодать, изначально дарованная нам Творцом?! Считается, что разум не может истощиться, да только, видно, что и у него сегодня не осталось сил оставаться спутником человека. Может, этот мир уже готовы проглотить те, кто не может обуздать свою алчность, те, кто, если даже на их ненасытную глотку поставить все богатства, находящиеся на земле и под землёй, не могут почувствовать их тяжести?!

Все эти страхи овладели сознанием Ахмета, засидевшегося за сараем в размышлениях о бренности мира. Старик встал с завалинки и, семеня ногами, пошёл к дому. Но не успел он переступить порог, как услышал, что сноха яростно бранится на внука Адила. Тогда он, робея, что её гнев перекинется и на него самого, сгорбившись, остался стоять за порогом.

– Ах ты, сорванец, ты зачем потратил деньги на этого полуживого старика, зачем ты купил ему этот чайник, а?!

– Деду нужно... этот чайник ему нужен для омовения! Я купил его на свои деньги! Вы что, не видите, что дед пользуется бутылкой?!

– Какой же ты глупый, ну и что, этому старому дураку от этого плохо станет, что ли?! Каждый месяц в нашем ауле умирает по одному человеку, но почему смерть только лишь к нашему дряхлому старику не приходит?!

– Не говори так! Мой дед не умрёт... он не умрёт!

После жестоких слов матери, пронзивших детское сердце, Адиль разволновался и заплакал.

– Не умрёт... мой дед не умрёт! – всхлипывая, повторял Адиль, и это страстное желание, исходившее от чистого ангельского сознания ребёнка, до глубины души тронуло старого человека.

– О, мой Создатель! – взволнованно произнёс Ахмет, стараясь не расплакаться. – Благодарю тебя... благодарю тебя!.. Пусть я... пусть только я умру теперь! Ты... ты только будь жив-здоров, живи долго, мой жеребёнок! – растроганно и умиротворённо повторял он.

В глазах старика, уже стоявшего на самом краю жизни в этом жестоком мире, заблестели слёзы.

(Перевод с казахского).

Людмила БАРЛАМОВА

“Любовь, меня не обмани...”

Не прекращайте песню, я прошу!

Поэту Зинаиде Чумаковой

Не прекращайте песню, я прошу!
Песнь ваша для души моей услада.
Я каждый раз её услышать рада:
Пожар и боль я ею заглушу.

Не прекращайте песню, я прошу
Проникновенно, искренне и скромно.
Её не предадите вероломно.
Услышав вашу песнь, — не согрешу.

А дни бегут, сливаясь, словно ртуть,
Вы пишете, обдумывая темы.
Как в зеркалах — в поэзии ваш путь
Благословенен этими и теми.

Не прекращайте песню, я прошу!
Как благодать придут слова исконные
И снимут с сердца гири многотонные.
Все просьбы я молитвой завершу.

Не прекращайте песнь свою, прошу!

Не печалься

Не печалься при виде клина
Журавлиного этой осенью.
Это значит тебе, Алина,
Гроздь рябины та стая бросила.

Не печалься при виде инея,
Сказка зимняя — радость вновь в ней.
Твоей жизни прямая линия
Дарит счастье любви сыновней.

Не печалься в садах цветущих,
Ведь признайся, дела не плохи.
Мы во внуках живём растущих,
Тебя любят и ценят снохи.

Не печалься, моя родная,
На работе, в быту, ты — леди.
Точно знаю, и не одна я:
Уважают тебя соседи.

И тогда, когда вспышкой молний
Ночью окна твои озарятся,
Ты Творца благодарно вспомни.
Дай Бог каждому так состояться.

Осенняя грусть

Луна изогнута браслетом,
К утру — колечком обручальным.
Сегодня я прощаюсь с летом,
И станет этот день печальным.
Пусть будет этот день дождливый,
А ветер ледяной и резкий,
Но всё же буду я счастливой,
Услыша волн Кенгира всплески.
И тучи будут глыбы словно,
В садах замёрзнет повилика.
Знай, лето, грусть моя условна.
Тебя люблю, мой край великий.
С початка кукурузы локон
Свисает тоже, как колечко.
Пройду я мимо твоих окон
И сяду на твоё крылечко.
В закрытые я стукну двери,
Гром прогремит могучим лосем.
В тоску свою сама не верю,
Грущу, когда уходит осень.
Грущу, когда твоим нарядом
Трясут ветра, как опахалом.
Я лето провожаю взглядом
В наряде девственном и алом.
Жаль, тропы зарастут бурьяном
И ночи влагой тронут росы.
Рассветом пахнут и туманом
Твои серебряные косы.

Чернобыль

Рассветные тени с извечною жаждой
Приветствуют утро травиночкой каждой.
Отстроив надежды плотины и дамбы,
В стихах применяю хорей и ямбы.

И боль настоялась, и небо в алмазах,
А трепет — в молитвах, а просьбы — в намазах.
И падает дождь, как вселенские слёзы.
А я уйду в храм свой — под купол берёзы.

Она мне поведаёт в сказе былинном
О доме и крае моём лебедином,
О том, что Чернобыль и Припять — руины,
Что горе коснулось моей Украины,

Что колос — он зря пахнет мёдом янтарным,
 Что матери плач — диким криком гортанным.
 Свой птици прощальный исполнили танец,
 К плечу украинца — земляк-казахстанец.

И боль — сединою на волосы русы,
 С узбеком, чувашем — в строю белорусы.
 Не ждали они ни наград, ни оваций,
 Мы братством горды, не имеющим наций.

Афганистан

Афганистан — зияющая рана,
 Там в бой рвались солдаты-пацаны,
 Прошедшие дорогами Афгана,
 Отдали жизнь. Дороже нет цены.

Сад источает в мае запах винный,
 Плывёт над миром голубой рассвет.
 Но зори кровоточат: кто повинен
 В том, что сынов на свете больше нет?

О, флаг свободы, над землёю рей!
 Но кто обрэк на подвиг тех юнцов?
 Кто сосчитает слёзы матерей
 И кто измерит горе их отцов?

А пулемёты вновь в ночи стрекочут
 И с вражеской, и с вашей стороны,
 Они ещё вам нервы пощекочут.
 Вы — на защите дружеской страны.

О, сколько вас, подорванных на минах,
 Холера не щадила, гепатит.
 В горах вы воевали, на равнинах.
 Политиков, коль сможет, Бог простит.

А на войне забыты самоволки.
 В ней закалялись парни и крепчали.
 Солдаты в бой вгрызались, словно волки,
 И по любимым в паузах скучали.

Остановились в доме все часы

Остановились в доме все часы,
 Совпало это всё с твоим уходом.
 Закат я перепутала с восходом,
 Боль спряталась на самом дне души...

О, горечь, всю меня не иссуши!
 И суждено коль чувствам расколоться,
 Увижу свет я и на дне колодца!
 Разлука, мне в затылок не дыши!

Не обмани, любовь, меня...

Не обмани, любовь, меня,
 Когда я чувствую тревогу,
 Зову не жалость на подмогу —
 Все силы света, силы дня,
 Не обмани, любовь, меня.

Любовь, меня не обмани,
 Без искренней твоей поддержки
 Дни принесут одни издержки.
 Мне траур без тебя они.
 Любовь, меня не обмани...

Не обмани, любовь, меня,
 Когда, глядя в глаза друг другу,
 Я не боюсь её огня,
 А лжи предчувствую натугу.
 Она садится на коня
 И на дыбы встаёт ретиво,
 Ломает лук и рвёт тетиву,
 И плетью по лицу меня.

Не обмани меня, любовь,
 Ты отзовёшься гулким эхом,
 Злорадным не обидишь смехом,

Не потревожишь сладких снов,
 Не обмани меня, любовь!

Не обмани меня, любовь,
 Я буду для души основой,
 Твоим стихом и песней новой.
 На сердце не надень оков,
 Не обмани меня, любовь!

Не обмани меня, любовь,
 Не зарастай обманом липким,
 Чтоб наши не замолкли скрипки,
 Не говори фальшивых слов.
 Не обмани меня, любовь!

Не обмани, любовь, мой Бог,
 Когда вокруг неразбериха,
 И к звёздам грусть уходит тихо,
 Ложится облаком у ног.
 Не обмани, любовь, мой Бог!

Любовь и вера — не покинь,
 А ложь — она страшнее бритвы.
 Мне без любви, как без молитвы:
 Спаси и сохрани. Аминь.

Лебеди

Положила свою шею
 Лебедю на грудь.
 Я всегда была твоею,
 А теперь — забудь.

Нам слова любви шептали
 Тёплые ветра.
 Только крылья трепетали
 Заревом костра.

Мы свободе пели гимны,
 А весне — хвалу.
 Перелёт был очень длинный,
 Враг пустил стрелу.

Я изранилась о скалы,
 Слышишь крыльев хруст?

Смерти видела оскал я,
 Боль твою и грусть.

Ветры крылья белы рвали,
 Лёгкий бил озноб.
 Лебедь белая, жива ли,
 Видишь света сноп?

Это значит, утро будет
 Петь на все лады.
 Боль, лебёдушка, убудет
 От живой воды.

Ты в полёте жар остудишь
 В стае белых птиц.
 Ты была, ты есть, ты будешь
 Всех белей цариц.

Школа

Шаги затихли в коридорах школы,
Промчалось детство, словно сон лихой.
Дневной унёсся шум, стоит покой,
И тишина покачивает шторы.
Всё те же парты, стены и доска,
По ним – невосполнимая тоска.
И смотрят в окна только ночь и звёзды,
Всё помнят под окном карагачи,
Другие птицы вьют другие гнёзда,
Про осень сообщают нам грачи.
Здесь мыслями я и душою зрела,
Всё это в прошлом, но замкнулся круг,
Я упаду в цветущий тёплый луг,
Не чувствуя себя: души и тела.
А надо мной склоняются колосья,
Дрожащею рукой коснусь волос я.
Как дальше жить, спросить ли у людей?
Слух режет крик летящих лебедей.

А что на крышах делает рассвет?

А что на крышах делает рассвет?
Спадёт лениво, будто одеяло.
Приходит неохотно он и вяло,
Забрезжит лишь слегка – и ночи нет.

Всё до краёв багровым озарив
И клевера окрасив цветом красным,
Его приход был трепетным и властным.
И ветер был с травую говорлив.

Её качал, трепал, ерошил, гладил,
Он сам с собою не особо ладил.
И к ночи звёзды проявились чётко,
А дождь по лужам отбивал чечётку.

Хлопочет зима

Хлопочет зима, у калитки колдует.
К нам ветер ворвётся и свечи задует.
Морозы трещат, как в камине поленья,
И как на картине – природы творенья.

Снежинки в руке – раскалённое олово.
Хмельную остудит и выветрит голову.
Закат догорает, как угли кальяна,
Метель засыпает под звуки баяна.

А небо, что море, и чувства – глубинны.
Налей дорогого вина, мой любимый.
А серая вьюга полночи бесилась,
В наш дом, где любовь, как собака просилась.

Предчувствие зимы

Видишь, листья сгорели дотла?
Это значит, что осень пришла.
А берёзку забелит пурга
И закружат, засыпят снега.

Держит ветер секрет с камышом,
Что деревья стоят нагишом,
И полощут ветвями зарю.
К ним с рассветом тропу проторю.

Камышинка поёт, как зурна,
В закромах будет много зерна.
С листьев капли стекают, как ром,
Завтра станут литым серебром.

Утром лужи блестят, как фольга,
И трещат, как в морозы тайга.
Искры сыпаются в снег от зари,
Где взметаются ввысь снегири.

Туч тяжёлых летит эскадрон.
Так зима восседает на трон.

г. Жезказган.

Лидия РОЗИН

Îøàðàøóíã

Роман

(Продолжение. Начало в № 9 за 2012 год)

Настоящее продолжается... Суббота (вечером)

...Оставалось всё ещё три дня до отъезда

Я смотрела на небо и улыбалась. С высоты мне подмигнула планета Венера...

Не знаю, сколько времени прошло. В доме было темно, я стояла у окна и смотрела вдаль. День сегодняшний подходил к концу. В Алма-Ате вообще очень рано темнеет, из-за гор. Ночи летние на юге обычно замечательно темны и беззвёздны. Одна Венера — планета Любви маячит вдали: она держит в руках своих тончайшие ниточки света, идущие прямёхонько от сердец влюблённых, она разделяет их на пары и свивает в спирали, как бы покрепче друг с другом соединяя — на века. А может, совсем наоборот, все ниточки-то перепутает, да так, что никакой жизни не хватит, чтобы этот любовный клубок распутать. Но, как бы то ни было, я смотреть на Венеру люблю, нас с ней Царевна-Лебедь подружила.

Из этого состояния вывел меня стук в дверь... На крыльце стояла соседка. Она пришла по мою душу.

— Ужин на столе, все ждут только тебя, да поправь причёску, сюрприз у меня для тебя дожидается, — сказала Варвара. У неё было такое загадочно-лукавое выражение лица, что я даже не попыталась отказаться и, как загипнотизированная, поплелась в соседний двор. Опять, наверное, жениха мне нашла, чтобы вывезти его за кордон, — было моей первой мыслью, когда я увидела бородатого мужчину. У меня не было желания с кем-либо знакомиться; я уже было собралась на попятную, как вдруг этот незнакомец заграбастал меня своими огромными ручищами в объятия и с возгласом „Тинка-Картинка, моя половинка!“ потащил к столу. Бородач был не кто иной, как мой одноклассник Витя Федин. Это же сколько лет мы не виделись! Двадцать четыре года прошло с того времени, когда мы тут вот, у калитки, на тёткиВариной скамейке почти всю ночь процеловались. Витя тогда только что вернулся из армии, жить ему было негде. Витина мать была актрисой и моталась где-то по свету вместе с младшей дочерью. У неё было ещё двое взрослых детей, но они жили где-то в других городах. Мы с Виктором дружили с самого нашего приезда. Пока он служил, мы писали друг другу длинные письма. Вспоминали наше детство, общих друзей. Иногда приходили письма со стихами, и я на них тоже отвечала стихами. Ничего нет удивительного в том, что многие из наших одноклассников стихи сочиняют, — всё это нам привили в школе на уроках литературы сперва Прасковья Федотовна, потом — Клавдия Владимировна. В тот вечер, вернее, той далёкой майской ночью на этом месте Витя сделал мне предложение! А я? Я просто спросила: „Вить, а любовь где?“. „Любовь?! — удивился Витя, — она придёт“.

Потом он совсем растерялся, смутился страшно, а я воспользовалась его замешательством и улизнула к себе. Он было ринулся за мной, но его остановил наш огромный пёс Джульбарс. Больше мы с ним не виделись. Но после этой встречи у меня родились стихи. И всё. Мы были бессовестно молоды. Тогда нам было по двадцать одному (мы с ним умудрились родиться в один и тот же день — 8 августа 48-го). Выходить так скоропалительно замуж, даже за такого верного и надёжного друга, как Витя, вовсе не входило в мои планы. Зато он ещё в третьем классе решил жениться на мне. Тогда-то он и придумал поговорку „Тинка-Картинка — моя половинка“, но никому, кроме меня, про это не говорил. А то непременно задразнили бы женихом и невестой. Мальчишки из детства вообще считали меня „хорошим парнем“, и все со мной дружили. Никому и в голову не приходило в меня влюбиться, кроме Витьки, и то про это никто не догадывался. Тогда, в семидесятом, я всё ещё не могла опомниться от моей настоящей большой Любви к Олегу Карелину, которая четыре года назад вспыхнула, озарила меня и... погасла. *(Только единожды мы разговаривали с Олегом, и то в присутствии Дивы. Это было в апреле 66-го, потом я уехала на практику, а когда вернулась... Олега убили).*

Знал ли Витя про Олега? Не знаю, мы давно не виделись. Я закончила техникум связи и уже несколько лет строила телефонные станции. В Алма-Ате я бывала редко, и Витя совершенно случайно застал меня дома. На следующее утро я улетела в Москву на курсы повышения квалификации. Для успокоения совести я написала из Москвы длинное письмо со стихами и отправила Диве Беккер с просьбой разыскать Витин адрес и переслать ему. Как давно это было!

Конечно же, я обрадовалась, увидев Витю через двадцать четыре года. Мы, перебивая друг друга, спешили побольше разузнать. Удивлялись, как бывало и в детстве, что у нас синхронно выскакивали одни и те же слова и выражения. Мы весь вечер разговаривали, будто были здесь одни, компанию поддерживали, только когда произносился очередной тост и нужно было дружно выпить. Мы сидели на улице под тентом, натянутым ещё покойным мужем Варвары. Тётя Варя пыталась меня несколько раз затащить в дом, но я не могла оторваться от собеседника. Только когда другие гости начали расходиться, я заметила, что мы не одни, и сама подошла к Варваре, чтобы поблагодарить за сюрприз.

Тётя Варя провела меня в спальню, выдвинула нижний ящик комода и извлекла из него аккуратную картонную коробку. Она порылась в ней, достала конверт и протянула мне. В конверте было несколько странное письмо и половина фотографии, разрезанная наискосок. На фотографии под пальмой стояли женщина в шляпе и очках и мужчина; большая часть его фигуры была отрезана. Женщине было лет тридцать, и она была вылитая Дива Беккер. Вот так она и выглядела, когда мы с ней виделись в последний раз. Дата на фото стояла 5.01.1994.

В письме было написано: *Уважаемая Варвара Кузьминична, пишет Вам сестра Дивы Беккер Тамила. Вас в апреле посетит мужчина, который покажет Вам вторую половину фотографии. Прошу Вас, пожалуйста, только этому человеку, и никому другому, покажите место захоронения урны с останками моей незабвенной сестры Дивы. Он позаботится о памятнике. Спасибо Вам заранее и дай Бог Вам здоровья. Ваша Тамила К.*

— Ну что скажешь? — тётя Варя видела, что я находилась в растерянности. — Не правда ли, мадам очень похожа на нашу красавицу Диву?

— М-м... да, ты, тётя Варя, ещё про какие-то письма говорила, давай по черк сверим! — предложила я, однако соседка не спешила отдавать мне всю коробку. Тогда я попросила её разрешения показать фотографию Виктору, что мы и сделали. Витя, взглянув на фото, сказал, что, без всякого сомнения, это не кто иной, как Дива Беккер, — аферистка высшего класса. Это уж было слишком. Я выговорила Вите за то, что он память моей лучшей подруги оскверняет и что он испортил мне мой чуть ли не самый последний вечер. Мы готовы были рассориться, но сообразительная тётя Варя сбегала на улицу и принесла наши рюмки, наполненные самой чудодейственной примирительной жидкостью в мире — тётяВариной фирменной самогоночкой, настоящей на травах. Мы помирились и тут же поцеловались...

Потом на улице мы ещё посидели немного с Варвариной племянницей. Наталья рассказывала, как она скучает по семье, по своему дому с сауной, который выстроил для неё Эрих Кох, муж её любимый; как ей тут до чёртиков уже надоело, но всё равно она всех любит и хочет со всеми выпить и поцеловаться. Тётя Варя, заметив, что я собираюсь уходить, вынесла коробку, ту самую, и шепнула: „Бери, бери, тебе это больше пригодится, может, Бог даст, книжку когда написать вздумаешь, так тут многое собрано, о чём ты уже давным-давно забыла“.

Она обняла меня крепко и проводила до калитки. Войдя к себе во двор, я в темноте угодила в объятия Виктора, и мы, как будто само собой разумеется, вместе вошли в дом. Коробку я сунула в угол, где стояли в готовности номер один вещи, которые я брала с собой. Мы с Витей так и не заснули до утра — пытались вернуть друг другу то, что унесли с собой тогда, когда наше сближение не состоялось. А теперь мы оба были свободными, взрослыми и просто счастливыми... целую ночь, целую вечность...

Мы сидели на полу (мебель я уже всю, за исключением кушетки, раздала), пили крепкий чай и беседовали. Виктор заметил в углу гитару, взял её и стал осторожно перебирать струны. Потом тихо запел:

Напевают колёса
Снова песню разлук.
Почему ты не спросишь
Про меня у подруг?

Уезжаю опять я
Далеко и надолго.
Поступаю в объятия
Пресловутого долга.

Вновь желают вокзалы
Мне попутной тоски.
Память каждую малость
Зажимает в тиски...

Этого не может быть! Какое свинство! Я не могла больше выдержать и закричала: „Прекрати петь эту песню! Ну ты и фрукт, Витенька! Как ты можешь так бессовестно лгать! Убирайся вон отсюда!“.

— Не понял, — побледневший Виктор с силой стиснул мою руку, — будь добра, объясни, что это всё значит?

— Нет, это ты объясни, как моя песня попала к тебе, когда ты только что заливал мне, что никакого моего письма из Москвы не получал.

— Это ты написала?! Честно? Тинка, я идиот! Как я сам до этого не дошёл! Ну теперь всё ясно, слушай: эту песню прислала мне твоя лучшая подруженька Дива. Я же тогда, когда мы с тобой расстались, тут на скамейке так и заснул, потому что мне просто некуда идти было, а ты этого не знала. Тут меня Дива и обнаружила и провела к себе в беседку. У них там диван стоял. Она вынесла мне одеяло, и я там проспал до обеда. Мы с ней попили чай, и я попросил её позвать тебя. Она пришла от вас и сказала, что ты улетела в Москву. Я оставил Диве адрес моего сослуживца в городе, у которого временно, пока не нашёл работу, остановился. Она пообещала сообщить мне сразу же, как узнает что-либо о тебе. Где-то через две недели я зашёл к другу и обнаружил письмо. Письмо это сохранилось, я тебе его принесу, чтобы ты сама лишний раз убедилась, какая сучка твоя Дива. Она там, между прочим, сообщила мне, что ты познакомилась с одним выпускником Баумановского высшего технического и потеряла голову. Потом она ещё написала, что я заслуживаю большего счастья, чем Тинка, и что Тина никогда меня всерьёз не воспринимала. И что она, Дива, любит меня аж с пятого класса, и теперь, когда она наконец с этим придурком Соколовым развелась, ничто и никто уже не мешает нам воспользоваться нашим счастьем, которое по праву нам принадлежит и которого мы оба заслуживаем. И в доказательство своей искренности прилагает стихи, которые она дарит мне от всего сердца.

— Я это письмо почти наизусть вызубрил, потому что недавно сыграло оно в моей жизни большую роль — оно послужило главным аргументом жены при разводе. Галина, жена моя, нашла где-то это письмо, и... всё кувыркот пошло. Она ужасно ревнивая. Чего только она не насочиняла в мой адрес...

— Так ведь письмо-то написано за пять лет до твоей женитьбы.

— А дело в том, что Дива письмо не по почте отправила, а принесла ко мне по адресу, но, не застав никого дома, сунула в почтовый ящик. Ну и стерва, чтоб ей...

— Перестань, об ушедших плохо не говорят!

— А я и не верю, что она погибла. Знаешь, я же тогда, в 80-м, когда этот самолёт разбился, авиатехником в аэропорту работал и был в то утро там. Я только заступил на дежурство, и, можно сказать, всё это произошло на моих глазах. Говорили, что на этом рейсе не было двух пассажиров: мужчины и женщины. Мужчину сняли за то, что он был пьяный и буянил при посадке, а у женщины, когда она стояла у трапа, что-то случилось, и она бегом помчалась к служебному выходу в туалет, но так и не вернулась назад. Зато в самолёт перед самым взлётом попали два „счастливчика“ кавказца, первые в очереди. Про женщину потом говорили, что её нечаянно заперла в туалете уборщица, а когда освободили её, всё было уже позади: самолёт рейсом на Симферополь взлетел и... в воздухе, прямо над городом, взорвался...

После всего услышанного я почувствовала страшную усталость, мне требовался отдых. Виктор тоже вспомнил о своих воскресных обязанностях — воспитании сына и племянника, — он распрощался со мной до вечера и, забрав у Варвары свой велосипед, умчался.

Настоящее: последнее воскресенье

До отъезда два дня

Я закрыла ставни, чтобы свет не проникал в комнату, и... уснула. Было уже далеко за полдень, когда я проснулась. На улице было жарко, и я с удовольствием приняла душ. У нас в саду, как и в каждом дворе, стоит душевая кабина с железной бочкой на крыше. Вода в бочке нагревается от солнца. Стоя под душем, я вдруг подумала, что если не уеду через пару дней, то сойду с ума или сопьюсь... Ведь я за всю жизнь, пожалуй, не выпила столько спиртного, как за последние две недели. И никогда ещё я столько не думала, как сейчас, не вспоминала, не пыталась найти ответы на главные вопросы жизни: *кто я?* и *для чего я живу?* Да ведь я уже лет двадцать никому, и в первую очередь себе, не задаю этих вопросов. А ведь и этих последних двадцати лет тоже уже нет в моей жизни, — всё уже прошлое. Два дня буду ещё в этом *прошлом*, а потом — будущее! Будь что будет! Я уезжаю отсюда, где всё, что было мне дорого: семья, муж, работа, подруги — только мираж. Прошлая ночь — тоже уже прошла, и с Виктором у нас не будет будущего, потому что он нужен здесь.

Дива?.. Её воскрешение из мёртвых было ещё не доказано, но если бы она появилась, я бы ей, честное слово, обрадовалась, ведь она была единственным человеком, кому я могла рассказать о самом сокровенном, с кем было всегда весело и интересно. Она была такая выдумщица! Но почему она использовала мои письма и стихи как свои? Я достала коробку, ту самую, что тётя Варя мне ночью сунула, и открыла. В коробке лежала стопка писем, перевязанная ленточкой, и множество тетрадных листков в клеточку, исписанных аккуратным почерком.

Ба!.. Да это же мои стихи! Почерк в детстве у меня был красивый, нечего сказать, а стихи... так себе, детские, наивные. Потом как-нибудь на досуге читаю.

Внимание моё привлекли тугие конверты с письмами. Они были пронумерованы. Открыла первое. Читаю:

„Дорогой Олег, извините меня за мою смелость. Мне, право, нелегко даётся это письмо, но наш вчерашний разговор с Вами у клуба позволяет мне совершить такой безумный поступок.

Меня зовут Дива Беккер, мы с подружкой Тиной стояли одни в сторонке от толпы и тихо разговаривали, а Вы беседовали с друзьями напротив, но вдруг Вы прервали беседу и пошли в нашу сторону, подошли к нам и заговорили... Пока Вы шли к нам, эти несколько шагов, я... я... думала, что я умру, потому что у меня странно заколотилось сердце. Меня будто молнией пронзило. Потом на меня обрушилось нечто сверхъестественное — чувство, доселе мне совершенно не знакомое. Меня будто озарило, и я поняла всей своей сутью, каждой клеткой моего «Я», что это Любовь.

Я люблю Вас, Олег!

Вы слышите: я Вас люблю!

Олег! Я люблю Вас!

Всё! Можете смеяться! Но мы живём в другом веке, Вы не Онегин, а я не Татьяна, и если, всё-таки, "...в вашей воле меня презреньем наказать", то... что ж, наказывайте, я не боюсь, ибо моя Любовь приподнимает меня и делает неуязвимой. До свидания.

Ваша Дива".

18.4.66.

Вот это да! Бесподобно! Действительно, всё точь-в-точь так тогда и было, но не с ней, а со мной. И это меня в тот вечер впервые, словно молнией, Любовью опалило. Я всё это рассказала подруге по дороге домой из клуба.

Ай да Дива! Моими словами! Каково?! Слово в слово! Невероятно! Ай да Дива! Но Дива! Уму непостижимо. Какая восхитительная стерва, однако!

В те времена я начала серьёзно писать стихи, и кому, как не Диве, моей лучшей подруге, первой давала читать. Дива обычно просила оставить ей стихи до утра. «Стихи надо с чувством читать и в тишине, тогда они сокровеннее звучат и глубже проникают в душу», — говорила мне она.

Я громко рассмеялась. Нет-нет, это была не истерика, мне было в самом деле смешно. Я вспомнила, как ещё в детстве, когда мы с ней разыгрывали театр, Диве всегда доставались главные роли, а мне что осталось. Дива говорила, что она в жизни актриса, а я — зритель. И это было правдой. Я и до сих пор всё ещё зритель, актёр из меня никудышный, в какой бы роли я ни пыталась дебютировать. Ничего из меня не получилось.

Так что выезд за границу — это, пожалуй, единственный выход. Правда, в сорок пять начинать всё с нуля будет нелегко. Но ведь и тут у меня ничего — круглый ноль. Так что... выдержать, главное, день сегодняшний, потом ещё два долгих дня и... в среду утром рано-рано рейсом Алма-Ата — Ганновер — в будущее!

Слышу: у ворот автомобиль затормозил и кто-то стучит. Пока я рассуждаю, кто это может быть, с обратной стороны дома, через Варварину калитку, появляется улыбающийся Виктор.

— Собирайся, поехали! Тебе нельзя уезжать, не побывав там, — загадочно говорит он, — поторапливайся, — это мой подарок тебе на память. Ничего не спрашивай. Сама всё поймёшь.

Мы едем по проспекту Аль-Фараби вниз, в город, и я уже начинаю переживать, не вздумал ли он меня вести в ресторан или, ещё чего чище, — в знаменитую баню в центре города. Но автомобиль сворачивает направо, мы огибаем наш посёлок и поднимаемся на крутую гору под названием Звонок. На этой горе когда-то стояла вышка с гудком, который ревел каждое утро в начале рабочего дня и каждый вечер — после его окончания. Сирена давно уже не завывает, а гора своё название так и сохранила. Мы едем в горы, в тот горный посёлок, к тому самому месту, где я очутилась таким же тёплым июльским днём 1956 года.

Господи, красиво-то как! Правда, что-то изменилось. Но я узнаю это место. В горы ведёт отличное шоссе. А раньше здесь дорога была ужасная. Проезжаем Чёртов лог, слева крутая тропинка ведёт на Плато, там был сад. Мы едем ещё немного вверх, и я прошу Виктора остановить машину. Мы находимся на горе Джексагулке. Перед нами внизу лежит посёлок, а над посёлком до самого неба — горы, горы, горы. Прямо перед нами молодые (зелёные) горы. Они разделяются ущельем и расходятся в разные стороны, но за зелёными горами другие, более далёкие и высокие горы тёмно-синей грядой поднимаются вверх, до самого неба. Острые пики вершин, вечным льдом покрытые, протыкают облака и играют лучами заката. Линия горизонта здесь не на линию вовсе, а на кардиограмму Земли при инфаркте похожа.

— Кстати, Витя, тогда, давно — сразу после того, как ты сделал мне предложение и на двадцать четыре года у меня из виду пропал, я посвятила тебе много стихов. Одно вспомнилось. Слушай.

Мы повстречались через много лет,
Сбежавшие из детства непоседы.
Ведём с тобой обычную беседу.
Мы — взрослые. Чудес на свете нет...

— начала я читать, но Виктор тут же подключился, и дальше мы читали уже на два голоса:

О чём молчать? О чём нам говорить?

— Ты в жизни понял что-нибудь?

— А ты?

Дверь в детство хорошо бы отворить,

Туда, где наши горы и сады.

Туда, где первой нежности рассвет,

Туда, где очень искренние слёзы,

Где спрятан вечной красоты секрет,

Где часто спорят радуги и грозы.

Сияет этот мир издалека

И манит, и зовёт увидеть снова:

Ручей замолк, устали облака

И детской ручкой небо намалёвано.

Мы оба замолкаем и жадно смотрим на живописное небо. Наверное, он так же, как и я, вспоминает.

До школы было где-то 3–4 км, и утром вниз мы шли обычно быстро, а после занятий домой мы добирались не меньше, чем за два часа, а то и более. Вот так, каждый день, замирали мы тут, на Джексагулке, и долго любовались видом и лишь потом только шли домой.

— А ты говоришь, чудес на свете нет, — после долгой паузы промолвил Виктор, — а чудо — вот оно. Да здравствует чудо!

— Не чудо, а диво, Дива то есть. Да здравствует Дива Беккер, это она всё так гениально обыграла! — восклицаю я, но Витя меня не поддерживает. Он ещё некоторое время любуется закатом, потом жестом приглашает в машину.

— Мы ещё не у цели. Я обещал тебе подарок, он ждёт нас, поехали.

Хорошо что город пока сюда ещё не добрался, и это ущелье сохранило своё лицо. Ушкановский сад окружают стройные тополя. Слева от дороги другой сад, название которого не могу вспомнить. Там ещё речка горная протекает, а тут у подножья Джексагулки родник был с очень чистой и вкусной водой. Мы из посёлка сюда по воду с ведрами ходили.

Вправо и влево от дороги расходились раньше невысокие горы-холмы — такие совсем молодые горы, своего рода горы-бэби, которые весной были красного цвета от тюльпанов и маков. Но сейчас этих холмов не видно — всё сплошной сад. Виктор напомнил мне, что мы ещё тогда, в наши школьные годы, сами вот эти сады и закладывали. Верно, но кто мог подумать, что из тех чахоточных саженцев такой роскошный сад вырастет. Мы едем дальше. Подъезжаем к посёлку. Всё здесь по-другому. Много добротных особняков и вилл выстроено, однако бараки, в которых мы жили, ещё стоят, родненькие. Виктор показывает мне на барак, в котором он жил с матерью и сестрой, потом мы проезжаем тот, в котором жила я. У нас тогда на одиннадцать членов семьи была одна комната и смежная с ней большая кухня. И ничего, выжили же, не померли. Во дворе папа выстроил летнюю кухню с настоящей русской печью, и летом в этой времянке жили наши мальчишки. Мы здесь прожили пять лет, а потом переехали вниз, на Базу, в Вишнёвую. Виктор уехал отсюда даже раньше нас, но он каждый вечер приезжал к нам на велосипеде летом, а зимой — на лыжах.

Автомобиль выезжает из посёлка и сворачивает на просёлочную дорогу. Мы огибаем сад, окружённый стеной пирамидальных тополей, которые, словно верные оловянные солдатики, охраняют его.

Виктор останавливает машину и тянет меня на пригорок, где стоят два огромных тополя: один раскидистый — тополиха, другой — стройный красавец пирамидальный.

— Помнишь? — Виктор смотрит на меня и ждёт ответа. Я молчу, потому что не знаю, что ему ответить. Деревьев этих, кажется, тут тогда не было. В Ушкановском саду мы частенько играли вместе с ним и с другими детьми...

— Тинка, ну вспомни, это же наши деревья, это же ты сама уговорила меня воткнуть в землю тополиные прутики. Ты сказала, что из них вырастут деревья, а я не верил, но послушал тебя. Мы потом всегда бегали сюда смотреть, и когда прутики принялись и появились первые листочки, мы радовались, как сумасшедшие, и дали прутикам имена.

— Витя и Тина! — в один голос выпалили мы и рассмеялись. Я вспомнила! Конечно! Но предположить, что из тонюсеньких прутиков такие махины вырастут, я не могла. Тополиной чете этой сейчас должно быть лет по тридцать пять. Витька вспомнил, что посадили мы в землю эти самые прутики в день нашего рождения. Нам тогда по одиннадцать лет стукнуло, стало быть, через месяц им аккурат по тридцать пять стукнет. Виктор сказал, что в этот день он придет сюда и выпьет с тополями-именинниками за именинницу, которая будет невесть где и невесть с кем день рождения отмечать.

Мы любовались нашим произведением и радовались, как дети. Как тогда, когда полезли первые клейкие коричневые листочки...

— А помнишь, Тина, первый день нашего знакомства, наш с тобой день рождения? Я Диву с тех пор терпеть не могу. Я ей того Лукоморья никогда простить не мог.

— А я её простила, она ведь не понимала, что делала. Вить, а ведь я тогда на самом деле в Лукоморье побывала, но как назад вернулась — до сих пор для меня загадка. Ах, давай вспоминать о чём-нибудь более радостном.

Потом мы до глубокой ночи гуляли по саду и вспоминали, вспоминали, вспоминали... А в перерывах между очередным „а помнишь?“ мы возвращались назад из детства и долго целовались.

Домой мы приехали часа в два — был уже понедельник. Утром Виктор уехал на работу... Я проводила его до машины и помахала вслед. Словно никогда не существовало между нами этой пропасти шириной в четверть века. Как будто так было всегда и всегда так будет. Будто не появился он только позавчера из ниоткуда и послезавтра не канет в никуда... И я, конечно же, увезу с собой в сердце эти два дня простого бабьего счастья, что выпали мне на дорожку. Спасибо тебе, Витёк, за то, что ты скрасил последние дни моего прозябания в этом мире. И теперь я уезжаю с лёгким сердцем, потому что, несмотря на потери и лишения, на разочарования, преследовавшие меня в последнее время, в мире этом было столько всего замечательного.

Спасибо тебе, друг мой сердечный, за то, что увёз меня в горы, что приподнял пласт времени и протянул мне живую нить: связь времён через деревья.

Я стояла и улыбалась, как блаженная: из глубины памяти моей, пробивая сознание, уже настойчиво стучал и просился наружу звонкий родничок.

Взгляд в прошлое: переезд из страны первого детства (таёжного) в горы

Из глубины памяти моей, пробивая сознание, уже настойчиво стучал и просился наружу звонкий родничок.

Июль 1956-го. Прощай, Сибирь! Мы уезжаем. Многие семьи ещё весной покинули деревню, но им было проще — у них не было столько детей. Решение

уехать куда-нибудь, где тепло, созрело у наших родителей сразу же после снятия комендатуры. Надо было только подыскать хотя бы приблизительное пристанище, где бы местные власти согласились принять такую ораву. В начале мая мы, как обычно, посадили картошку, на всякий случай. Но сборы шли уже. Папа сколотил из досок несколько больших сундуков и много разных размеров маленьких чемоданчиков — для каждого ребёнка. Чемоданчики эти были зелёного цвета и служили не только хранилищем вещей, но и выполняли роль походной мебели. И ещё у нас была одна очень-очень важная поклажа — это мамина старая ручная швейная машинка „Зингер“. Мама сама обшивала всю семью, она очень дорожила машинкой и называла её „наша кормилица“. Во время войны старенькая „Зингер“ спасла семью от голода. Мама шила людям, и за это ей приносили продукты.

Уехали мы из Листвянки в начале июля. В нашем огороде всюду цвели горох, тыква и огурцы, начинала цвести картошка. Маме было очень жаль всё бросать, но отец полагал, что переезжать нужно именно сейчас, чтобы до начала занятий в школе обустроиться на новом месте.

Путь на юг был долгим: сперва мы ехали поездом с пересадками, ночевали на каких-то вокзалах, потом ехали на полutorке в горы. Мама часто плакала. В дороге она очень нервничала и по сто раз на день пересчитывала детей и чемоданы. Вокруг нас всё время вертелись какие-то подозрительные личности, и мама находилась в постоянном страхе. Но мы все в целости и сохранности благополучно добрались до последнего вокзала — станции Алма-Ата-2, а оттуда в горный посёлок, где папе предложили работать кузнецом.

Жилья готового в посёлке не было, и нас временно разместили в зимнем телятнике. Телят на лето уводили в горы в летний лагерь, и телятник до осени пустовал. А к осени должен был быть готовым новый барак, в котором нам и пообещали квартиру. Телятник был после ремонта. Жители посёлка вообще-то мечтали, что это здание отдадут им под давно обещанный клуб, но тут появилась наша огромная семья.

Посёлок был небольшим и назывался подхоз КГБ (подсобное хозяйство КГБ). Здесь размещалась молочно-товарная ферма и было большое садоводческое хозяйство. Всего в посёлке было несколько бараков, где жили такие же, как и мы, люди на вольном поселении, но под зорким оком КГБ. На горе за речкой находился другой посёлок — подхоз МВД. Это село было гораздо больше нашего, помимо бараков там строили и нормальные дома. Подхоз МВД был культурным центром: там имелись клуб и баня. В школу дети из этих двух посёлков, а также и из других близлежащих, ходили на Базу, в центральное отделение подхоза.

День первый второго детства (горного)

Первый день моего пребывания в горном посёлке принёс мне много радости. Во-первых, я прошмыгнула в сад и от пуза наелась черешни и ранних яблок. Потом я пошла гулять по саду вдоль речушки. Я нашла милую полянку с приятным видом на горы, присела на тёплый камень у речки и замечталась.

— Ты кто? Откуда взялась? И чего это ты тут расселась на моём камне? — услышала я голосок и повернула голову. Надо мной стояла красивая, как ангелочек, девочка в розовом платице и с розовым бантом на голове. Волосы девочки были белые, глазки синие, длинные ресницы и несколько веснушек на носу.

— А ты сама-то кто? И почему этот камень твой? Ты что, его купила? — спросила я и добавила: — Вообще-то, я думала, что тут всё общее, наше, советское: горы, деревья, речка, камни. Камни только на кладбище принадлежат людям, потому что на них имена написаны, а тут не кладбище и никакого имени не написано, так что я сижу, где хочу, потому что я свободный человек, вот.

— А ты не кукукнутая? Несёшь всякую чушь. Грамотная ты больно, как я погляжу. Я здесь живу, вон в саду наш дом, мой папка работает тут сторожем. Я ему сейчас расскажу про тебя, и он тебя мигом арестует, будешь знать.

— А я поначалу подумала, что ты ангел, а ты злока. Ну и иди рассказывай, только ничего не выйдет — я бегаю очень быстро. Убегу.

— Быстро бегаешь? Ну давай вон до того тополя наперегонки! Спорим, не обгонишь!

Мы побежали во весь дух. Тропинка была узкой, и по обе стороны вниз уходили густые заросли шиповника: слева был обрыв к речке, а справа шёл неглубокий ров. Надо было кому-то уступить дорогу, но мы обе так хотели быть первыми, что не заметили, как на скорости столкнулись — и разлетелись в разные стороны, и повисли на колючих кустарниках. Было очень больно, но мы не подали виду и обе рассмеялись. Сами мы оттуда выбраться не могли, осталось ждать помощи. А чтобы время даром не терять, мы продолжили начатый диалог.

— Тебе не больно? — спросила я.

— Ни капельки! Мне тут нравится. А я знаю, кто ты. Вы вчера приехали и живёте в телятнике. У вас там целая куча белобрых пацанов, ты на них ну совсем не похожа. Это что, все твои братья?

— Нет, ещё не все, мой самый старший брат в армии служит. И вовсе не в телятнике мы живём. Начальник сказал, что там будет клуб.

— Врёт. Начальники всегда врут. А тебя как звать-то?

— Тина. А полностью Альбертина. Мы приехали из Сибири.

— Тина звучит как-то по-болотному. Может, ты Царевна-Лягушка? А меня зовут Дива Беккер. Все говорят, что у меня очень редкое и красивое имя.

— Я такого имени ещё никогда не встречала. Даже в книжках. В сказках бывают волшебники такие — Дивы. Может, ты какая-нибудь фея? Тогда наколдуй, пожалуйста, чтобы нас отсюда вытащили. Мне, конечно, тут тоже нравится висеть, но я маме не сказала, где меня искать. Они меня всегда теряют.

— Ну я не знаю. Попробовать, что ли? — Дива скороговоркой стала произносить какое-то заклинание. Оказалось, что она читает молитву „Отче наш“ по-немецки. Она едва успела закончить, как мы услышали голоса: по тропинке шли мой отец и ещё один седой мужчина, который оказался отцом Дивы. Нас сняли с кустов и повели к Беккерам, домик которых стоял тут же недалеко, в саду.

Мама Дивы раздела нас и старательно обработала зелёнкой. Тут только мы позволили себе чуть поохать, потому что зелёнка сильно жгла. У Дивы была ещё сестра Тамила. Они были погодками. Тамила была такая же глазастая и красивая девочка, только волосы у неё были не белыми, как у Дивы, а золотистыми. Тамила не умела ходить и сидела в самодельной коляске. Хозяйка дома была молодая и красивая, я ещё никогда не встречала таких молодых мам — она была лет на двадцать моложе мужа. Ещё у Дивы была в гостях бабушка, Ираида Ильинична, которая приехала из города, чтобы увезти маленькую Тамилу в какой-то специальный санаторий. Бабушка выглядела гораздо моложе зятя, но она упорно называла его „сынком“, а он её „уважаемая мамаша“.

Оказывается, наши отцы были знакомы ещё с тех времён, когда были молоды и жили на Украине. Вот как интересно. Отцы договорились, что они завтра встретятся, — им надо обязательно поговорить. Дивин папа показался мне очень старым, а мама с бабушкой необыкновенно молодыми. Моя мама выглядела старше Дивиной бабушки.

Когда мы с отцом шли домой, он спросил, нравится ли мне здесь, не хочу ли я назад, в Листвянку. Я сказала, что мне здесь очень нравится, только жить бы в нормальном доме, а не в телятнике. Папа пообещал, что когда-нибудь у нас

тоже будет настоящий дом, надо только чуть-чуть потерпеть. Он сказал мне, что договорился, спасибо Алоизу, на днях купить у уезжающих из соседнего села чеченцев корову и огород — так что теперь проживём.

И чего тут не жить? Столько всего вкусного растёт в садах. И красота-то какая! Ни в сказке сказать, ни пером описать. Но я когда-нибудь вырасту и напишу про всё это и про нас.

Каждый день, благодаря Диве, узнаю новых друзей. Я уже познакомилась со многими будущими одноклассниками. Смешные какие-то, мальчишки особенно. Про школу и думать не хотят. Лупостями всякими занимаются: курят, матерятся и в ляngu играют. Сказки и стихи не любят, говорят, что это занятие не для мужчин. Девчонки тоже странные. Одни всё ещё в куклы играют: носятся с самодельными, из тряпок сшитыми уродцами с нарисованными химическим карандашом глазами, и радуются. Другие, как Светка, разыгрывает собственный театр, в котором она играет роль принцессы, а принца каждый раз выбирает нового. В конце спектакля обычно разыгрывается сцена свадьбы, где принц обязан целовать принцессу. Мальчишки толпой ходили за Светкой и чего только не вытворяли, чтобы стать избранным принцем. Они состязались в прыжках через речку, в ходьбе на руках и кто больше очков в ляngu наберёт.

Светкины спектакли вскоре прекратились, потому что в посёлке появился настоящий принц — Колька Макаров. Этот мальчик был нашим ровесником, но он был выдающейся личностью. Он был замечательным балагуром, умел играть на гармошке, петь, танцевать, разыгрывать всякие роли, подражать любому голосу, свистеть — ах, чего он только не умел. Это был бродячий цирк или театр одного актёра. У него была сумасшедшая мать — тётя Таня, которая ничего не умела делать. У них не было никаких документов, их никуда не принимали на работу. Когда-то она работала воздушной гимнасткой в цирке и однажды упала с вышки и повредила рассудком. Теперь они с сыном шлялись по свету и жили на то, что люди подадут. Смышлёный мальчик уговорил местное начальство принять их на лето на работу по сбору ягод и яблок. Так они попали сюда и получили даже крышу над головой — угловую комнату в длинном бараке.

Вот с какими интересными людьми я познакомилась по приезде сюда. Несколько семей уже при нас уехали отсюда на Кавказ. Это чеченцы. На их место приезжали другие, например, немцы из Сибири.

Детство второе. День рождения

Мальчик Витя. Лукоморье

В начале августа появилась ещё одна семья: очень яркая, красивая женщина с двумя детьми. Бывшая актриса. Мальчика звали Витей, а девочку Галей. С Витей мы познакомились 8 августа, когда я по дороге в сад, к дому, где жила Дива, встретила новенького очень нарядно одетым.

— А ты чего так вырядился? — спросила я, — именинник, что ли?

— Ага, — тихо сказал Витя, — мне сегодня восемь.

— Вот здорово, — обрадовалась я, — у меня тоже сегодня день рождения, и мне тоже — восемь. Хочешь пойти со мной к Диве, она в саду живёт? Она — Фея. Правда, пока ещё маленькая, как мы, но колдовать умеет по-правдашнему.

Витя рад был познакомиться с Феей, и мы пошли вместе. Мы так заговорились, что прошли нужный поворот, и теперь пришлось возвращаться. Казалось, что мы не только что познакомились, а знаем друг друга уже вечность. У нас были одинаковые мысли, одни и те же любимые книжки. Витя, как и я, очень любил сказки Пушкина, и мы, перебивая друг друга, читали отрывки вслух. До Дивы мы добрались к обеду. Она нам как-то не особенно обрадовалась, но узнав, что у нас обоих сегодня день рождения, повеселела.

„Надо придумать что-нибудь такое, — сказала Дива, — чтобы день этот запомнился на всю жизнь“. Глаза её при этом странно так заблестели, что я заподозрила, что она и вправду колдунья.

— Закройте глаза и загадайте желание. Так куда вы желаете попасть, именинники? — магическим голосом спросила Фея-Дива.

— В Лукоморье! — в один голос воскликнули мы с Витей и рассмеялись.

— У дураков мысли сходятся, — ехидно заметила Дива, потом добавила, — будет вам Лукоморье. Пошли за мной!

Мы подошли к Дивиному дому с обратной стороны. Там рос огромный старый дуб, которому было уже лет сто. Около дома стоял высокий столб для электропроводки. Один провод вёл на крышу, а другой был оборван и свисал со столба вниз, почти до самой земли.

У Лукоморья дуб зелёный,

Златая цепь на дубе том...

— Кто первый? — спросила нас Фея.

Мы, не задумываясь и не имея ни малейшего представления, что же с нами в следующую минуту произойдёт, воскликнули одновременно: „Я! Я!“.

Витя оказался хорошо воспитанным мальчиком: он сказал, что мужчины должны уступать, и сделал красивый театральный жест в мою сторону: „Прошу вас, мадам!“.

«Наверное, у мамы своей в театре всему этому научился», — подумала я.

— Чтобы ваше желание исполнилось, надо сделать следующее, — таинственным голосом прошептала Дива, — взять в руку сухой листик дуба и просто взяться за провод, но я готова спорить, что ты этого не сможешь сделать. — Дива испытующе смотрела на меня.

— А ты сама-то сможешь? — спросила я.

Дива без лишних слов нагнулась, нашла нужный ей листик и, зажав его в руке, подошла к столбу и слегка коснулась провода. И тут же разжала руку. У Дивы на ногах были надеты кожаные туфельки, а я была босиком.

Я, долго не раздумывая, смело подошла и схватилась голой рукой за провод...

Что произошло тогда, я по сегодняшний день не забыла, но не в состоянии была объяснить кому-то, что это было — я просто не находила нужных слов. Для меня всегда оставалось загадкой, почему я тогда осталась в живых. Я взялась голой ручкой за фазу (что это была фаза, говорил монтер, который производил ремонт электропроводки), и я была босиком.

Почему не заклинило мне руку, как обычно в таких случаях бывает, непонятно. По законам электротехники меня должно было убить током. Потом, позже, когда я училась в техникуме связи, на лекциях по электротехнике я задавала этот вопрос нашему преподавателю Ивану Ивановичу. Правда, я сказала, что это произошло с моей подругой в детстве. Иван Иванович очень основательно разобрал этот случай, привёл множество формул и теоретически доказал, что в этом случае неизбежен летальный исход. Но так как я настаивала на том, что потерпевшая жива и здорова по сей день, он сделал хитрые глаза и сказал: „Ну в таком случае, милейшая, признайтесь, что подружка ваша из детства не девочкой была, а птицей“.

А тогда, в тот злополучный день моего восьмилетия, всё было примерно так. Сперва я почувствовала страшный удар. Невыносимая боль прошибла всё моё тело. Потом я услышала крик. Меня куда-то уносило. Потом боль стала отпускать и сделалось жутко темно и страшно. А потом... я увидела свет. Тёплый,

добрый, ласковый такой свет, он окружил меня, пронизывая насквозь. Я чувствовала, что нахожусь в сказке. Всё было так прекрасно. И тут я увидела Царевну-Лебедь — Венеру. Она была словно соткана из света. Я узнала её по глазам. Венера сказала мне ласковым голосом: „Ты заблудилась, доченька, ступай назад, ещё не время. Не забудь, что я тебе говорила: ищи Истину и не держи в сердце обиды на людей. Возвращайся с Богом!“.

Когда я открыла глаза, то поняла, что лежу на земле и надо мной склонились какие-то лица. Потом я увидела Витю. Он плакал. Дива сидела на корточках около меня и что-то шептала. Она читала молитву. Я ничего не помнила. Неужели я тут, перед всеми, в таком виде заснула? Мне стало стыдно лежать, и я вскочила на ноги. У меня как-то странно всё дребезжало внутри. Меня кто-то поддержал, чтобы я не упала, и завели в дом. Бабушка Ираида стала угощать нас вкусными пирогами с вишнями, но мне совсем не хотелось есть... Из разговора взрослых за столом до меня дошло, что меня чуть не убило током. Они говорили, что монёра за такое безобразие надо под суд отдать, но я ничего не понимала...

Пора было уходить домой, и я всех по очереди стала умолять не говорить никому об этом происшествии, потому что это станет обязательно известно моей маме. Я сказала им, что у мамы большое сердце и что она, если узнает, не выдержит и умрёт. Они пообещали, что никому не скажут, только монёру что-то куда-то вставят, чтоб знал. Мы шли домой, вначале молча, потом Витя сказал, что этот день рождения он уж точно никогда не забудет.

Я — тоже.

Детство второе. Примирение. Тайны, откровения

После этого случая я несколько дней не показывалась на улице. Читала книжку про Гулливера, что принёс Витя. На мамины вопросы, не случилось ли чего со мной и с чего это я вдруг такая серьёзная стала, я напомнила, что мне как-никак уже восемь исполнилось. Так что пора уже взрослой-то становиться. Сколько можно дитём-то быть? На что мама мне сказала: „Деточка моя, пока у тебя мама есть, столько ты и дитём будешь. Оставайся ребёнком. Не спеши стать взрослой. У детей должно быть детство. Моей сестре Эмме столько же, как тебе, было, а мне одиннадцать, когда наша мама умерла. Это очень тяжело. Когда-нибудь я расскажу тебе, что мы тогда перенесли. Не дай Бог никому такого детства. Иди, доченька, поиграй с детьми, вон целая компания собралась — с утра тебя дожидается“.

Действительно, на полянке собралось много малышей, дошкольников, — я им ещё обещала рассказать сказку. Вначале я рассказывала сказки только моей младшей сестрёнке и её друзьям, но потом к ним примкнули другие. Пришлось пойти к малышам. Я им рассказала про путешествие Гулливера в страну лилипутов. Малышам понравилась сказка, они стали уговаривать меня почитать ещё что-нибудь. Но у меня уже не было сил. Пообещала, что завтра почитаю им „Сказку о царе Салтане“. Мне хотелось побыстрее от них освободиться и уйти куда-нибудь, чтобы побыть одной.

Я обогнула Ушкановский сад, нашла себе неприметную с дороги красивую полянку, окружённую зарослями боярышника, и устроилась там довольно уютно. Я натаскала туда мягкой травы, что кругом растёт по пояс высотой. Руки у меня зелёными от сочной травы сделались и пахли вкусно. Когда всё было готово, села, обняла колени и стала смотреть на небо. Мысли мои опять вокруг дня рождения завертелись.

Так что это было: сон или действительность? Я достала из кармашка серёжку и начала пристально её разглядывать. Голубовато-зелёный глазок в середине треугольничка радостно так засиял, будто подмигнул мне. Я-то понимала, что камушек неживой, это просто лучик солнца клюнул его нечаянно, а он и отозвался. А получилось, как будто он мне подмигнул. Мне стало весело. Я вертела в руке серёжку, и глазочек мне подмигивал. Наверное, я слишком заигралась и начала сама с собой разговаривать, что не заметила, как в моё убежище проник гость. Вернее, гостья.

Передо мной стояла Дива собственной персоной. На ней были голубое платице и белая панамка с голубым бантиком. Она кинулась ко мне и затараторила: „Тиночка, миленькая, прости меня, дуру окаянную, мне же говорили взрослые, чтобы я не смела к столбу подходить, что это опасно, но я уже несколько раз сухим листиком пробовала, неприятно щиплет, но терпеть можно. Я же не думала, что ты и вправду вцепишься в этот провод. Тебя же убить могло. Ой, что было бы! Меня бы уж точно в тюрьму бы посадили. Вот я устроила! Ты простишь меня когда-нибудь? Прости, а? Мне тебе тайну одну рассказать надо. Я никогда ни с кем, кроме тебя, дружить не буду. Никто нам не нужен, ведь так? Ну? Прощаешь?“.

— Да я на тебя и не обиделась. У самой ведь голова должна быть. Так что давай забудем. Про дружбу — это хорошо, но ведь можно и втроём дружить. У меня вот в Сибири аж три друга было: двойняшки Андрюшка с Ванюшкой Краузе и цыганёнок Алёшка. Мы везде вчетвером ходили. И никогда не ссорились.

— А где они теперь?

— Один утонул, а другие уехали куда-то на юг.

Дива стала с интересом расспрашивать меня про мою прошлую жизнь, но мне что-то сегодня не хотелось с ней об этом говорить. Но она заметила серёжку у меня в руке и стала приставать, чтобы я её показала. Я сказала, что не могу, потому что это тайна, о которой я поклялась никому не рассказывать. Только одному Ване рассказала, и то потому, что он глухонемой.

Дива сделала вид, будто обиделась, но потом быстро что-то сообразила и начала меня обрабатывать с другой стороны.

— Ну хорошо, — сказала она, — я вот тоже тайну имею, и хотела, между прочим, тебе рассказать её, но ты должна сначала поклясться, что никому ни гу-гу.

— Клянусь, что никому ни гу-гу! — сказала я, но Диве показалось это мало.

Она сказала:

— Ешь землю!

— Зачем? — удивилась я.

— Так надо. Чтобы никому не рассказала.

— А я и так никому не скажу. Ведь я же про свою тайну тоже никому не говорила. И тебе не собираюсь рассказывать.

— А глухонемому Ванюшке? Что, если он не глухонемой, а просто немой? Он же тогда может преспокойненько написать про эту тайну и дать кому-нибудь почитать, верно? Так что ешь землю!

— Не буду есть землю! Ведь это не я хочу, чтобы ты рассказала мне свою тайну, а тебе самой хочется её мне рассказать. Так что, рассказывать или нет, думай сама. И землю ешь сама. На здоровье! Приятного аппетита! — я отвернулась и стала разглядывать облака.

Но Дива не была бы Дивой, если бы на этом всё закончилось. Она помолчала немного и начала таким славным голоском меня уговаривать не обижаться и выслушать её, что я согласилась. Я подумала, что если она сейчас не расскажет, лопнет ещё или описается. А Дива была уже согласна взять в нашу компанию ещё кого-нибудь, ну хотя бы этого новенького Витюню, — он вроде ничего так, не глупый, но больше никого. Наконец она начала говорить о своей тайне:

— Я вчера такую невероятную историю услышала, просто ужас. К нам вечером опять твой отец приходил. Они с моим ещё смолоду знакомы, ну ты это знаешь. Мама с бабушкой Ираидой и Тамиллой уехали в город, я была в доме одна. Они сидели в беседке, прямо под моим окном, и тихо разговаривали по-немецки. Папа, наверное, думал, что я сплю. Окно в комнате было открыто, и мне было всё слышно, о чём они говорят. Слышу, твой отец спрашивает: „Ну, Алоиз, рассказывай, как это ты Эльвиру такой молодой сделал? Она рядом с тобой выглядит совсем как дочь“. После этих слов я наострила уши. Оказывается, до войны мой *фатер*, Алоиз Густавович Беккер, который сейчас сторожем в саду работает, был там, на Украине, в селе их, самым уважаемым человеком — директором школы. Представь! И у него семья была другая: жена Эльвира и двое детей — мальчик Гарик и девочка Оля. А моя мама, ей тогда семнадцать лет только исполнилось, училась в педагогическом училище в Житомире и как раз проходила практику в школе, где директором был Алоиз Густавович. Твои родители в сороковом уехали из Украины на Волгу, в Немецкую республику, а Беккеры ещё раздумывали. А тут началась война. В то воскресенье, 22 июня 41-го, отец с семьёй ехали в поезде из Киева в Житомир. На какой-то станции поезд долго стоял, и отец пошёл разузнать, в чём дело. А тут началась бомбёжка, и вагон, где была его семья, полностью разбомбили. Отец тогда за один день такой седой стал. Живых собрали в другой поезд, но отправить не успели. Напали фашисты и всех людей арестовали. У отца не было никаких документов, потому что всё осталось в поезде.

Когда фашисты узнали, что Беккер немец и работает учителем, его взяли переводчиком, чтобы помогал в отправке людей в Германию. Людей привозили на машинах на станцию, а там их сортировали и отправляли кого куда. В одной машине привезли целую группу молодых женщин, среди которых он узнал бывшую практикантку Киру Семёновну Зорину. Она кинулась ему на шею и прошептала, что их должны расстрелять, потому что они евреи. Им уже сообщили. Папа сказал, что спасёт её. Он велел ей говорить всем, что она его жена, Эльвира Беккер. Подбежал фашист с автоматом и хотел девушку силой отнять, но отец ему объяснил, что произошла ошибка и что никакая она не еврейка, а его жена, Беккер Эльвира Робертовна. Этим он спас ей жизнь, но их тоже отправили в Германию, и там они пробыли до сорок шестого, а потом, когда вернулись, их посадили в тюрьму, где-то на Севере. Маму вскоре на вольное поселение в Казахстан отправили. Алоиз разыскал потом её. Вот дела! Папа после того, как его освободили, стал везде письма писать, чтобы мамино имя настоящее восстановить. Он нашёл её мать, Ираиду Ильиничну, и теперь они с мамой часто ездят по всяким проверкам в город. Представь, мою маму не Эльвира Робертовна, а Кира Семёновна зовут. Каково, а? Я не могу от этого в себя прийти. Скорее бы мама вернулась.

История эта действительно была очень-очень интересной, ничего не скажешь. Мы помолчали немного, потом Дива придвинулась близко ко мне и таинственно прошептала на ухо: „Ну а теперь твоя очередь, давай, рассказывай!“. Она, конечно, понимала, что сегодня выудить из меня тайну ей не удастся, но потом когда-нибудь... А на сей раз мне просто повезло: не пришлось даже ничего

говорить. Нам понадобилось срочно покинуть наше убежище, потому что услышали голоса ребят, идущих в нашу сторону. Это были *принцесса* Светка, её теперь бессменный *принц* Колька Макаров и наш друг Витя. Они позвали нас на костёр. Мы примкнули к ним, и не пожалели. Нас так развеселил своими шутками-прибаутками и рассказами Колька Макаров, что мы забыли про всё на свете. Мы хохотали как сумасшедшие, будто смехородного киселя объелись, — аж до колик в животе. Светка со смеху чуть в костёр не свалилась. Она хваталась одной рукой за сердце, другой обмахивалась и пищала: „Ой, не могу, уморил, окаянный, я сейчас умру или... описуюсь, ой-ой!“.

Но тут комедия завершилась, потому что появились взрослые и разогнали нас по домам. Диве было идти дальше всех, и мы с Витей пошли её провожать.

О моей тайне я сама довольно скоро рассказала Диве. Так получилось.

Ещё одна тайна

Следующее утро было воскресенье. Беккеры пригласили моих родителей на обед. По этому поводу мама достала из сундука праздничную одежду. Собираясь в гости, родители тихо между собой разговаривали. В доме, кроме них, никого не было. Так думали они, а я сидела в углу между столом и комодом за занавеской и читала. Мне было не до них. Вдруг мама сказала: „Может, ты один пойдёшь, мне неудобно... Мы столько лет не виделись...“.

Я в своём углу насторожилась.

— Не выдумывай, пожалуйста, он уже и не помнит, что когда-то к тебе сватался. Да у него и жена молодая, ох и красавица. Алоиз совсем старый стал. Ты не переживай, он всё равно на женщин не смотрит. Он давно уже не мужчина. Ему в тюрьме всё отбили.

— В Германии? Фашисты?

— Нет, потом уже. Здесь, в заключении. Он насквозь больной.

— А как же... дети, они ещё маленькие...

— Дети не его: старшая появилась, когда он ещё в тюрьме был, а младшая уже потом, но тоже не его. Их отец — какой-то крымский татарин, он на Кавказ уехал, а она не захотела. Ей Алоиз нужен, чтобы он ей помог восстановить документы и настоящее имя. Она к нему как к отцу относится. И он её очень любит. Как дочку. И девочек любит.. Ты же понимаешь, что об этом никто знать не должен...

— Бедный Алоиз, — вздохнула мама, — вот что война проклятая наделала.

И они вышли на улицу. А я долго ещё оставалась в своём укрытии и пыталась переварить услышанное. Из всего этого мне было одно ясно: Дивин папа вовсе ей не родной, а просто добрый человек, который спас жизнь её маме. Бедная, несчастная Дива! Я, конечно же, ей никогда об этом не расскажу, потому что я подслушала чужую тайну, но зато я могу рассказать про серёжки, про цыган. Мне было так жалко подружку, что я в тот же день всё ей про цыган и про серёжки и рассказала. Мне и в голову не пришло заставлять её при этом землю кушать. Это ещё сильнее скрепило нашу дружбу. Мы с Дивой сделали тайник в дупле старого дуба и спрятали туда коробочку с серьгой. Вите, хоть он тоже был нашим другом, разумеется, про тайну не сказали.

Продолжение в следующем номере.

Ирина СТРУГОВА

(Продолжение. Начало в №№ 7-9 за 2012 год)

10 февраля 1997

Вчера вечером мы пережили 2-е землетрясение в этом доме, и что самое интересное, я сидела каждый раз на одном и том же стуле за нашим столом. И случилось это в обоих случаях приблизительно около 9 часов вечера. Каждый раз. И время года то же самое. Интересно. Люди, конечно, начинают спекулировать на этом. Но как это было? Я бы и не заметила, если бы Маша и Педро не заметили. Мы, М., П. и я, сидели за столом, Митя лежал на футоне, и я читала им лекцию о русской культуре. В этот момент я говорила о Ломоносове и о том, как он пешком дошёл до Петербурга, чтобы учиться. Вдруг Мария посмотрела на Педро, а он на неё, и в один голос сказали: “Это землетрясение”. Я ничего не почувствовала, но когда они это сказали, моё сердце упало. Я опять ужасно испугалась, точно как в прошлый раз, ровно год назад. И сразу же страх за детей и полное бессилие сделать что-нибудь, спасти их. Но и в этот раз была моментальная уверенность, что это не страшно, что это уже заканчивается. Конец землетрясения, а не наш. Слава Богу! Митя вскочил с футона, радостно запрыгал и закричал: “Earthquake! earthquake!”. Он и в прошлый раз ничего кроме восторга по этому поводу не выразил. Однако побледнел, как и все мы. Особенно испугалась Маша. Она всё повторяла: “Я не хочу умирать”. Как эти слова всегда повторяют люди, и особенно горько их слышать от таких молодых, как Маша.

11 февраля 1997

Сегодня повздорила с Ароном. Это, в общем, длинная история, идущая прямо от его отца, с самого начала наших уроков. Я помню, его отец, преподаватель русского, позвонил мне и стал требовать, чтобы я научила его сына всем падежам (как пользоваться, не только знать правила) в течение года. “Я вам плачу деньги и хочу видеть результат”. Я, конечно, всплыла и сказала, что мне не нужны его деньги. Он извинился и с тех пор называет меня “дорогая коллега”. Однако в его сыне я вижу отвратительные черты, которые мне кажутся не врождёнными, а благоприобретёнными. С первых дней знакомства я была поражена тем, какие примеры он мне приводил на уроках, когда я просила его придумать предложения. “Мой папа злой, мама злая и страшная, я хочу быть миллионером и иметь много злых собак, чтобы они ели людей”. Я была очень озадачена и расстроена. Ему было только 14 лет, когда мы начали уроки. Целый год я старалась тронуть его сердце добрыми рассказами, конфетами и просто своей любовью, которую всегда чувствую к людям, особенно убогим и больным. И он стал значительно лучше. Но вот последнее время опять стало вылезать что-то совершенно мерзкое. Сегодня он спорил со мной по поводу русского и английского. Кичится тем, что говорит по-английски! Не это ли из оперы свободно владеющих английским соскпеу. В общем, было очень неприятно, и я почти плакала. Потом я, правда, подумала, что, может быть, я так расстроилась, потому что уже три дня не курю.

Я заметила, что каждый раз, когда я бросаю курить, на меня нападают тоска, раздражение и кашель. Я, разумеется, знала об этом давно, но как-то думала, что это не про меня. Теперь, когда поняла, что про меня, решила преодолеть эту напасть. Если мы знаем причину нашего недомогания, надо искать выход, но это не значит, что надо продолжать делать то, что приносит облегчение и в то же время разрушает.

После урока с Ароном и после неприятного разговора с ним хотелось кому-нибудь поплакаться в жилетку. Не нашла никого лучше, чем мои дети. Пошла к Марусе в магазин, но не нашла её там. А вот час назад пришёл Митя из школы, и я пожаловалась ему. Он сказал, что только он имеет право обижать меня. Вот так. Но надо сказать, он меня теперь редко обижает, как и Мария. Оба стали хорошими. Боже, дождалась!

14 февраля 1997

Читаю о Репине. Уже заканчиваю. Написано хорошо. Серьёзная книга, но вот такие глупости, как, например, что Репин написал «Голгофу» под впечатлением рассказов о бесчинствах большевиков. Удивительный сюжет этой мне никогда неизвестной картины. Мрачный, почти дымный фон похож на задворки какого-нибудь угольного завода, два креста с разбойниками, а Его крест валяется пустой, и собаки слизывают с него Его кровь. Абсолютно потрясающая идея! Так вот, эти горе-искусствоведы решили, что к такому решению Репину помогли прийти большевики. Ну что же, если это так, то надо только подивиться, что это за сила – большевики, что они перевесили 2000 лет облизывания Его креста другими псами. Ещё интересную вещь я поняла отчётливо, читая это горе-исследование, это то, что Репин действительно никогда не поддерживал эмиграцию с её ненавистью к Советской России и за это был предан анафеме, забвению, бойкоту. Они открыто говорят в этой книге о том, что Репин был в противоречии с лагерем Дягилева, Бунина и других русских эмигрантов в Париже и в Америке. И тут же они, без тени иронии, говорят о том, как, мол, плохо, что Сталин и Жданов начали диктовать свои условия художникам и писателям. Да, это было ужасно, но это продолжалось только несколько десятилетий, тогда как здесь молчание вокруг тех, кто не проклинает социализм, длится вечно, короче, столько, сколько существует Рим.

Сегодня показывала московские фотографии на работе в отеле. Тресси, увидев фотографию Кати, где она расположилась в коробке, спросила меня с надеждой в голосе: “Это она спит в коробке?”. Я удивилась и ответила, что, конечно же, нет. Но потом сообразила, что Тресси увидела то, что она видит постоянно вокруг себя с её детства, и ей хотелось услышать, что и в России дети тоже спят в коробках на улице. Ужас как мне их всех жалко, и не дай Бог, к нам в Россию это придёт. И как мне теперь увезти детей отсюда? Я вовсе не хочу, чтобы они продолжали жить в таком страхе, как все здесь живут.

Кстати, о страхе. Только недавно от меня ушла Венесса. Она приходила посмотреть фотографии и послушать про Москву. Пришла, как всегда, в шокирующем наряде. Производит пугающее впечатление своей неестественностью. Говорит как нормальный человек, и вдруг вот такое: “Я купила себе всё необходимое для выживания в джунглях. Если потеряю работу (она работает в лаборатории по онкологическим исследованиям), по крайней мере смогу выжить. Уеду на Гавайи. У меня есть палатка, спальный мешок, прибор для очистки воды и радио с ручным заводом. И часы, смотри, часы без батареек и светятся в темноте. Там можно жить без денег. Я даже купила мачете, чтобы расчищать дорогу в зарослях”. И вот это она говорит, находясь в трезвом уме. Просто дикий страх. И тут же она повторила историю, которую я уже знала, но которая, видимо, и не даёт ей возможности хоть ненадолго забыть о страхе.

Когда она (или тогда это был он, т.е. до трансформации в женщину) заканчивала университет в Монреале, у неё не было работы и денег. Приходилось спать в машине, а это холодный климат. “Почти как в Москве. Голодала. Один мафин – вот и вся еда на день. Так мне пришлось бедствовать месяца четыре, пока я не закончила университет. Такое трудно забыть. Один раз я даже украла булочку”. Да, я думаю, это похлеще ломоносовского похода из Холмогор за учением. У нас я таких историй не слыхала. Всегда находились люди, которые давали кров и

хотя бы корку хлеба. В машине, одной, в мороз. Нет, никогда не слышала в России таких историй. Но она ведь училась в Монреале, в университете. И детей в Москве на улице, спящих в коробках из-под посылок, не видела.

22 февраля 1997

Вчера мы с Марусей были на так называемой ярмарке искусств. Купили билеты по 20 долларов и пошли. При входе нам поставили на руки штампики, чтобы мы могли входить и выходить, и хотя я уже знала о такой практике, всё же в этот раз я испугалась – очень похоже на тюремные правила. Картины изверские. Другого слова не найти. Я, правда, предполагала, что будет сплошное уродство, но опять (как с Америкой в целом) не ожидала, что уж так безобразно. Было впечатление, что мы ходим по мясоперерабатывающей фабрике (где сейчас, кстати, работает Марусин Педро), сплошные кишки и кровь. Несколько картин в классической манере гладкого письма времен Ренессанса изображают женщин с отрезанными ногами, пальцами, с изрезанными спинами и т.п. На другой картине Смерть в чёрном плаще обнимает обнажённую женщину и держит капельницу (?!). Другие картины вообще не имеют, конечно, никакого изображения, только пятна, и так безобразно подобранные, что тошнит. Набрели на один уголок, где были выставлены приличные картины. Поговорили с владельцем галереи, я ему рассказала про Машины рисунки. Он дал карточку. Надо принести её картины и показать. Маша была убита тем, что увидела.

“Им никогда не понравятся мои картины”, – сказала она, и мне это было больно слышать, потому что где-то я знаю, что это правда. Почему-то, так же как и со стихами – многим нравятся именно красивое и хорошее, но покупать они хотят только то, что модно, а модно сейчас БЕЗОБРАЗНОЕ. В одном разделе, где были выставлены разные красивые вещи из стекла, выставлена уродливая фигура какого-то дракона – это они сделали на публику. Точно так же здесь даже аргентинское танго играют не так, как мы привыкли, а без ритма и мелодии.

5 марта 1997

Накупила разных вещей в надежде, что получу так называемый TAX return – это возврат тех налогов, что я уплатила в течение года, но не использовала. Сложные расчёты и не всегда понятные. Впервые заявила о своих уроках. До этого, да и сейчас, у меня такие мизерные доходы, что даже смешно заявлять. Но им не смешно. Надо платить налоги с каждой копейки. Когда мне рассчитывали мой так называемый бизнес, то посчитали как затраты треть моей квартплаты и стоимость компьютера. Это помогло мне списать часть того, что я должна платить, так что получилось, что они мне должны около 1000. Конечно, я обрадовалась и, ещё не получив эти деньги, купила одежду Мите, сковородку себе, разной еды и куртку для Валерика, которую мечтаю в ближайшее время ему переслать.

Позавчера в Стивенс-школе играла с маленьким Вовой в шахматы. Ему завтра исполняется 6 лет. Я буквально влюбилась в него и в его 7-летнюю сестрёнку. Так вот, когда мы играли в шахматы (без правил, просто двигали фигуры), Вова «съел» много моих фигур, и когда у меня осталось всего три, он вдруг сильно огорчился и сказал, что не хочет больше есть меня. “Я не хочу есть тебя, мне жалко тебя”. А потом я говорила с его мамой и она сказала мне, что он часто плачет, приходя из школы, потому что его бьют и обижают. Когда же она ему сказала: бей их в ответ, он ответил: “Им же будет больно”. Так и мой Митя несколько раз говорил мне в подобных ситуациях. Валерик не мог бить других детей. А иные могут. Так это с рождения или меняется? Я думаю, на 90 % дети не могут бить других, но потом приучаются. И вот тот, кто, пересиливая себя, бьёт других, всегда страдает. А может быть, потом привыкает. И даже наши благородные игры, вроде шахмат, учат детей правилам жестокости. Но лучше шахматная жестокость, чем иная.

6 марта 1997

Только что закончила заниматься с Митей русским языком. Какая-то мука. До сих пор не знает некоторых букв, не читает, а догадывается.

Сидит теперь часами у компьютера. Компьютер заменил телевизор. Единственно, что положительно в этом, так это то, что он учится быстро читать послания разных ему подобных бездельников, беседующих в пространстве. Картина жуткая. Сегодня, например, он сидел за компьютером и переговаривался с разными девочками, как он думает, из разных уголков США, сидел в наушниках, подключенных к телевизору. По телевизору в это время шла его любимая передача Babilon 5, это ужас какой-то, рожи одна страшней другой.

Сегодня в Стивенс мы отмечали Вовин день рождения. Я принесла большую коробку печенья. Валентина попросила разрешения пойти в класс её брата. Их мама принесла огромный торт и фотографировала нас около торта. Вова обнял меня, и это было так трогательно. Я очень полюбила этих детей. Будет трудно расставаться. Я уже чувствую ответственность за них, а мне сегодня позвонили из управления школ и сказали, что я могу получить больше часов с большей оплатой в другой школе. Я так прореагировала, что, видимо, они мне больше не позвонят. Первая моя мысль была о детях, а не о деньгах. Пока Валя была с нами у Вовы, она пропустила какой-то урок, и её учительница сказала мне упрекающе: «Валентина пропустила *счёт денег и чтение, и писание*». Могу себе представить, что она пропустила. Я взяла её на один час, и мы с ней написали письмо этой учительнице на двух языках. Считали копейки, что она делала блестяще, и выучили целое стихотворение. Когда я привела её в класс, и Валя дала учительнице письмо и прочитала наизусть (чего их дети никогда не делают) стихотворение, учительница сказала Вале: «You are lucky» (Тебе повезло). И в её голосе прозвучала горечь. Ещё бы. Наши дети могут читать, писать и говорить на двух языках, они развиты и умны, они аккуратны и красивы. Что-то не так эти самые учительницы учили в их время в школах про Россию, что-то не так.

Ах, знали бы они, какие у нас были школы! Будет ли помнить кто об этом в России? А здесь все школы, и частные и публичные, в таком загоне. Грязно, убого, нет даже тетрадей. Пишут на листках, книги толстые в тяжёлых обложках с картинками и с бессистемным, глупым текстом. Спрашиваю директора: «Есть ли в вашей школе надежда для меня получить место?». Она отвечает: «Нет, мы должны увольнять людей, так как нам срезали бюджет». И вот я смотрю, они имеют в каждом классе по два-три учителя, которым много платят, а делают они очень мало. Множество разных управлений и консультантов для так называемой работы с учениками. А толку никакого. Холодные, равнодушные чиновники приходят и уговаривают семилетних детей не баловаться, а то ещё и полицию вызывают, если какой-нибудь малыш схулиганит.

20 марта 1997

Сегодня был мой последний день в Стивенс-школе. Всё было неожиданно трогательно. Мать Вовочки и Валечки принесла мне дивные розы, секретарь дала цветы и карточку. Сейчас пришёл Митя и зовёт меня к Марусе. Они приглашают нас на обед. Как хорошо, моя дочь приглашает меня на обед. Завтра у меня очень важный день. Я начинаю работать как репетитор в школе для взрослых детей, таких как Митя. Не представляю, что я буду делать с ними. Возможно, придётся изображать добрую бабушку, как я это делала в Стивенс. Как я увидела, так именно добрых бабушек не хватает американским детям. В детском саду, где Вова, учительница – настоящая Снежная королева, просто удивительно – никакого тепла. Сегодня, когда я, как обычно, играла с детьми на площадке во время перемены, они подбегали ко мне просто с одной целью, чтобы я их обняла, и я это делала. Как-то очень быстро вся школа поняла, что я могу обнять и прижать к себе, и стали (без слов) просто подходить, и я (без слов) обнимаю, а

потом они уходят – счастливые. Мне больно, что я ухожу от них. Что будет в другой школе, где мне дали больше часов и больше денег? Боюсь радоваться, но если я закреплюсь в школе – это будет другая жизнь. Я страдала за это 9 лет.

23 марта 1997

Ну вот в пятницу был мой первый день в двух новых для меня школах. Та женщина, которую я буду замещать до конца учебного года, оказалась препротивной и некомпетентной. Такими же мне показались многие учителя, которым она меня представляла. Например, одна заявила, что вот такой-то мальчик плохо пишет, неграмотно. Мальчику десять лет, и только два года назад он приехал из России. Для меня – только, для неё – уже. Дура. Другая, когда я сказала ей, что у меня есть частная студентка-полицейский, скривила презрительную усмешку и сказала: “Ну да, ей же нужно разговаривать со своими клиентами”. Здесь без конца пишут и говорят о русской мафии, будто бы никакой другой у них нет и не было. Теперь все русские для них – мафиози.

В этот же самый первый день в школе для больших детей (Рузвельт) произошёл неприятный случай с одним мальчиком. Нас вызвали в комнату охраны порядка. Ещё до того как мы увидели, кто виновник шума, эта моя путеводительница сказала с каким-то радостным и злобным удовлетворением: “Это Сергей, больше некому, он всё время в неприятностях”. И правда – Сергей. Такой вульгарный, расхлябанный мальчик, с явным уклоном в уголовщину. Но когда я немного поговорила с ним, мне показалось, что он очень обижен. Именно потому, что он русский, его обижают. Митю тоже обзывали русской собакой и свиньёй. Жаль, что мы сюда их привезли. Попробую защищать русских хотя бы теперь и хотя бы здесь, а может быть, именно потому, что я здесь и всё увидела своими глазами.

После школы говорила по телефону с его матерью. Она говорит, что на него навесили ярлык, и теперь ему стало всё равно. Похоже, что так. Попросила её прийти во вторник в школу, будем выяснять.

Хочу написать рапорт про эту даму, которую я замещаю. Это может послужить причиной для её устранения из школы, но мне этого и хочется. В другой школе, для маленьких, Брайтен, – тоже не очень хорошо. Особенно меня удивила учительница по английскому для иностранцев, т.е. для детей иммигрантов (здесь есть только иммигранты). Такая злоющая китаянка. Мне было страшно её слушать, думаю, что и детям не лучше. Кричит и брызгает слюной, вся напряжённая, с резкими движениями. На уроке показывает картинки и злобно требует называть разные предметы по-английски. По-моему, им ничего не говорится заранее и ничего не повторяется. Их не учат, а просто информируют. И так во всех классах. Потом была маленькая прелестная девочка по имени Илина. Говорит, они приехали с Украины, что они русские, а там теперь Украина, и им нельзя там жить. Потом она сказала, что рядом с фудбанком есть зоомагазин и что там она любит смотреть зверушек. У меня сжалось сердце от этих слов: на Украине невозможно жить русским? Фудбанк? Я сейчас подумала, что если это будут читать в России, они поймут, возможно, боль от первого, но им будет трудно понять, что такое фудбанк. Фудбанк – это бесплатная еда. Когда-то я восхищалась тем, что здесь дают еду бедным бесплатно, когда-то и я ходила туда, а вот сейчас мне больно и вспоминать об этом и думать, что эта прелестная девочка ходит туда как нищая.

4 апреля 1997

Вот даже забыла получить свой маленький чек в отеле. Ну кто же поверит в наше время, что можно забывать про деньги? И вот удивительно было слышать потрясённое молчание в трубке, когда я говорила сегодня по телефону с матерью одной моей ученицы из Брайн-школы. А история началась не вчера, а

на две недели раньше. Я начала работать в двух школах: Рузвельт и Брайн. В обеих школах, не так как в Стивенс, оказалось довольно много русских, недавно приехавших и давно приехавших. Недавно приехавшие – почти все довольно молодые и культурные (относительно). Дети, конечно, совершенно дивные, кроме одной пары – брат и сестра. Мальчик в четвёртом классе – Илья, и девочка в двенадцатом классе – Нелли. Удивительно мерзкие – первый раз такое встречаю. Хотя я помню, Арон был примерно таким сначала, но потом как-то изменился. Этот Илья говорит, что ненавидит людей, манеры презрительные, безобразно грубые. Кривит губы, как старый дед, бормочет что-то оскорбительное в мой адрес. Странно. Разные. Разные, такие разные дети.

Что же случилось за эти дни? После того как в Рузвельт-школе одна учительница сказала, что полицейским надо учить русский язык, чтобы разговаривать со своими клиентами. И мне впервые пришлось в голову, что, может быть, и действительно здесь всё держится либо на ненависти к чёрным, либо на ненависти к русским. И Маша мне с горечью сказала: “Ты теперь представляешь, через что мне пришлось пройти, когда вы меня привезли сюда”.

И думая о своих детях, о том, что им пришлось пережить, я чувствую, что не смогу оставить без внимания всех этих вновь приехавших и давно приехавших, но тех, кто хочет общения, живого общения. Вчера я как на смерть пошла, попросив аудиенции у директора Рузвельт-школы, и сказала, что, мол, так и так, я считаю, что это дискриминация и оскорбление говорить так про русских. Её реакция была очень быстрой и, в общем-то, не совсем неожиданной: “Мы думаем, что вам не следует дольше оставаться в нашей школе”. Я вышла из кабинета, подавляя слёзы и в то же время думая: “Какая же ты дура, жить спокойно не можешь, вот и потеряла работу, о которой мечтала”. Потом ехала домой и плакала, приехала домой и снова плакала. А потом стало легче, когда решила организовать свою русскую школу. Может быть, такая моя миссия. Вся моя жизнь – сплошное страдание, но и счастье тоже. Это правда, чем больше отдаёшь, тем больше счастья. Прихожу сегодня в Брайн и не знаю, буду ли там работать, или нет. Моя босс, китайка из Гон-конга, пошушукалась с директором, а потом объявила, что мне не следует заниматься с русскими детьми, которые не на программе, как недавно приехавшие, что моя задача состоит только в том, чтобы заниматься с ними английским. Было обидно, но я уже не плакала. Пришлось говорить детям, что нельзя больше читать по-русски. Смешно? Грустно. Женечка расстроилась особенно. Какая-то девочка сегодня, проходя мимо нас, сказала по-русски «привет», а когда я спросила её, как тебя зовут, она не поняла. А из русской семьи. Похоже, они не слушаются родителей, а меня слушаются. Как же мне не открыть школу?

Вот я и позвонила сегодня Жениной маме и говорю, что пусть, мол, Женя не переживает, мы откроем русский класс. Она тогда: “Это будет платный класс?”. Я: “Нет”. И в трубке долгое молчание. Потом она мне рассказывала какие-то странные вещи о том, что она должна остаться в Америке по медицинским показаниям. Говорила о пересадке почек, которую ей сделали в Америке, а когда я спросила, кто платил за всё это, она ответила, что работа её мужа. А Женечка недавно говорила, что они купили новый джип. Как странно. Откуда такие деньги? Я тут же немного охладела к ней (к матери). Мой тон изменился, и она недоверчиво спросила: “Как же вы будете делать это бесплатно?”. Я тогда совсем злобно ответила: “Что же вы забыли наших учителей и наших врачей, работавших с утра до ночи во имя одной идеи?”. Тогда она сказала: “Видно, вас много обижали?”. Я сказала: “А вас?”. Она не поняла иронии.

7 апреля 1997

Сегодня была в Брайн-школе. Вроде пока не выгнали. Занимаюсь без передыха, устаю ужасно. Это не то что отель. Почти так же, как когда-то уставала во ВНИИГПЭ. Постоянное напряжение. Интересно, конечно. Дети – просто кладёшь и красоты, и чистоты, и ума (да, да, дети умнее взрослых).

На уроке в четвёртом классе учительница объясняет принцип проб и ошибок. Кто знает, зачем? И как пример даёт загадку с расстановкой цифр по звезде так, чтобы получилось во всех направлениях 26 в сумме. Смешно. 30 минут она билась и ничего сама не смогла сделать. Класс зевал и спал. Только в одном из нескольких 4-х классов учительница как-то старается что-то объяснить. Да и то всё так странно, что когда решаешь их примеры, кажется, что вот-вот рехнёшься. Есть у меня (у них) мальчик Костя. У него вся левая сторона тела в страшных шрамах от ожога. Мать сказала мне, что он родился правой, а после травмы стал левой. Мне и до её рассказа было ясно, что у мальчика какая-то проблема, связанная с ожогом. И точно. Он как-то странно мыслит. Посмотрим.

Завтра иду в Рузвельт. Моя Кэти из управления школами, которой я пожаловалась на дискриминацию, прислала мне E-mail, что будут разбирать мою жалобу. А мне так не хочется туда снова идти, так не хочется встречать эти фашистские рожи. О, как их много кругом.

Маша и Педро купили машину. Они взяли заём и купили старый автомобиль, но довольно хороший. Счастливы. Я тоже, потому что теперь мне не надо таскать тяжести из магазинов, а можно попросить их отвезти, что я сегодня и сделала. Поехали в русский магазин и закупили разных вкусностей. Там же я встретила одну молодую маму с маленьким сыном. Они говорили на смеси русского и какого-то мне непонятного языка. Оказался грузинский. Мама пожаловалась, что сын забывает русский. Ей важен русский, а не грузинский. Это русские, которых выгнали из Грузии. А потом подошла другая женщина, интеллигентная. Может быть, еврейка или грузинка, или армянка. Стали говорить, слово за слово. В результате они записали мой телефон. Хотят привести детей в мою, ещё не открытую русскую школу. Это идёт само, это само просится. Наше русское сопротивление получило старт.

24 апреля 1997

О, Боже мой, как же выдержать всё это! Помню свои страдания в любви, когда была молодая. О, это было страшней, конечно, потому что я была молода и не знала, как жить без любви. Сейчас я не знаю тоже, но я сильнее. И сейчас появилось ещё то, чего не видела раньше, поскольку страдания любви заслоняли весь род людской.

Теперь кроме того, что уже давно знаю, что весь род людской “гибнет за металл”, кроме этого ужасающего факта, я увидела, что привезла детей в страну, в которой жить нельзя. Как мне найти утешение и где? Если я была честной и искренней в Союзе, когда проклонила своё отечество, будет ли мне это оправданием? Или это и есть теперь мне адская мука, непроходящая мука – это совесть, ах как тяжело ты караешь! И зачем было мне попадать в начальную школу в Америке? Зачем знать, что они там делают в Митиной школе? Все мои сочинения, которые я написала для него, причинили ему много неприятностей. Помню, так было и с Валериком. Однажды я написала для него сочинение про Рембрандта. До сих пор помню, что хорошо написала и про свет и тень, и про тайну картины “Ночной смотр”, и про сострадание к бедным в портретах старых усталых людей. С тех пор Валерик никогда не позволял мне помогать ему в школе. Но в мой приезд в Москву признался, что много узнал от меня такого, что помогает ему видеть смысл и красоту жизни. Это моя награда. Также и с Марусей. Она говорит, что научилась у меня жить красиво и интересно, но также научилась избегать столбовых дорог общества. Сидит в магазинчике и продаёт кофты. Иногда бежит на улицу, чтобы вступить за пьяного беспомощного бездомного, избиваемого тремя полицейскими. Так было позавчера, когда она увидела такую сцену у себя с балкона. Было 12 ночи, и она побежала кричать на полицейских. Это тоже от меня. Господи, помоги им!

Тут она очень насмешила меня. Говорит, что недавно Педро спросил её, что она нашла в нём плохого уже после того, как они стали жить вместе. Она сказала: "Всё хорошо, только вот я не знала, что ты такой безответственный, но ты не бойся, я не брошу тебя из-за этого". А потом в свою очередь спросила его: "А что ты нашёл во мне плохого уже после того?". Он так спокойно отвечает: "Ничего особенно плохого, кроме того, что ты немного не в своём уме, но я не брошу тебя из-за этого". Мы смеялись до слёз.

Что происходит в американских школах? И почему это так убивает меня?

Я теперь прямой свидетель всему тому, что там происходит, и мне даже не остаётся надежды, что что-то не так понято, что-то не так уж плохо, что все замеченные (а их было много) случаи невежества учителей и глупости программы случайны и спорадичны, как это и было в Союзе, где система образования была даже очень хорошей, как и вообще сов. система, только люди уродовали всё. Такая надежда была у меня до того, как я окунулась в процесс обучения в школах США. И если кто-нибудь захочет подумать, что всё, что я увидела в трёх-четырёх школах Сиэтла, не есть общеамериканская система, тот будет весьма неправ, потому что теперь, зная их систему образования, я вижу её плачевные результаты на каждом шагу и в каждом американце. И даже в своих собственных детях, слава Богу, не полностью ещё превращённых в идиотов.

Сейчас я попробую сформулировать по пунктам всё, что я знаю об их методах обучения.

1. В каждом классе, в каждой комнате учитель делает, что он хочет (не в смысле свободы изложения принятой программы, а в смысле свободы своего собственного каприза), однако должен быть в струе жизни. С первого класса или даже с подготовительного школьники вовлечены в игры, имеющие целью обучать их навыкам фабричного труда, а также давать им общепринятые понятия о мире, о жизни, о социальном устройстве (преимущественно о политике домо-рощенной) и т.д. В это трудно поверить, но детям 6 и 7 лет от роду, которых никогда не учили ни писать, ни читать, дают готовить доклады, писать сочинения (!) и так далее на все вышеперечисленные темы, т.е. темы, которые выберет сам учитель в зависимости от её или его интересов. Так, например, в первом классе за две последние недели детям задавали следующие задания:

1. Сделать научное исследование про насекомых. Выяснить, чем насекомые отличаются от других видов живых существ на земле. Выбрать то насекомое, которое больше нравится. Написать про него. Нарисовать картинку. Сдать через три дня.

(Это задание было дано потому, что их учительница имела в эти дни помощницу-студентку, которая любила насекомых).

2. Сделать доклад по поводу загрязнения окружающей среды. Найти на карте Сиэтл. Написать, что можно сделать, чтобы Сиэтл был хорошим местом для людей. Как надо бороться против загрязнения рек и лесов. Как надо охранять животных.

Вырезать из журнала вид Сиэтла. Нарисовать нашу землю и описать средства её защиты.

(Это задание было дано всем школам и классам, потому что в эти дни в Сиэтле были дни защиты природы).

3. Прочитать сообщения о столице США и о федеральном правительстве и ответить на вопросы: В честь кого названа столица США? Является ли столица США частью штата или нет? Как называется дом, в котором заседает правительство США? Что делает правительство США? (оказывается, творит законы).

Это задания для малышей.

А в Рувельт-школе, откуда меня попросили (Лиана рассказала сегодня), задали разделить наши эмоции и поступки на мужское начало и на женское начало. Например: когда мы командуем – это мужское начало, а когда страдаем – женское. Когда покупаем – мужское, когда продаём – женское. Ужас! Может

быть. этот учитель какой-нибудь фрейдист-психоаналитик без соответствующей работы.

В классе английский как второй язык (в Брайн-школе), дети уже три недели пишут сочинения о диетическом питании. Похоже, что их учительница (лесбиянка) очень озабочена питанием. И вот так всё. Как пишут? Как они могут всё это делать? Учителей не касается. Писать и считать их совсем не учат. Только в одном классе я вижу, что учительница старается научить детей 4-го класса делить и умножать. Однако тщетно. Из 20 человек, может быть, 2-3 могут считать, остальные не умеют, и она ничего не может сделать, так как её давит эта сумбурная общая неразбериха в стилях преподавания. В пятом классе они не знают таблицы умножения и не умеют писать, не знают грамматики совсем. А думать вообще запрещено. Вот так.

Пошла позавчера в русский консулат узнать про моё дело о возвращении гражданства. Надо получить копию визы, по которой мы выезжали из Москвы. Ничего ещё не получили, но хоть поговорили со мной по-человечески, посочувствовали.

Да, моё собрание в школе в прошлую субботу расстроило меня (как и следовало ожидать) ещё больше. Да и я расстроила этих русских беженцев. Тяжело сообщать страшные вещи, тяжело их слушать. Мы все, как попавшие в ловушку евреи, которым обещали работу, а дали крематорий.

Но зато, как всегда, пришло на помощь вдохновение. И опять от Джона Хогана. Он мне прислал, как всегда, открытку, на этот раз из Нешвила в Теннесси, куда поехал, как он сказал, искать свои корни (здесь они часто вдруг начинают искать свои корни, потому что начинают осознавать, что жили в вакууме), прислал открытку с видом их американского Парфенона. И я написала стихотворение. Думаю, хорошее. Вообще это чудо, как приходят стихи на английском. Только это и утешает.

9 мая 1997

Сегодня в России большой праздник. Здесь никто даже не вспомнил. Рассказывала всем на каждом шагу про роль русских в войне.

Нагрела сама себя больше чем на 50 долларов, так как поленилась пойти и вовремя сделать вклад в банк. В результате так называемый возврат чека. Ужас как глупо. Чувствую себя страшно плохо, когда выбрасываю деньги и время. Вчера почти так чувствовала, проведя три часа в обществе своих детей: Маруси, Педро и Мити. Особенно меня угнетают Мария и Педро. Говорить с ними не о чем. Мне хорошо с моими учениками.

В Брайн-школе всё лучше и лучше. Сегодня меня интервьюировали дети в нескольких классах. Так они учат их быть свободными исследователями. Задают вопросы, какие придут в голову. Когда же я начала их учить, они вдруг заинтересовались и стали слушать. У этих же чокнутых американских учителей, которые не объясняют, а просто дают трудные и не по возрасту задания – всегда шум и беспорядки. Пример свободы: сегодня учитель Жени (маленькая девочка, которая меня любит и хочет гулять со мной и собирать улики) сказал мне, что ему не нравится, что Женья не принимает участия в мероприятиях класса. Я говорю: “Не разрешайте ей уходить с мероприятий”. А он мне: “Я не могу стеснять её свободу. Я думаю, что она разумная девочка”. Получается так, что он не хочет прямо говорить ей, что ему не нравится, что она уходит с его (надо сказать, глупых) мероприятий, хочет предоставить ей свободу, но хочет и настаивает за её спиной на том, чтобы она делала так, как он считает нужным и разумным. Блестящий пример «свободы» и коварства. А Костя, тот мальчик, у которого ошпарены рука и подбородок, сказал мне, что в Америке есть хорошая свобода: “Например, я могу убежать из дома и жить на улице”. Он сказал это совершенно серьёзно и радостно.

13 мая 1997

Вчера провела весь день в слезах. Как обидно вдруг становится за себя, особенно в случаях очевидного унижения. Казалось бы, уже мне надо привыкнуть к положению служанки в этой стране, однако всё никак не могу. Всё моя прежняя гордыня. Видимо, для того я и была послана сюда, чтобы уж окончательно понять, что значит – смириться. В Брайн-школе моя начальница постоянно просит меня либо сделать копии, либо пойти позвонить, либо поставить стулья. Ещё она часто требует, чтобы я затачивала карандаши.

В субботу приходили ко мне домой на урок Женечка и Елина. Попросила их придумать слова с корнем “вода”. Женя предложила слово «умывальник».

Месяц назад я встретила в автобусе одну молодую женщину. Познакомилась с остановке. Я сидела и читала Джорджа Конрада. Она узнала, и мы разговорились о книге. Говорит очень грамотно, начитана и вроде добрая. Не вроде, а точно. Я мимоходом сказала, что ищу работу, так как устала работать временно и нестабильно. Она дала мне аппликацию на работу в её конторе. Это что-то связанное с соцобслуживанием. У них здесь миллион таких служб. Эта вакансия – работа с трудными подростками. Я расписала в резюме свои способности усмирять буйных подростков на примере собственных детей. Сегодня позвонили и приглашают на беседу. Эту женщину зовут Сера. Что-то в ней есть такое, как и в Деррике – ангелическое. Буду молиться за неё в любом случае. Теперь я смотрю на людей, как на фигуры, которые Бог ставит на поле моей жизни.

20 мая 1997

Сегодня на уроке с Ароном спросила его, как будет по-русски “пень”. Он не знал. Чтобы помочь ему, спросила, что остаётся от дерева, если его спилить. Он ответил: бумага. В связи с этим вспомнила, как вчера проверяла контрольные работы учеников в Брайн-школе. Почти все дети в разделе, где надо было выбрать соответствующее вопросу слово, на вопрос “запрещение” выбрали слово “наказание” (т.е. не синоним, а результат), на вопрос “хорошие условия для воспитания ребёнка” выбрали не “детская комната”, как предложили умники из педагогического ведомства, а слово “доктор”, может быть потому, что для большинства здесь это так трудно и недостижимо.

Вчера меня интервьюировали на место в приюте для так называемых трудновоспитуемых детей. Собеседование было очень коротким, что может говорить о противоположных намерениях: либо не брать меня, либо брать сразу. Явно им не о чем думать со мной. Их может смущать, как всех здесь, моё техническое образование, не имеющее ничего общего с медициной. Однако я им рассказала о своей жизни. Могли бы подумать. Мои дети, мои друзья, Фейт говорят, что учатся у меня. Фейт – психиатр с лицензией.

25 мая 1997

Позавчера получила письмо из приюта с отказом принять меня на работу. Мне иногда кажется, что за мной уже тянется тот хвост, который был и в Москве. Они здесь называют таких людей, как я, “trouble makers”, т.е. тот, кто мутит воду. Может быть, это и правильно не принимать таких, как я, на работу. Когда ставлю себя на их место, думаю, что я бы тоже не принимала таких. У них же нет времени понять, что иногда такие хлопотные люди лучше работают, чем послушные и лживые. Я вдруг поняла, что я такая упрямая и не хочу надеть маску хотя бы на время собеседования. Зачем я из кожи вон лезу и доказываю, как много я училась и как много знаю, когда уже давно знаю, что не это им нужно. Надо улыбаться всеми зубами сразу. Но у меня коронки и чёрные зубы. Как-то неловко улыбаться. Но надо. Я же знаю, что им не важно, какие зубы, важно улыбаться и иметь на лице маску тупости и радушия. Что же, попробую научиться перед зеркалом.

В субботу сидела и ждала моих русских девочек на урок. Не приехали. Та, что бедная, позвонила и сказала, что не смогла встретиться с Жениными родителями (это те, которые уже через семь месяцев в Америке купили дом и джип). Эта хотя бы позвонила. Жаль будет, если Женечка перестанет приходить или я откажусь от них, если они будут так себя вести и в дальнейшем. Дерик и Митя в один голос сказали: “Вот видишь, как они тебя «уважают», а всё потому, что не платят за уроки. Платили бы – приходили бы”. Это, к сожалению, правда.

Говорила долго по телефону с Марион. Я ей так благодарна за то, что она единственный человек, кто действительно помог мне найти работу. Однако она и её муж Питер, они, по-моему, принимали участие в каких-то антисоветских операциях и теперь (всё время нашего знакомства) напирают на меня, чтобы я начала проклинать и ругать советскую систему, как они, видимо, привыкли слышать от таких, как я, бывая в России. Они не понимают, что такие, как мы, можем критиковать только то, что видим своими глазами. К тому же “большое видится на расстоянии”. Сейчас Америка близко, и мы видим мусор на дорогах и бедных людей, и ложь. Может быть, когда я уеду отсюда, я буду помнить что-нибудь ещё, что стоит любить здесь. Правда, не знаю, что это. Может быть, мой отель? Мне стали дороги люди, которые там работали со мной. И, конечно, Дерик. Дерик – моя Америка и мой ангел.

29 мая 1997

Сейчас только что позвонила Памела Робертс – эта удивительная директор Стивенс-школы, где я работала до моего случая в Рузвельт. Я послала ей своё письмо (копию) к суперинтенданту по поводу Рузвельт. Она сказала, что письмо отличное, и что мне следует ожидать ответа. Кроме этого, она сказала, что, если понадобится вступить за меня, если будет суд, она с готовностью будет на моей стороне. Я бы сказала, что не встречала таких людей, как она. Она почти не знает меня, она директор школы (это здесь солидное положение), и она готова идти в бой за справедливость и уже шла. Она мне рассказала про историю с чёрным мальчиком, которого она не захотела перевести в другую школу за плохое поведение, потому что она видит назначение школы в исправлении детей, а не в избавлении от них. Недавно я слышала в Брайн-школе, как вице-принципал, услышав разговор секретаря по телефону с родителями “тяжёлого” ученика, сказала: “Да чего с ним возиться, надо перевести его в другую школу”.

Сегодня у меня выходной. Только один урок с Ароном.

Читаю про Геродота. Много про Грецию такого, что всё больше приводит меня к мысли, что Россия взяла от Греции не только православие, но и что-то от Эллады. Характерно отношение греков к деньгам. Они уважали любое ремесло (золотые руки – это выражение Платона), но как говорил тот же Платон по поводу торговли: “Если можешь, никогда не становись торговцем”. Они уважали, если ты зарабатываешь на жизнь, но презирали делание денег, так они называли торговлю. Я читаю Геродота, потому что решила сделать свою следующую лекцию по Греции. Представляю, как трудно будет моим американцам понимать это. И как будет им обидно. Вот это, думаю, одна из причин, почему не любят русских. Это наш аристократизм из Древней Эллады.

6 июня 1997

Сегодня был мой последний день в Брайн. Неожиданным образом получила трогательные проводы. Одна учительница даже подарила мне красивый шарф и написала благодарственную открытку. Мои начальницы по ESL тоже вдруг проявили теплоту и внимание. Даже разговаривали со мной сегодня. Как странно, я была там почти три месяца, и никто со мной не разговаривал, кроме той Марты, которая заказала мне портрет, а потом сказала, что не хочет его, если я сделала чёрные волосы. А сегодня всё было наоборот. Все говорили со мной, все

хвалили меня, а Марта смотрела волком и страшно злилась. Нет, я решительно не могу понимать людей. Хотела отменить урок с русскими девочками завтра, но обе заныли, чтобы я этого не делала. Хотя заниматься со мной. А мои собственные дети не хотят. Так что сегодня весь вечер сочиняла им историю про Толстого (продолжение), а потом написала и про Диккенса, потому что хочу дать им понятие о всемирной культуре. Кроме меня, похоже, здесь им никто про Диккенса не расскажет.

Встретила утром на автобусной остановке Коло. Художник, которого когда-то встретила на улице и которому даже однажды помогла с работой. Стали разговаривать. Спрашивает: Как поживаете? Я говорю: "Да всё уехать хочу". А он говорит: "Чем занимаетесь?". Я: "Работаю, читаю". И так мне хотелось поделиться с кем-нибудь тем, о чём читаю, что начала говорить: "Ты знаешь, я сейчас читаю...". И я не успела даже договорить, как он присел и зажал уши руками. Так и Митя, когда я спросила его, не хочет ли он послушать, что я написала для детей про Диккенса, сказал: "Нет, не хочу". Я становлюсь настоящим учителем. Я и раньше понимала, что настоящие учителя это те, у которых либо нет детей, либо неудачные дети. Парадоксы, парадоксы.

10 июня 1997

Сегодня у меня почти полный выходной день, если не считать урока в 7 вечера с Харвом, если он соизволит прийти. У меня почти не осталось учащихся. Только Хайди, Харв и Джон, да Диона. Ещё, конечно, есть мои новые русские дети. Всё это в основном для души, а не для заработка. Русские вообще не платят и, видимо, не будут платить. Шири решила, что больше не будет заниматься русским. Мне интересно, что будет с ней, потому что я никогда раньше не встречала такого поклонения со стороны родителей. Родители Ширы буквально поклоняются ей. Они всегда говорят с ней в тоне вопроса, т.е. будто бы она всё знает, а они нет. Мать так даже часто и говорит прямо: "Шири знает, а я не знаю". Я, правда, помню, что я наблюдала такое отношение к детям со стороны неграмотных родителей к детям, которые учились, но родители Ширы сами пооканчивали университеты. Что это? Опять притворство, опять что-то прячется за этим?

Так что я почти без работы, если учесть, что нет больше школы и отель скоро закроют. Что тогда мне делать? Я никуда не подхожу по их меркам, кроме университета и школы, а туда тоже не подхожу, потому что нет их бумаг.

17 июня 1997

Сегодня вторник, мой выходной. Один из немногих полных выходных, когда даже нет уроков. Было бы хорошо, если бы мне платили за выходные, как это было в СССР. Но нет, здесь никто не платит за выходные таким, как я.

Сейчас, пока Митя дрыхнет, хочу писать мой рапорт для друзей и грядущих поколений. Не знаю, будет ли кто читать, но мне это не так уже важно. Как написано в учении Тао-Цы: "Сделай своё дело и забудь об этом".

Не знаю, что и думать. Мало того что у меня в жизни сплошная неопределённость была, так сейчас особенно, потому что есть угроза закрытия отеля, и нет уроков, нет школы. И ещё какие-то тучи сгущаются надо мной. Живя в России под коммунистами, как сейчас принято говорить, мне было ясно, что надо бояться КГБ. Это было ясно, однако как я ни боялась, а говорила везде всё, что думаю. Страдала ли я от этого? Когда я была там, мне казалось, что за мной держится репутация нелояльности. Так оно, видимо, и было. Однако ничего особенно плохого со мной не происходило, кроме того что однажды, когда я хотела поехать в Бразилию, мне в коридоре мимоходом мой начальник с улыбкой понимания сказал, что "мы таких, как ты, не выпускаем из страны". Я тогда обиделась, но не очень, потому что всё было ясно, потому что этот начальник

сам не верил в правильность таких действий, и в этом смысле мы были вместе. Здесь же всё скрыто и все лгут так, что никогда не поймёшь, что же тот или иной человек думает, или что то или иное событие значит.

Это было 13 число и пятница. Наша начальница, Френ, на «летучке» сказала, чтобы мы были осторожны, потому что, мол, чёрная пятница. И точно. В конце дня она сказала мне, что нам нужно поговорить. Я сразу поняла, что будут «чистить». Меня ещё ни разу не чистили, но вот пришло и моё время.

Они угадали мою самую слабую черту, но как, не знаю, потому что я никогда не показывала себя с этой стороны на работе. Они написали бумагу (Пеги и Джейк-клерк), что я однажды кричала (визгливо) в коридоре отеля на публике. Это так меня шокировало, потому что я прекрасно помнила наш разговор с Пеги, когда она вдруг позвала Джейка. Это было в убираемой комнате, и Джейк сказал мне спасибо, что я делаю эту комнату вне очереди, как он просил Пеги передать мне. И вдруг Пеги сказала ему, что я не хотела убирать эту комнату. Я сказала, что это неправда и что я не хочу это обсуждать сейчас, так как у меня нет времени и я должна убирать комнату. Тогда Джейк вдруг сказал мне строгим голосом: «Пеги просто просила вас убирать комнату». Я ответила: «Я знаю, и я убираю». Он ушёл с оскорблённым видом. Почему? «Ты, Сократ, рта не можешь открыть, чтобы кто-нибудь не почувствовал себя дураком рядом с тобой». Так и получилось после всех выходных, проведённых в волнениях и слезах, я встретила Джейка и спросила, почему он так сделал? Почему он написал бумагу, что я кричала при гостях? Тогда он сказал, что действительно я не кричала – и это правда, и что гостей при этом не было, но всё равно это неуважение к начальнику (он имел в виду Пеги, с которой я вообще не разговаривала). Тогда я с горечью произнесла фразу, за которую, видимо, ещё поплачусь: «Это бумеранг, Джейк». Он раскрыл рот и спросил меня: «А что такое бумеранг?». О, Господи, выведи меня отсюда.

Я всё вспоминаю фильм «Шиндлерс лист», так вот там немцы заставляли евреев чистить снег, и диктор говорит: «Им было приятно видеть это. Наконец-то они чистят снег!».

24 июня 1997

Благодарение Богу, мы живы. Вчера было землетрясение. И опять я сидела за столом, как все прошлые разы, на том же самом месте. Это случилось во время моего обеденного перерыва, в 12.15, по шкале 4,9 балла. Говорят, это самое сильное здесь с 1965 г. Ну, если это самое сильное, тогда можно жить. Я сначала почувствовала, что мой стул движется, и как в прошлый раз, думала, что это мои звери, хотя никто из них не мог так двигать мебель. А потом я посмотрела на Митю, который сидел за столом напротив меня, он тоже осматривал свой стул, и тут же я увидела, что книжный шкаф шатается. Страшно, но опять сразу же мысль: нет, это ещё не наш конец. Всё это длилось меньше минуты (для нас), хотя по показаниям приборов – дольше. Маруся была в своей квартире и ничего не заметила.

Маруся купила попугая за 200 долларов. Зеленый с красным клювом, как покрашенный. Назвали его в память о Высоцком Додо. Она купила для него ветки, простые ветки с дерева. «Здесь всё чьё-нибудь, нельзя даже ветку срезать с дерева, чтобы в полицию не отвели. Порядок». Да, мы были безмерно богаты, это было, как в наших патриотических песнях – мы были хозяевами нашей земли. Это чувство богатства сделало нас испорченными, капризными, надменными – вот и потеряли. Однако осталось это чувство свободы, за которое теперь новые поколения начнут новую борьбу, но, надеюсь, с учётом старых ошибок и потерь.

Вчера ходили с Митей в кафе-бар слушать Чака. Митя не хотел, но я приказала. Говорю: «Привыкай ходить с матерью, у которой нет никого, чтобы ходить,

а одна она не может”. Подействовало. Пошёл. Это его первый выход в злачное заведение. Я думаю, что ему было интересно. Атмосфера здешних джазовых кафе и ресторанов очень хорошая, интересная и артистическая. В середине вечера за соседний столик сели двое и начали играть в шахматы. Этакie интеллектуалы. Учёные или инженеры, ну просто как Миша О. или Сева Р., или просто как мой Валерик. Было больно осознать, что теперь я встречаю таких людей только издали, случайно, что они теперь за пределами моей жизни. Я в том круге ада, где необразованные хорошие и бедные, или необразованные – но пошлые и богатые. Было больно до тех пор, пока не пришла мысль о том, что всё это суета сует, и что все люди, в конечном счёте, одинаковы. Эти игроки шахмат привлекли Митино внимание, и он даже подсел к ним, разговорился. Как видно, то, что мы русские, нравится некоторым умникам здесь, тем, кто смыслит что-нибудь. Спросили его, можно ли купить в Москве кубинские сигары, и Митя с видом знатока ответил, что в Москве всё можно купить. Теперь это, возможно, и так, но теперь люди не хозяева страны, а только хозяева своей лавочки (в лучшем случае).

9 июля 1997

Что случилось за эти дни? Во-первых, я ездила к Дерiku в Портланд. Всё больше и больше я убеждаюсь, что мне с ним так хорошо, как ни с кем никогда не было. В этот раз он приехал за мной на машине родителей, и мы поехали в Такому на день рождения его внука Алекса, которому в этот день (30 июня) исполнился годик. Родители Дерика уже приехали и остановились в их любимой гостинице. Кругом дороги, мосты, заводы, трубы, грузовики. Но гостиница хорошая. Мы заехали сначала туда. Так как мы знали, что на приёме у Хедер не будет ничего, кроме сладкого, мы пошли в ресторан в гостинице. Дерик не ел, а заказал еду только для меня. С тех пор как он утвердился на этой работе и стал получать неплохие деньги, он совершенно переменялся ко мне, и теперь я не переживаю, когда он платит за меня, и, похоже, он не переживает, когда платит за меня. Поели и, взяв Мориса, поехали к Хедер.

Ни Дерик, ни Морис не знали адреса, только приблизительно место. Когда приехали туда, то мне показалось, что будет невозможно найти дом Хедер среди одинаковых бараков, множество которых предстало перед нами. Однако Дерик начал кругами (его любимое дело) ездить вокруг этих бараков и искать машину Хедер. И нашёл. Поразительно. Америка – страна машин. Их личность – их машина, их адрес – их машина.

Квартира, которую Хедер и её муж Джейсон снимают сейчас – жалкая конура из 3 перегороженных помещений, которые они называют комнатами. Дом барачного типа с входом прямо в комнату, без порога и без прихожей. Потолки такие низкие, что мой Митя, возможно, должен был бы согнуться.

Очень унылое окружение: ни деревьев, ни площадок для детей. Хуже, чем у нас было в Чертаново, в сто раз. Я такие дома в России видела только на строительных площадках, да ещё в 50-е годы около «Динамо», да и то это были кирпичные бараки, а эти сделаны из картона. Но вот что интересно, у каждого барака стоит по несколько машин – и дорогие машины. В квартире сплошные коробки, ящики, страшно неудобно. Мне пришла в голову мысль, что я нахожусь в юрте кочевников, особенно когда я смотрела на Колина: (два месяца от роду, второй сын Хедер), спящего в подвесной люльке посередине так называемой гостиной (комната, которую у нас называли бы прихожей).

Понаехали родственники. Кроме родителей Дерика, которые приходятся Алексу и Колину прародителями, приехали мать и бабушка Джейсона, были Анжелика и её жених Джастан. Была Мелиса – сестра Джастана, очаровательная девочка с ясными глазами и доброй улыбкой. Она настоящая маленькая мама,

как назвала её Шурли (мать Дерика). И правда, я просто не могла налюбоваться, как она ухаживала за Алексом, и Алекс радовался ей больше, чем Хедер. Мать Джейсона весьма импозантная дама с выпуклыми голубыми глазами и веснушчатый белым лицом. Полна жизни и юмора. Моложе меня на 5 лет, но выглядит старше меня, что было мне лестно. Все они навезли такое количество подарков, что гостиная буквально загромодилась новыми коробками. Несколько машинок с телефонами, пищащими профессиональными голосами сотрудников сервиса, огромное количество одежды исключительно одного размера и, как я заметила, весьма маленького, так что эта одежда скорее пойдет Колину, чем Алексу.

Сидели и смотрели, как Хедер разворачивала подарки, причитая всё время: “Алекс, Алекс, смотри, что тебе подарили!”. Подарки раскрывались и не называлось – от кого, возможно, такой здесь обычай. Я сидела среди этих кочевников, и мне было очень хорошо. Так, возможно, чувствуется среди непритязательных и непривязанных к земле людей. Я так подробно описываю всё это потому, что мне хочется повторить эти ощущения. К тому же это был какой-то переломный момент в моём отношении к семье Дерика. Когда после всего мы поехали в Квинту, я сказала Дериду: “Как это смотрится, что я твоя подруга, как они меня называют, и я почти ровесница твоей матери?”. Дерик ответил: “Так или иначе, но ты уже часть нашей семьи”. Да, мы так встречаемся уже 8 лет. Они простые, хорошие люди, и никогда ничего не хотели от меня, кроме того чтобы я чувствовала себя хорошо среди них. Они не обсуждают никого, они не разговаривают почти совсем, они просто сидят и смотрят вокруг, если не едят и не пьют, и не едут куда-нибудь на машинах. По дороге в отель Морис (отец Дерика) вдруг вспомнил, что оставил свой фотоаппарат у Хедер. И как Дерик ни хотел ехать назад, но нам пришлось, потому что Морис выразил страшное беспокойство по поводу аппарата. Мы поехали обратно, но с трудом нашли дом Хедер, потому что не было её машины – они уехали куда-то после нашего ухода. Вот так номер! Опять чисто американский стиль жизни – они взяли двоих грудных детей и поехали, видимо, в ресторан. Дерик был ужасно расстроен тем, что обе его дочери – и Хедер, и Анжелика – не сказали ему ни слова и даже уехали, а потом и не звонили, а им мы не могли позвонить, так как они ещё не включили телефон. Он был так расстроен, что весь следующий день в Портланде был испорчен. Он плакал слезами по поводу несправедливости жизни и неблагодарности детей.

16 июля 1997

Вчера произошёл интересный и весьма характерный случай. Дима когда-то подарил Мите свой старый телевизор, но как это и водится за Димой, телевизор оказался испорченным. Я сказала Мите, что он должен вернуть его и не морочить голову. Но Митя, разумеется, упёрся как баран, как же это так, как он может расстаться с огромным современным телевизором, даже если последний ничего не показывает. Митя решил починить устройство для выхолащивания мозгов. Однако ничего не делал для этого, не звонил по мастерским, не приглашал мастера, даже не двинул эту махину с места в углу его комнаты. В конце концов я стала требовать, чтобы он выбросил телевизор. Митя упирался, и вот, наконец, вчера он пригласил нашего нового работника (в нашем доме), этакого симпатягу Фрекса, чтобы тот посмотрел и посоветовал, что делать с ТВ. Митя пригласил его не потому что знал, что Ф. мастер по электронике, а просто потому, что тот высокий, сильный и симпатичный. Митя очень хороший в душе мальчик и так тянется к высоким и сильным, не понимая, что они-то, как правило, и есть самые мерзавцы. Короче говоря, этот Фрекс пришёл к нам в квартиру и сказал, что ТВ – металлолом, и надо отвезти в мусор. Я сказала, что Митя делает это сам. Но Фрекс, такой добренький, предложил отвезти ТВ за нас. Через пять минут он был у нас с тележкой, а через полчаса отвёз ТВ к себе домой,

а ещё через час сказал нам, что починить его будет стоить 240 дол. Я сказала, с тенью сомнения в правильности того, что делала, чтобы он забирал себе этот ТВ, что я всё равно не имею 240 дол. Митя робким голосом сказал ему: “Может быть, ты дашь мне взамен свой ТВ”, на что Фрекес ничего не ответил. Когда он ушёл, я набросилась на Митю за то, что он клянчит ТВ, что так и выглядело. А выглядело это так только потому, что Митя понимал, что он отдаёт ТВ, который стоит порядка 600 долларов, и не получает ничего взамен. Я ругала Митю за неблагородное поведение, а сама думала: «А что же на самом деле происходит? Почему этот человек так быстро и так хитро нас обошёл?». Но сама сказала Мите, что пусть это будет ему урок, как не надо затягивать свои дела и перекладывать их на других. Однако всё повернулось иначе.

Вечером мне позвонил Джордж – это тот самый новый менеджер, с которым не поладила когда-то Джуди. Он чех, и никогда не улыбается и не льстит, но видно – неплохой и честный человек. Так вот он мне звонит и спрашивает, почему я решила выбросить такой дорогой телевизор? Я честно призналась, что, во-первых, потому, что ненавижу телевизионные передачи, а во-вторых, не могу всем этим заниматься, что нет денег на ремонт. Он долго и старательно объяснял мне, что это не стоит 240 дол., а только 100, и что этот самый Фрекес натурально обманул меня. Под конец разговора мы решили вернуть ТВ. Сегодня утром наш «добрый приятель» Фрекес вернул ТВ. Я извинилась, чувствуя свою вину. А позже мы с Митей ехали в лифте с Джорджем, и он сказал нам, что Фрекес больше не работает здесь. Интересно, что у меня оборвалось сердце, хотя я практически не знала его. Вот так я ещё не могу привыкнуть, когда вот так стреляют в людей. Потом к нам пришла Бренди, жена Джорджа, и долго объясняла, что это не наша вина, что этот самый Ф. не очень честный и что он никогда не делал так, как говорил ему Джордж. А Джим, которого я спросила про Фрекеса, сказал, что это правда, что он не делал так, как ему велел Джордж, но делал по-своему и хорошо. Главное – послушание. Но правда и то, что меня он-таки хотел обмануть с этим чёртовым ТВ.

18 июля 1997

Были на Сашиной свадьбе. Поехали в место, где живут её родители. Деревня. У въезда камень, наподобие могильного, с названием местечка – Пристон – основан в 1859 г. Педро добавил: “Население – 5 человек”. И правда, глухое, но прекрасное место. Жить – скучно. У Сашиных родителей (Дана и Майкл) дом, сарай, лошади, волк, собаки, гуси, кролики. Майк – типичный ковбой. Однако (как я и думала, что если настоящий ковбой или настоящий матрос, иногда и есть настоящий джентльмен), поцеловал мне руку по всем правилам при знакомстве. Это впервые в Америке. Потом я наблюдала его во время свадьбы – широкий человек, джентльмен прерий. Саша очень толстая, Дана тоже. Поехали в какой-то сарай, как они его назвали, дом встреч. Там была свадьба. Едем в машине. Дана за рулём, мокрые волосы, выглядит как будто бы только что из постели. Рядом сидит её бабушка! Подтянутая, сухопарая. Проезжаем плакат, на котором написано, куда ехать на свадьбу. Бабка спрашивает Дану: “Ты получила разрешение повесить это, а то придут и арестуют”. Я не запомнила, как зовут эту старую женщину, а называть её бабкой как-то нехорошо. Я провела с ней весь вечер и могу сказать, что это было безумно интересно.

Когда свадьба начиналась, у неё были холодные руки, а после того как мы танцевали с ней, пили шампанское и без конца смеялись, её руки стали теплыми. Я старалась убедить её начать писать книгу.

“Зачем? – спросила она. – Вы думаете, моя жизнь интересна?”. “Да, думаю, что всякая жизнь интересна, а судя по всему, ваша особенно”. – “Я смогу продать свою книгу?”. – “Я думаю, сможете, но не это главное, главное – процесс. Повторить жизнь”. – “Зачем повторять, например, если я была в тюрьме? Зачем мне опять проходить это?”. Этот её вопрос был несколько

неожиданным, но и доказал, что я не зря заинтересовалась ею. Потом говорит несколько горько: “Мне бы встретить вас лет 20 назад”. Мне после этих слов даже нехорошо сделалось, будто и вправду мы с ней упустили что-то. Или послал Бог нам эту встречу для чего-то?

После того как я приехала домой со свадьбы, решила пойти прогулять Марусиных собак. Думаю, это не страшно – две огромные собаки. Вышло наоборот. Встретила (это было около полуночи) на перекрёстке одного гангстерски одетого мальчика (чёрный), ребёнок с испуганными глазами. Увидел моих собак и вытащил из кармана револьвер. Я глазам не поверила, не испугалась, а просто говорю (по-русски): “Не бойся, они не кусаются”. И мы прошли мимо. И только потом я подумала, что могло бы кончиться плохо.

23 июля 1997

Сегодня мой выходной, и я могла бы спать, но не могу: всё думаю, как мы будем с деньгами после октября. Молю Бога, чтобы мне дали работу в школе. Я прекрасно теперь понимаю, что никогда не была способна ни к чему кроме учёбы и учения, а это означает “вечный студент”, и таких на работу не принимают, таких за версту чуют. В России меня спасала система. Здесь меня боятся, а зря, потому что я, в принципе, любую работу могу выполнять хорошо, но думать буду продолжать как поэт и философ, а вот этого никому и не надо. Зачем осложнять жизнь и без того сложную.

Вот ещё один пример разницы между русскими и западными людьми. Читаю письма Сартра. Он писал их в 1940, будучи на войне (якобы). Я уже прочитала, может быть, 100 писем, и все они наполнены пустыми сведениями о его пребывании в каком-то месте с какими-то людьми, причём всё так хитро написано, что нет, абсолютно нет никакой информации даже о его чувствах к адресату (якобы любимой женщине). Только о том, что он читает, просто названия книг, никаких мнений. Ещё просит прислать денег и книги. Много о его проблемах с другими женщинами, он делится с этой Симон всеми своими любовными приключениями (приключения выражаются только в постельных отношениях с той или иной дамой и проблемами между ними, когда они узнают о его двойной или тройной игре). Ни слова о политике и ни слова о войне.

Сначала я думала, что он просто неинтересный человек, но ведь это же Сартр, который имел такое большое влияние на современную философию, поэтому продолжаю читать. И вот к какому я выводу пришла. Кроме того что его философия есть просто утверждение животного существования и апофеоз безысходности, в этих письмах я почувствовала ту дисциплину, с которой мы, русские, никогда не могли смириться. Это дисциплина молчания. Эти военные письма написаны под цензурой, и Сартр пишет ни о чём. Он пишет пустые слова, действительно пустые, и мы чувствуем сострадание к цензору, которому явно скучно читать эту галиматью.

Вспомним Солженицына с его письмами, тоже с фронта (настоящего, а не с фронта в кафе). Русский человек не мог сдержаться и не писать что-нибудь, а не ничего. За что и пострадал, потому что дал работу цензору и органам притеснения, а иными словами – дал предлог считать себя нелояльным государству.

А с русскими вообще ужас какой-то. Только здесь я увидела и поняла, что это правда, чему я не верила раньше и считала это русофильским бредом, то, что Запад как огня боится русских. И теперь, когда я слушаю по радио, как они с восторгом сообщают о проблемах, которые русские имеют с их космическими делами, я не верю, что это проблемы русских, я верю, что это саботаж. Здешняя жизнь приучила людей бороться за рабочее место, как за свою жизнь, а это значит, как писала Марлен Дитрих в своих письмах, что они ни перед чем не останавливаются, только бы сохранить свою работу и не отдать её более талантливому и способному. Врачи отрывают здоровые ноги и вырывают здоровые

зубы, полиция и суд гоняются за невинными и безобидными с гораздо большим рвением, чем за действительно опасными преступниками, которые платят им существенную мзду, пожарные поджигают сами, механики портят машины, если им доводится прикладывать к ним руки, и т.д. и т.п. Раньше, не знаю почему, я не допускала такой мысли просто из соображений логики: зачем, мол, хозяину такая система, ему лучше иметь способного работника, чем лентяя и дурака. Ан, нет, есть другая логика: лучше иметь лентяя и дурака, но раба. Это рабство в чистом виде. Итак, я попала в рабство. И это не шутка.

31 июля 1997

Сегодня в отеле со мной произошёл уникальный случай. Когда ехала в лифте после обеда на свой этаж, чтобы продолжать работать, на 5-м этаже в мой лифт буквально запрыгнули две девицы. Таких я видела не очень часто, только на улице, где Марусин магазин и где знаменитое место сборищ всяческих человеческих отбросов (в России это, кажется, называли “плешка”). Так вот эти девицы имели совершенно необычное поведение, они двигались как на шарнирах, их конечности буквально разбрасывались в разные, некоординированные стороны. Они походили на марионеток, которыми вдруг перестали управлять артисты, а играют маленькие дети, не знающие, за какие верёвочки дёргать. Они принесли с собой в лифт ужасающий запах: не то перегорелая трава (марихуана), не то ещё что-то посылнее. У меня моментально заболела голова и начало жечь в носу. “Вот это да!” – подумала я и вышла на 8-м этаже. К моему ужасу, они выпрыгнули вслед за мной, начали бегать по коридору и искать выход. Когда они, наконец, нашли лестницу и убежали, моё состояние ухудшилось. Стало немного подташнивать и тяжело дышать. Пошла в комнату убирать. Думаю, что за две минуты выдыхания какой-то гадости можно и умереть, если верить разным детективным историям с отравлениями. Открыла окно, подышала и стало легче. Совсем прошло потом, после трёх часов работы. Встретила внизу нашего менеджера Майка. Рассказала ему эту историю, не говоря, что за запах был, так он наивно меня спросил: “А что, от них пахло алкоголем?”. Мне вот интересно, зачем они (американцы) так часто придуриваются? Ведь он прекрасно знал, что это был за запах. Я видела, когда лифт открылся, чтобы впустить девиц, что они выскочили из комнаты, в которую вошёл Майк, видимо проветрить комнату, так как очевидно, что про этих девиц уже ему доложили.

Митя сегодня ходил с русскими, которые живут у нас в доме, помогать им с оформлением документов на поездку в Канаду. Эти русские – женщина Оля с двумя детьми и мужем, современные капиталисты из Владивостока. Вчера они были у меня, и она плакалась, что им трудно жить: “Вот я вкальваю день и ночь, а получаю 100 долларов в месяц. Ну скажите, кто может прожить на такие деньги?”. А сегодня Митя сказал мне, что в анкете она написала, что везёт в Канаду 30 000 долларов просто на покупки.

Скоро в Штаты будут приезжать богатые русские, и американцы ещё больше начнут нас не любить. И скоро не останется интеллигенции. А зачем она нужна? И зачем нужно образование, когда рабский труд лучше без образования. Образованные рабы не нужны, это чревато социализмом. И вот что я подумала: Мы, я имею в виду моё поколение, это чистый продукт социализма, и когда-нибудь наши воспоминания будут так же интересны, как воспоминания Геродота или Плутарха о Спарте, Афинах или ещё каких-нибудь уникальных обществах, уникальных и неповторимых.

Ещё вчера у меня была Лиана с матерью. Обе пришли поделиться своей бедой после того, как я рассказала Лиане про то, как Дмитрий забирал у меня Митю. Когда я рассказывала, я плакала. Лиана ничего не сказала в тот момент, а потом пошла домой и позвонила мне, что хочет привести маму. Они пришли, сели за стол и начали горько плакать. Было ужасно. Я тоже разрыдалась. Это

была ещё та сцена. А дело в том, что, как здесь со многими иммигрантами случается, их отец вдруг решил, что его жена, которую он 20 лет держал дома за домработницу, должна немедленно идти на работу. И это в Америке, где (он это прекрасно знает) такой женщине остаётся только мыть полы. И ко всему, они говорят, что он бьёт их обеих, а младшего сына (6 лет) хочет забрать. Вот так. Как по нотам. И ещё есть точно такая же семья одной моей маленькой русской ученицы Елины (Ясная Поляна – моя русская школа). Её отец (страшный урод) привёз в Штаты семью только для того, чтобы развестись здесь и вызвать свою любовницу из России. Вот так. И никакой Достоевский не может быть трагичней.

8 августа 1997

Получила странное письмо от Гали и Вити. Опять надо доказывать, что я не верблюд. Они объясняют мне, что я не должна уговаривать людей любить Россию. Как странно. Я не уговариваю никого.

Самое главное! Сегодня позвонила Леночка и сказала, что вроде бы Дима в таком конфликте с его женой, что ему негде спать. А на обеде у Маши, когда отмечали её день рождения, Дима не смел смотреть в мою сторону, но я чувствовала, что он какой-то виноватый и вроде готов примириться. Ещё в этот вечер появилась Реббека. Это мать Хедер. Той самой, из-за которой Маша не закончила вовремя школу. Я помню, как эта самая Реббека приезжала за 15-летней Марией и брала её по ночам в рестораны, даже не спрашивая меня. И вот пришла теперь. Вульгарна. Грудь полуоткрыта. Но довольно притягательна и весела, и по-своему честна, напоминает Таню, мою соседку по Москве. Маше нравится всё вульгарное и открыто грубое. Она находит, что это лучше фальши. Она права, но и сама станет вульгарной. А в чём же тогда права? Я тоже, помню, искала друзей среди шпаны, но больше одного дня не могла быть с ними, да и они меня вытаскивали. Я сидела и смотрела на своих детей, как они говорили с их отцом. И мне было и приятно, и больно одновременно. Приятно, что всё-таки они имеют отца. Он любит их, они любят его. Я сохранила это. И эта женщина. Реббека. Эти два человека продолжают забирать моих детей. И теперь я даже не борюсь против этого. Это их выбор. А сейчас, например, Митя побежал к нашим новым соседям, у которых большой датский дог. Весьма вульгарные люди. И Мите тоже начинает это нравиться. Ничего не поделаешь.

12 августа 1997

Сегодня с утра пошла с Бимом в парк на набережной. Встала в 7 и вышла в 8. Так замечательно. Всё-таки утро, раннее утро, когда и город в тумане, и кажется, что это мираж. А море и небо сливаются в одно перламутровое мягкое сияние. И воздух! Самое замечательное ранним утром – это воздух. Даже около моего дома утром пахнет морем, а уже после 10 пахнет уборной. Весь Сиэтл пахнет уборной, потому что по непонятным причинам здесь нет общественных туалетов, а бездомных больше, чем туристов.

Бим прошёл весь длинный путь туда и обратно без жалоб и останавливаний. Замечательный пёс. Может быть, у меня появился компаньон для ранних прогулок. Митю и домкратом не поднимешь. Однако обещал завтра пойти.

26 августа 1997

Так как 20-го я была с Дериком в разъездах, я не успела получить свой чек (зарплату), так вот ещё вчера этот чек не пришёл по почте, тогда как обычно в таких случаях приходит на следующий день. Пошла жаловаться к девушке, которая ведаёт этими делами. Высокая блондинка (значит, ума нет), сказала, что отправила 20-го и теперь не отвечает ни за что. Пошла к главному менеджеру. Это новый и зовут его Крис, говорит: “Это была ваша обязанность получить чек вовремя, теперь сами на себя пеняйте”. Я была до того поражена, что чуть не

заплакала при нём. Только встала и сказала: “Ну хорошо, извините меня за мою ошибку, хотя я знаю, что в других местах в таких случаях немедленно извиняются и выписывают новый чек. Теперь я буду знать, как в нашем отеле обращаются с людьми”. Сказала так и ушла домой плакать. Плакала не потому, что не пришёл чек, а от глупости и грубости, с которыми, по своей глупости, снова встретилась. Маша, когда услышала эту историю, в ужасе сказала: «Мама, тебя же уволят. Ты без конца жалуешься. – А потом добавила: – Здесь жаловаться могут только богатые и через адвокатов, поэтому здесь адвокат всегда член семьи». Это правда. А мои друзья из Москвы никак не могут понять, что я имею в виду, когда говорю, что мы жили свободно по сравнению со здешней жизнью. Здесь можно жаловаться и свободно высказываться только наедине с самим собой, поэтому здесь так много, поразительно много людей, разговаривающих сами с собой на улицах и в автобусах.

Однако моя жалоба возымела некий успех (правда, может быть, как здесь водится, вслед за успехом последует увольнение): вчера же вечером, позвонил Крис и сказал, что они выписали мне новый чек. Надо же было сначала меня довести до слёз.

31 августа 1997

Пережила очередной шок со своими начальниками в отеле. История с чеком имела последствия. Вот так здесь всё – сначала улыбаются, а потом толкают в спину, чтобы ты упал. Хорошо что меня только толкают, а то бывает и нож воткнут. В четверг, когда я после моих выходных вернулась на работу, мне дали выговор с записью в личное дело за грубость по отношению к девчонке, которая, как оказалось, не наклеила марки на 15 чеков (все вернулись), она вроде бы бухгалтер. Крис выговорил мне перед Френ и Большим Джимом (я зову его Геринг, такой он немецкий и толстый), мол, ему доложили, что я ругалась (интересно, какими словами и на каком языке) и требовала свой чек, а я должна была разговаривать тихо и спокойно. Пришла домой после этого, легла на кровать и часа два рыдала.

2 сентября 1997

Конечно, история в отеле меня очень расстраивает, но происходит ещё много другого и печального, и интересного. Прежде всего 30 августа (это была суббота) ко мне пришли мои подопечные русские Оля, Саша и их дети (их фамилия Пащенко, видимо, мне ещё предстоит общаться с ними). Я спросила Митю, считает он их интеллигентными людьми или нет, на что Митя ответил: “Они рабочие. Не бойся, я не дурак”. Короче, пришли ко мне Пащенко, и я хотела включить для их детей видео. Однако, конечно, забыла, какие кнопки нажимать. Вожусь с кнопками, а тем временем идёт программа и показывают принцессу Диану. Я думала, просто про неё, как часто бывало раньше. И вот до такой степени не слушаю, что когда Саша вдруг спросил меня: “А что, она умерла?” – ответила, что нет. Но посмотрела на экран и увидела слово death (смерть). Было так странно видеть это слово. Я начала слушать, но и тогда и сейчас не могу поверить, что она погибла. Это второй раз в моей жизни смерть незнакомой популярной личности тронула меня лично. Так было с Кеннеди, и теперь. Смерти Гагарина, Высоцкого, Окуджавы не считаю, потому что их жизни были моей жизнью, и я не считаю, что они были чужими. А вот эту принцессу я никогда не знала и не думала о ней. А теперь не могу без слёз смотреть телевизор, когда показывают цветы, которые лондонцы складывают в Вестминстере, американцы около британского посольства в США и т.д. Удивительно, как быстро исчезают добрые звёзды. Она была явно добрым и необычным человеком. Сегодня я слышала: «Королевская семья никогда не восполнит потерю и никогда больше не будет такой, как была при ней».

У меня в отеле чёрные женщины особенно горевали о ней в первый день. По ТВ показывали совсем простых людей с улицы, и можно было услышать такие слова о ней: “Она интересовалась маленькими, простыми людьми, их нуждами и страданиями. Мы видели слёзы на её глазах. Она была народная принцесса”. Как интересно, что такие же слова я слышала, стоя в очереди к телу Высоцкого. Надо видеть, сколько цветов в Лондоне на улицах. Говорят, что ожидается 2 миллиона людей на процессии. Будут показывать в субботу.

Но эти стервятники, которые кормятся с людской страсти к подглядыванию в замочную скважину, эти так называемые фотографы, они замучили всех здешних знаменитостей до такой степени, что сейчас против них началась настоящая война. Интересно, надолго ли? Фотографии с места аварии, сделанные стервятниками, уже куплены и опубликованы немецкой прессой, хотя и англичане и американцы заявили, что объявляют бойкот фотографам, сделанным руками в крови. Это было благородно, но надолго ли? Уже сегодня и вчера не было слышно о “маленьких людях” и не было слышно “маленьких людей”. Смерть народной принцессы опять становится средством наживы и развлечением для богатых и сильных мира сего.

Теперь немного назад, в ту субботу, к русским. Эти русские приехали в Америку, чтобы перебраться в Канаду. У них нет никаких шансов, однако они надеются.

Жалея меня, когда случилось такое со мной в отеле, видя мои слёзы, Оля проговорила и сказала мне, что советует найти другую работу, получив фальшивые документы об окончании университета в Америке. Вот это да! Она даже телефон дала. Говорят, что они делают любые документы. И вот я думаю, что если так свободно можно к ним добраться (Оля проговорила, но у них есть телефон), это означает, что их невозможно засечь, это означает, что они связаны с американцами такими узами, что им нечего бояться. Я думала об этом ещё когда потеряли документы Маши в иммиграционном управлении, когда не ответили, совсем проигнорировали мои жалобы. Интересно, что будет с моими русскими? Посмотрим, если, конечно, они не отойдут от меня, видя мой характер. Все жулики откальваются моментально. Эти же наоборот прилипли и не отлипают. Жили они на какой-то квартире, но дорого платить. Пришли ко мне. Но я не смогла ничем помочь. Официально везде сдают не меньше, чем на 3 месяца, а они хотят (пока, а там видно будет, говорит Саша) только на месяц. И вдруг звонят опять и говорят, что встретили буквально на улице какую-то американку по имени Диана (совпадение), и что вроде бы она имеет квартиры. Просят позвонить. Звоню. Диана через двенадцать часов нашла им комнату у какого-то китайца. Едем с ней к китайцу. Ему 82 года, совсем не говорит и не понимает английский, живёт здесь больше 25 лет и очень богатый. Вот так. На университетской улице у него несколько ресторанов, которые содержатся его детьми.

Приехали. Дом вонючий и тесный, везде навалено, посредине гостиной стоит настоящий алтарь, увешанный красным шёлком и заставленный тарелками с фотографиями на них. На одной из тарелок – его усопшая жена, а на другой – ещё ныне живущая жена Чан Кай Ши, которого наш китаец якобы знал лично. Диана говорит по-китайски с ним, переводит на английский, а я перевожу на русский для Пащенко. Смех. Мои Пащенко даже алфавита английского не знают. Видимо, будут так же, как этот китаец. Когда мы входили в его дом, он моментально взял руку Саши и сказал, что его ожидает большое богатство. Потом он то же самое сказал Сашиному сыну Серёже, а наши с Олей попытки получить гадание о предстоящей судьбе остались без внимания, он буквально игнорировал нас. Диана смеётся: «Только мужчинам». Диана немного чокнутая, но мне бы хотелось узнать её поближе. После того как мы утрясли дело о квартире для Пащенко, все вместе поехали к Диане. Надо видеть её квартиру. Везде валяются разные вещи, одежда, бельё, видеокассеты, книги и т.д. На стенах нет свободного места от фотографий. Все висят криво и косообоко, и на всех

Диана в молодости. Она была когда-то (я думаю, только в школе) балериной и пела (сопрано). Она жила долго в Китае, когда была маленькой, и училась балету у какого-то Гусева (она всё повторяет, что Гусев танцевал с Улановой). Видно – обожает искусство и, как все, кто любит искусство, ценит всё русское. В её глазах я заметила ту боль раненого зверя, которую я часто замечаю у здешних людей. Такая же боль была в глазах Стефани, в глазах Дерика, Чака, Глендории и многих других. Это люди, не совсем потерявшие способность видеть и слышать, но уже хлебнувшие горя из-за этого. Не то что Тонни. Прислал мне открытку из Пенсильвании: “Какая прекрасная страна Америка и какое счастье, что мы с вами являемся её гражданами”. Особенно меня тронуло это МЫ.

12 сентября 1997

Опять неприятность в отеле. Пеги пришла ко мне на этаж и говорит сладким голосом, полным яда: “Вот этот мусор я нашла за комодом в 803-й комнате”. Ну и что я могу сделать, хотя и знаю наверняка, что это враньё. С тех пор как она появилась, нет покоя. И уговариваю себя, что в крайнем случае продам всё и уеду в Москву, а потом спрашиваю себя: “А кому я там нужна?”. Но не могу жить без надежды, что кто-то поможет. Вот так и травит она меня, эта Пеги. Сегодня вспоминала, кто ещё так отравлял мне жизнь, и вспомнила. Это, конечно, моя сестра Таня. Потом мои соседи на Петровско-Разумовском. Витя, в основном (Люся была не такая плохая, сама от своего мужа-идиота страдала). Так вот, этот Витя не переносил меня и всячески старался меня ущемить.

Даже эта Пеги иногда как будто хочет расположить меня к себе, а как я только отвечу ей хоть одной улыбкой, подкладывает гадость. Теперь я боюсь, что она пойдёт опять докладывать на меня, что опять они будут мне давать выговор, а там, глядишь, и уволят. Вот ужас.

Во вторник встречалась со Стефани. Смотрели фильм Тарковского “Ностальгия”. Жуткий фильм. Страшный, но интересен бескомпромиссностью. Андрей Тарковский в то время, когда делал этот фильм, жил в Италии и уже знал, что скоро умрёт от рака. Фильм – мысли о смерти и о нашем мире, который кроме гадости и грязи ничего не имеет. И только воспоминания о России и о матери с её голосом, зовущим из никуда: “Андрей!”. Россия предстаёт как грязная дорога, и я тоже согласна «Это Россия, и так больно и сладко видеть это, когда живёшь далеко и вокруг одни камни».

Фильм умный, но некрасивый, как часто бывает у интеллектуалов без гениальности. Надо снова посмотреть его фильм «Зеркало», тогда давно мне казалось, что это красиво. Здешняя публика воспринимает подобные фильмы, как и мы их воспринимали, только с нами это было 20-25 лет назад. Мы отстали от них в технологии, они отстали от нас на 200 лет в чувствах и в понимании, в осмыслении мира. Они глухи, немые и слепы были столетиями. Русские, пережив всё, помогают им видеть. Но не всем. Многие не хотят видеть и ненавидят зрячих.

Задала Стефани всё тот же вопрос: “Почему меня даже шёпотом никто не предупредил, что в США уже давно фашизм, и нельзя критиковать, нельзя даже не улыбаться?”. Молчит. А я в ужасе начинаю понимать, как бессмысленно всё спрашивание. Они уже давно немые и глухи, как же они могли меня предупредить? Они и сами ничего не понимали.

Меня в отеле не любят, меня выгнали из Рузвельт-школы, мне не ответили на мои жалобы – ни иммиграционная служба, когда оскорбляли Машу и меня, мне не ответил суперинтендант школы Сизтла, меня третировали в предыдущем апартаменте, моих детей не взяли на работу в отель, когда таких же приняли. Почему? Я прямо спросила Френ (моя начальница в отеле, она начальница и для Пеги, но не может её побороть, видно, сама боится): “Может быть, здесь не любят русских?”. И она быстро и утвердительно ответила: “Может быть”.

Маша говорит, что она давно это знает, потому что русские не просто бедные – они враги. И это враждебное чувство никуда не исчезло, оно живёт в народе и долго будет жить, особенно при здешней постоянной пропаганде. Утром по радио слышу: "Чечня хочет отделиться. Мы взяли интервью у прохожего. Вот его голос: «А что нам русские! Мы плюём на русских!»". На этом заканчивается информация о России.

26 сентября 1997

Позавчера в моей жизни произошло очень важное событие. Я получила письмо от устроителей поэтического конкурса. Они называют мою поэму уникальной и говорят, что (может быть) опубликуют её в их сборнике поэзии. При этом они предлагают сделать заказ на книгу. И это стоит 50 дол., а если я хочу, чтобы в сборнике были мои биографические данные, ещё надо 20 долларов. Похоже, что, может быть, они всем посылают такие письма и таким образом собирают много денег. Но это всегда так, все издатели хотят нажиться. Ну и пусть. Может быть, это немного лестно всё равно, потому что не могут же они все стихи, присланные на конкурс (всемирный через Интернет), опубликовать. Так что, если опубликуют, будет здорово. Я ведь знаю, что мои стихи очень хорошие, как говорил Пуаро, если кто-то талантлив, этот кто-то знает об этом. Но как-то никогда не хотелось никого убеждать в этом. Это вопрос почти религиозный. Вопрос веры. Ни Митя, ни Маруся моими стихами не интересуются. Когда я получила это письмо, я была так же рада, как тогда, когда получила письмо с живописного конкурса и когда мой "Ангел Дерик" был выбран для экспозиции в музее. Денег это не принесло, как и сейчас не принесёт, славы тоже, просто несколько приятных минут.

1 октября 1997

Не забыть бы, что 9 октября (ох как много лет назад) у меня родился сын, и я была самым счастливым человеком на свете. Три раза это случилось. И каждый раз я была наисчастливейшим существом. Может быть, мне следовало рожать без остановки до смерти? Может быть. А пока мой младший сын лежит и смотрит телевизор. Ничего не меняется. Это не выбить никакими силами. Всегда все уроки сделаны за полчаса, и пять часов – телевизор. Я сегодня, когда ела, включила новости. И тут же услышала, что где-то районе Миссисипи в маленьком городке случилась почти книжная (по-американской литературе или кино) история. Ученик старшего класса принёс в школу ружьё и открыл огонь. Он убил свою бывшую подругу сердца и ещё кого-то, ранил 16 человек. А утром, уходя в школу, зарезал насмерть свою мать. Вот это и делает с ними телевизор. Сейчас вошла к Мите, чтобы поговорить с ним об этом ужасном случае, смотрю – у него кино на экране и, конечно, стоят против друг друга наш хороший и их плохой и собираются убивать друг друга. И так уже много лет, мой сын лежит на кровати и смотрит убийства и сексуальные картинки. И так не только мой сын – целое поколение. Медленно, но верно мы идём к какой-то катастрофе. Практически здесь уже такая катастрофа случилась. И может быть, пошло всё, как я когда-то и где-то читала, опять же из Англии. Всё хорошее и всё плохое оттуда.

Прочитала недавно интереснейшую статью в «Нью-Йоркере». Пишет какой-то тип Мак Миланс (или около этого), он англичанин и был основателем группы под названием "Sex Pistols". Название группы говорит само за себя. Так вот, в этом исповедальном опусе он описывает, как в 60-70 годы он и его приятели намеренно и старательно создавали антистиль. Как они вылезли на сцену с гитарами и другими инструментами и начали просто делать шум. Никто никогда не умел играть. Он пишет, что чем безобразнее была музыка, тем больший успех они имели. Они делали то же самое с одеждой и с их внешностью. Начали

носить, а потом и продавать в специальных магазинах рваные и запачканные вещи, вешать на себя перевёрнутые кресты, свастики, советские гербы. Всё это, как он пишет, есть возбуждение сексуальных гормонов, а также сексуальный фетишизм. Разумеется, хотя они и были изобретателями антистиля, это уже жило и развивалось в людях с давних пор. Это и есть падение.

Позавчера отец одного моего ученика из Брайн-школы, где мне дали снова 10 часов репетировать детей, позвонил мне по поводу своего сына Ильи. Этот Илья – особый случай. Особый, но мне кажется, и типичный, особенно для русских иммигрантов. Ещё в прошлом году при нашей первой встрече он начал хамить мне на английском, думая, что я не понимаю. Ему лет 12. Несмотря на такой молодой возраст в нём заметны все мерзкие черты взрослого и циничного человека. В основном это презрение ко всем, кто не говорит по-английски, ко всем русским. “Все русские воняют”. Так он выразился. Возможно, это его еврейские родители или мать, потому что с отцом мы часто говорили по телефону и всегда соглашались друг с другом. А вот мать я увидела только вчера, когда она пришла в школу. А пришла в школу потому, что, когда я позвонила отцу Ильи Арнольду, отвечая на его просьбу поговорить о сыне, к телефону подошла его жена Дора и начала жаловаться на поведение Ильи. При этом я слышала, как этот самый Илья издавал жуткие крики, а Дора мягко стонала и просила его замолчать. Потом Илья схватил трубку другого телефона и, страшно и тяжело дыша, стал поносить меня разными словами, включая его знаменитое утверждение, что все русские нехорошо пахнут. Это было жутко, и я спросила мать, как она на это смотрит. Она сказала, что теряет голову, потому что Илья так себя ведёт постоянно и никто не может с ним справиться.

Я поверила ей, вспоминая, как Митя бросал мои часы об стену, когда я выключала телевизор, и как даже сейчас всё остаётся по-прежнему. Я посоветовала ей проверить Илью страхом перед властями, потому что, если он не испугается и станет продолжать так себя вести, то это может означать только то что он не совсем нормален. Митя всё-таки имеет страх перед тюрьмой и другими мерами наказания, которые не исходят от меня (всё равно не наказываю). Мать послушалась меня, они пришли в школу к директору, и тот сильно припугнул Илью. Илья плакал на шее у матери после нашего разговора с директором, что есть хороший признак, показывающий, что он, возможно, нормальный ребёнок. Но вот что интересно, никто до меня в этой школе, а он там три или четыре года, вообще не замечал, что с ним что-то не совсем в порядке. Мать и отец страдали, но помощи ни от кого не было, не считая того, что, как Дора сказала, однажды они получили совет пойти к психологу в университете, который, мол, может утихомирить ребёнка. Эти психологи делают только хуже. А вот учителя даже не заметили, что Илья пишет (все эти 5 лет школы), как пишут только сумасшедшие. Я хочу послать копию его письма в журнал «Атлантик», где так много рассуждают о причинах преступности в Америке. А ведь каждому, мало-мальски знакомому с психикой и психическими заболеваниями, известно, что почерк отражает и определяет многое в характере человека. Как же можно не обращать внимания на почерк, как можно позволять детям разучиться держать ручку в руках?

7 октября 1997

Перепечатаваю из здешнего журнала The Atlantic Monthly (новый для меня, из которого, кстати, я узнала о поэтическом конкурсе):

“Anti-intellectualism is American as apple pie”. Это переводится так: «Анти-интеллектуализм свойственен Америке, так же как яблочный пирог». Вот что и я всё время чувствую здесь. Чернь. Если в России это была только часть, пусть бóльшая, но часть населения, здесь поголовно. Только единицы – другие. И в основном это те, кто склонен уважать Россию. То, что они сделали и продолжают

делать с пропагандой в адрес русских, не подлежит ни описанию, ни пониманию. Надо здесь пожить, надо понимать английский, надо понимать природу пропаганды, природу ежедневного вдалбливания в мозги населения одной только негативной информации про Россию. И неустанно, грязно и дешево. Так делалось у нас во времена Сталина. Но у нас были такие пропагандисты, как Ильф и Петров, Михаил Булгаков, Илья Эренбург и т.д.

Когда я об этом думаю, мне на ум приходит сравнение сталинской диктатуры с временами Борджиа во Флоренции, если не ошибаюсь. Времена Леонардо, когда самодуры и злодеи имели некий вкус и тягу к прекрасному и возвышенному. Худо ли, бедно, у нас были какой-то стиль и культура. Здесь же под прикрытием свободы, иными словами – сексуального и продажного хаоса, наблюдается планомерное и расчётливое одурачивание масс. Примерно так, видимо, писал Маркс. Интересно, что я никогда не читала внимательно классиков коммунизма, и что я скажу теперь, если соберусь почитать? Возможно, я слово в слово повторяю, что было ими написано. Это, возможно, потому, что я воспитывалась в их стиле. Короче говоря, мне кажется, что это не простой миф о жестокости плантаторов, и правда то, что при капитализме ОБРАЗОВАНИЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ДЛЯ МАСС, А ТОЛЬКО ДЛЯ ИЗБРАННЫХ, потому что знание рождает понимание, а понимание рождает недовольство и протест. Однако в современном обществе уже не удаётся полностью лишить людей начатков знания, а значит происходит весьма опасная вещь: люди получают МАЛЕНЬКОЕ ЗНАНИЕ, которое по мнению многих великих мыслителей опасней полного невежества.

Пример маленького знания. Сегодня я присутствовала на уроке 2-го класса. Они называют это science, т.е. как у нас было “природоведение”. Три учителя и я в классе на 20 детей. Главная учительница объясняет им, что в науке часто используется взвешивание на весах. В классе 20 весов, сделанных из линеек и пластмассовых чашек. Детям рисуют на доске условный знак больше-меньше. Очень быстро объясняют значение знака. Ни примера использования, ни объяснения, что это общий математический знак, а не только для взвешивания. Потом им предлагается взвесить разные вещи: копейки, карандаши, фишки. Когда они начинают наваливать в чашки весов всё подряд, учительница говорит им (быстро и как бы мимоходом), что не следует смешивать предметы, что надо производить сравнение, т.е., например, на одну чашку положить 3 копейки, а на другую карандаш и потом записать со знаком больше-меньше, что тяжелее. Никто из детей ничего не понял. Я показала Елине (моя русская девочка), и мы сделали правильно. Три учительницы ходили от ребёнка к ребёнку и ничего не объясняли. Потом, когда одна из них услышала, что я объясняю уже не только русской девочке, но и другим, присоединилась и начала объяснять тоже. Но вот что интересно, они никогда не объясняют абстрактно. Например, я просто сказала, что широкая сторона знака обращена к большему, неважно числу или размеру, или количеству или объёму. Они объясняют со множеством слов и прибауток, что, мол, это как крокодил с разинутой пастью, который хочет съесть как можно больше. Может быть, это и не так плохо, но не очень приучает думать, потому что мы думаем абстрактно, а не про крокодила. А если с крокодилом, то это легче, мы видим, просто видим и не думаем. Но так на крокодиле и остановимся. Когда придёт время чисел, денег, предметов, мы не узнаем знака. Почему их так учат не думать? Кажется, у них есть специальная метода по отбиванию мозгов.

Когда учителя, почти все, видят, как я объясняю, вижу на их лицах обиду. Когда сегодня я сказала учительнице подготовительного класса, которая всё время жалуется на Гришу и Колю (мои новые русские малыши), что для русских детей непонятно, что ЭТО УРОК, КОГДА ВСЕ СИДЯТ ЗАДРАВ НОГИ, она задумалась и сказала, что никогда об этом не думала, но на лице была обида. Почему, если они считают, что они правы, что это хорошо сидеть в классе, задрав ноги, или, как я сегодня наблюдала, как одна девочка во время объяснения учителя в

классе по науке делала отжимания на полу, а два мальчика играли в игру с выбрасыванием пальцев. Они не получили замечаний, а мои малыши, когда пытаются общаться, получают замечания. Может быть, потому, что почти непристойные телодвижения девочки и почти тюремные игры мальчиков не так опасны для общества, как разговоры. Я думаю так, потому что всё время замечаю, что в школе получают замечания самые умные и талантливые дети.

Так было, возможно, и в советской школе, но в противовес талантливым и умным не ставились вульгарные и непристойные, а скорее сверхдисциплинированные и иногда пресмыкающиеся дети, что плохо, но не так, как то, что я вижу здесь. И директора школ не приходили отчитывать детей, одетыми в ночные пижамы или шорты. И ещё одно, совершенно намеренно придуманное препятствие в образовании. Они начинают писать серьёзные проекты и сочинения в детском саду, не имея понятия ни о грамматике, ни о заданной теме. Это феноменально. И я не думаю, чтобы никто здесь не понимал, что они начинают с крыши. Нет, они понимают, но думают, что только те, которые занимаются отдельно от МАСС, имеют дома учителей и т.п., будут дальше учиться. А дальше учиться – это надо знать английский очень хорошо. А как же его знать, если в школе не научили ни читать, ни писать. А и не надо вам, массам, дальше учиться. Вы должны убирать мусор, подавать в ресторанах, продавать в магазинах то, что сделано детскими руками на Тайване, вы должны ухаживать за стариками и т.д. и т.п. Но некоторые из таких вот выбиваются в учителя, в доктора и т.д. и тогда и в более высокие сферы проникает невежество. И уже проникло всюду. Уже эти самые богатые, которые хотели, чтобы истинное образование доставалось только им и лишь им, получают полуграмотных учителей, врачей, президентов. Круг замыкается.

Мне пока интересно с детьми. Интересно в школе. Мне так приятно, что меня узнают ребята, которые видели меня в прошлом году и с которыми я даже не занималась. Они мне улыбаются, приветственно машут руками. Мне так приятно, что Костя, который в прошлом году буквально ненавидел меня, теперь радуется встречам со мной. Мне приятно, что даже Илья (тот мерзкий мальчишка) сегодня улыбнулся и поздоровался.

Сегодня в школе встретила нового тьютора. Он из Эфиопии. Спросил меня, когда я приехала. Я ответила, тогда он с удивлением спросил, что, мол, так рано приехала, когда ещё Союз был целым? Я сказала, что неким образом способствовала развалу Союза, о чём теперь горько сожалею. Он вздохнул и сказал: “Мы так зависели от России, так хорошо было, а теперь всё рухнуло”. Мы оба посмотрели друг на друга с пониманием и разом тяжело вздохнули.

Я как-то написала Серёже, что мне удивительно и страшно видеть, до чего доходит деградация человечества. Он мне ответил в своём обычном саркастическом тоне, что, мол, надо прожить не одну сотню лет, чтобы увидеть что-нибудь, что происходит с человечеством. Ну, во-первых, конечно, он не допускает, что его наполовину сестра может обладать талантом обобщения и предвидения, а во-вторых, он просто не понимает, до какой степени Советский Союз стоял в стороне от общего развития человечества. Или понимает, но думает, как и я думала, что Сов. Союз был отсталой, захудалой страной, а вот, мол, они в Америке живут нормальной жизнью, и эта жизнь хорошая. Это правильно, они живут нормальной жизнью уже 200 лет, т.е. это общество свободно от всех ограничений, которые так или иначе были придуманы в Старом Свете. Это так же, как жизнь в Сов. Союзе – стоит в стороне от общего развития, но если советское развитие было ненатуральным, потому что было придумано от головы, то американская свободная жизнь не придумана, она естественное состояние (увы) человека, как естественнее для человека есть и спать без дум в голове, чем поститься и постоянно думать о смысле жизни.

Продолжение в следующем номере.

Виктор КИЯНСКИЙ

Евразии лик в общих звуках

Казахско-русский ассоциативный словарь

(Окончание. Начало в №№ 5-9 за 2012 год)

Қйме, Қйім (куча) – куча и есть уйма

Когда находят природный алмаз, то вначале он не переливается всеми цветами радуги. Для того, чтобы он заиграл, его нужно огранить, сделав около полусотни точных граней. Нечто подобное происходит при реконструкции казахских слов архетипическими гранями русских слов, и тогда слова обоих языков начинают блистать первозданным внутренним светом и звуком, усиливая красоту друг друга. В некоторых, казалось бы, усложнённых, грубоватых конструкциях казахского языка для европейского уха, скрыты удивительные клады и русских золотых звуковых россыпей, берущих начало от простых звуков природы, таких, например, как у, ау, ух, ах, Қй, ай, уай, уак, угу. Выявляемая звуковая близость позволяет быстрее запоминать слова при изучении языков.

Ура, когда кричат ура (бей),

Но ору, когда ору (порезать руку, жать).

А ещё Қру (дуть, лаять, тьявкать) – на них ору и уркаю.

И орали орулы (скошенные) в жатве,

Когда мечи перековали на орала.

Но всё же о, рушь хлеба́, орушы (жнец),

И руша, ори во всё горло ура.

Қғу (понимание, усвоение). Уғу, понимаю.

Қғыл, Қғылы (усваивать). Қл (мальчик). Мальчика часто ставили в угол и углы, чтобы усваивал правила.

Қжым (коллектив, сплочение). Ужимки отдельных членов в коллективе есть, но мы дружим и ужмём кого надо.

Қлан (юноша, отрок). В уланы брали развитых юношей. Улан-Батор – город потенциальных уланов и батыров.

Қлу (выть, завывать). Рядом выла собака.

Қлы (великий). Қлыл (начальник). Велик дух народа.

Қмыт (забвение, забытость). Временем умыто, смыто и подверглось забвению. Я теперь умываю руки.

Қмыту (забывать). Умыть, смыть и забыть.

Қнамды (нравящийся, приятный). И нам-де дай нравящийся предмет.

Қнасу (нравиться, быть к лицу). У, несу, если нравится. Мне это к лицу, и я унесу.

Қры (вор, жулик). Воры-урки всегда есть.

Пста (кузнец, мастер), **Пстаз** (учитель, наставник). Их **уста** глаголят истину.

Псталу (быть схваченным, пойманным). Хочу стать усталой и быть схваченной. Когда **устали**, то были схвачены.

Пстам (сдержанность, выдержка). Его **устам** свойственна выдержка.

Пстау (держат, задерживать, ловить, уличать, держат). **Устаю** держать.

Птыр (подходящий, удобный момент). В подходящий момент **утёр** ему нос.

Пя (гнездо). **Вью** гнездо своё. **У, я** гнездо.

Пделі (корыстный). Корыстный **у дела**.

Пдеру (кочевать или ехать с остановкой). Даже с остановкой **удеру**.

Пдету (ускорение). Сделает ускорение и **уйдёт**. **У, дети** всегда ускоренные делают. **Уйдите** и сделайте ускорение.

Пдирейту (взъерошить). Если уже взъерошили, то **удирайте**.

Пй (дом), **Пйди-Пй** (пойти по своим домам). **Уйди** домой и **уймись**.

Пй-кПй (семья, очаг). **Уют куй** в семье.

Пйме (куча, отвал). Куча и есть **уйма**.

Пйту (палить, опалять), **Пйту** (паление), **Пйтису** (помогать палить).

Уйти и спалить остатки. Если палят, то надо **уйти**.

Пме (коллективная помощь). **Ум** хорошо, а **уме** лучше, ибо есть коллективная помощь.

Пміт (надежда). После усталости **умыт** и вновь надежда. Надежду надо **иметь**, а если иметь, то ещё и **уметь**.

Пңілу (всматриваться). Всматриваться и выглядит **уныло**.

Пргін (метель, вьюга). Вьюга – **ураган** со снегом.

Пст (верх, поверхность). **Устье** реки было узким вверху.

Псте (наверх, наверху). Наверх, где **устье**.

Псіну (быть обмороженным). Обмороженным в снегу **усну**.

Птік – утюг. Утюг **утёк** по доске.

Ш

С Шамбалы шипим, шалим, шикаем и шугаем

Не одно поколение алтайцев манит загадочный магический свет таинственной страны Шамбала. В начале 20-го века на Алтае искал Шамбалу Рерих. Он считал её священной, планетарной точкой силы. Шаманы в Усть-Кокской долине считают, что именно там находится вход в Шамбалу, где живут люди, достигшие бессмертия. Это уникальное место, окружённое горами, в том числе самой высокой в Сибири горой Белухой. Наши предки считали, что это духовный центр Любви и Света, где сфокусирована Воля Бога и откуда воплощается его божественный замысел. Отсюда с Шығыс (Восток), с Шамбалы он делает первые шаги как владыка Тенгри, благославляет Жер (Землю) и уходит там, где Батыс (Запад), опускаясь в Алатырское (Балтийское) море. Что значит в этой модели Шамбала, может быть, и

впрямь «светящаяся крепость», как считает Мурат Аджи, производя это слово от древнетюркского Шамбала?

Некоторые словари утверждают, что это слово происходит от тибетского Шам-бха-ла и имеет двоякое значение. В символическом смысле Шамбала – это олицетворение времён грядущей правды, победы добра над злом, наступления века истины и человечества (век Майтрейн). В конкретном смысле Шамбала – это потаённое место пребывания в Центральной Азии общины великих «держателей» и «носителей» Мира – Владыки и его сподвижников Махатм.

В ряде других источников утверждается, что происхождение слова «Шамбала» предположительно таково: на персидском языке Сирия называется «Шам», а вторая часть слова «боло» в переводе с персидского означает «верх». Дословно может быть переведено как «господство Сирии» или «верховенство Сирии». Удивительно, но ни в одном источнике не найдёте ассоциативного подхода, основанного на архетипах и прямом переводе этого названия с тюркского языка народов, проживавших и проживающих в этих местах. Шамбала состоит из двух слов – шам (лампа, свет) и бала (ребёнок, молодость). От «шам» происходит название и шаманов, родина которых эти края. А Шамбала может быть переведена как «молодой свет», «свет молодости», «свет-дитя», что полностью соответствует восприятию восхода – молодого света дня в этом **Алтае**, где **алое тает**?! И тогда всё становится на свои места. Это действительно центр Света, из которого каждый день он шествует по планете, оплодотворяя божественной энергией природу с Алатау, где алое тает.

С Шамбалы мы шипим, шалим, шикаем, шугаем очень похоже, что видно из пяти нижеприведённых слов.

Шагала (чайка). **Шагала** чайка по плёсу и так важно **шагала**.

Шагалы (многодетная семья). **Шагали** дети за мамой. Многодетная семья **шагала** в гости, а малыши **шагали** впереди.

Шагым (жалоба, просьба). **Шагаем**, чтобы дать жалобу. Этим **шагом** хотим найти правду.

Шагыну (жаловаться, сетовать). **Шагну** со своей жалобой дальше и найду справедливость.

Шагыстыру (натравливать, подстрекать к ссоре). **Шаги старые сти-раю**, чтобы натравливать и подстрекать к ссоре.

Инновационные идеи рождаются не только в головах всезнающих учёных, а очень часто вообще не в их извилинах, а в детских головах и в мыслях «непрофессионалов». Эдисон со всей очевидностью показал, что можно даже не иметь глубокого базового образования, чтобы стать автором 1093 патентов в США и 3 тысяч в других странах. Природное любопытство, наблюдательность, целеустремлённость и трудолюбие позволяют идти по неизведанным тропинкам и находить ассоциативные связи между самыми отдалёнными предметами, находя фундаментальное подтверждение закона всемирного тяготения не только между телами, но и сердцами. Нередко революционные идеи приносят «варяги» из других областей знаний.

Поэтому для мозгового штурма застоявшихся проблем создают творческие группы, в которые входят представители разных профессий, но решающие некую общую задачу. Будучи десять лет руководителем учебного центра, я на практике испытывал эффективность этого метода в системном менеджменте качества.

Сегодня становится очевидным, что классическое многознание по всем предметам не есть эквивалент знания, которое позволяло бы быстро реагировать на происходящие изменения. И наоборот, дифференциация знаний по отдельным «квартирам» привела к такой узкой специализации, что учёные из близких отраслей начинают с трудом понимать друг друга, до хрипоты споря о терминах. Характеризуя такое состояние, можно констатировать, что скоро мы будем знать всё ни о чём. Приобретая всё больше и больше знаний в определённой области, мы сталкиваемся с проблемой, что всё меньше и меньше людей, которые могут суммировать и анализировать итоговые результаты. Вслед за дифференциацией должны эффективно протекать процессы интеграции, позволяющие собирать полученные факты в компактные формулы. Призвание ищущих людей, и не обязательно обременённых научными степенями и званиями, ассоциировать накопленные данные в новое качество. В последние двадцать лет мощнейшим инструментом для решения ассоциативных задач стали интеллект-карты, в частности, диаграммы Исикавы.

Концепция ментальных карт основана на теории Дэвида Осубела о том, что представление новых идей, понятий или концепций лучше всего делать через уже имеющиеся идеи, понятия, концепции и опыт.

Эта теория получила существенное развитие в работах психолога Тони Бьюзена, который описал метод ментальных карт.

В основе концепции ментальных карт лежит представление о принципах работы человеческого мозга: ассоциативное (нелинейное) мышление, визуализация мысленных образов, целостность восприятия. Для стимулирования ассоциативного мышления применяются особые «удобные» для мозга «радиантные» диаграммы (ментальные карты), представляющие собой дерево идей. Центральный образ – это «ствол» дерева, от которого расходятся ветви решений. Несколько толстых ветвей этого дерева соответствуют основным, базовым идеям, ассоциативно связанным с центральным образом. Поэтому в ментальных картах реализуется ассоциативность и иерархичность мышления – от общего к частному.

При составлении ассоциативного казахско-русского словаря я использовал интеллект-карты, которые имеют четыре существенные отличительные черты:

- а) объект внимания/изучения кристаллизован в центральном образе – это близко звучащие слова;
- б) основные слова, связанные с объектом внимания/изучения, расходятся от центрального образа в виде ветвей;
- в) ветви, принимающие форму плавных линий, обозначаются и поясняются ключевыми словами или образами;
- г) ветви формируют связанную узловую систему.

Интеллект-карты помогают понять различие между способностью к хранению объёма информации, которая может быть запечатлена в памяти, и эффективностью хранения информации, повысить которую этот метод призван, когда к казахскому слову привязывается аналогично звучащее русское слово-образ. Эффективное хранение информации в мозге увеличивает объём усвоенной информации.

Этим методом удалось в словах на букву «ш» в казахском и русском языках обнаружить наибольшее количество «мостиковых» ассоциаций, которые способствуют более быстрому запоминанию казахских слов.

Недаром великий русский поэт В.В. Хлебников, родившийся вблизи Хаджи-Тархана (Астрахани), в своих стихах, как никто, подметил эту особенность:

Страна, где все люди Адамы,
Корни наружу небесного рая!
Где деньги – «пуль»,
И в горном ущелье
Над водопадом гремучим
В белом белье ходят ханы
Тянуть лососей
Частой сеткой на ручке.
И всё на ша: шах, шай, шире.
Где молчаливому месяцу
Дано самое звонкое имя Ай,
В этой стране я!

Следует, наверное, иметь в виду, что это не просто определённая технология на основе ментальных карт, но ещё и сама манера мышления с равноправным, уважительным восприятием языков. Главная задача ассоциативной методики – с удовлетворением услышать знакомые звуки в другом языке. И с улыбкой поймать себя на ой (мысль): «Ой, да это и в наших **устах** так, а значит и я **Пстаз** (мастер)!».

В словаре тюркизмов общими признаются слова:

Шабала, шабер, шабур, шагайка, шадра, шайка, шайтан, шакал, шакала, шакша, шала, шалагай, шалап, шалбер, шалаш, шалман, шалтай-болтай, шаль, шальвары, шаман, шандал, шанрак, шанга, шаптала, шар, шарабо, шарап, шарият, шаркома, шаровары, шарпан, шатёр, шауш, шафран, шах, шахма, шашлык, шеврига, шейх, шелега, шемая, шептала, шербет, шерешир, шериф, шерсть, шершавый, шиит, ширтан, шиш, шишак, шишара, шишка, шлык, шокур, шокуры, шолга, шолты-болты, шор, штаны, шубат, шубаш, шувар, шуга, шугай, шура, шурга, шурдабурда, шурпа, шурубарки, шурум-бурум, шуры-муры, шуя, щebra, щедрa, щерба, щи, щокур.

А вот что даёт ассоциативная реконструкция.

Шабан (медлительный, нерасторопный). **Чабан** медлительный нерасторопно гонит стадо.

Шабата (лапти). **Чоботы** были ему впору, похожие на лапти.

Шабубыл (наступление, атака, нападение). **Ша, было** сказано перед наступлением, должна быть тишина.

Шабыс (бег, скачки, набег, налёт). **Ша, бес**, а теперь бесись, быстро вперёд и **расшибись**, но выиграй.

Шабыт (охота, желание, вдохновение). **Ша, быть** тому с желанием. **Ша, бить** будем на охоте. Так тому и быть.

Шабыттылы (вдохновенность, воодушевлённость). **Заботы лик** для заботливого.

Шагу (колоть, жалить, кусать, жаловаться). На каждом **шагу** он жалит меня.

Шағыл (ясный). Погода была ясной, и он **шагал**.

Шадыр (вспыльчивый, норовистый). Он **задира** норовистый, и не **шади** его. **Ша, дыру** сделает.

Шадыраю (смотреть сердито). Всех **задираю** и смотрю сердито. **Ша, дырвялю** глазами, **ещё дырвялю**. **Ша, до рая** не дойдёшь.

Шажа (непослушный). Непослушный, но я его **щажу**.

Шайдай (яркий, светлый). **Чай дай**, и всё станет светлым.

Шайка (шайка, банда). **Шайка** пугала людей.

Ша **ыраю** (сильно палить, вперять взор). **Ша, караю**, если вперяю взор.

Ша **ат** (мощь, сила). Не **шикать**, когда сила. **Ша, катит** мощь.

Шал (старик, старец, давать подножку), **шала** (наполовину, половинчатый). **Шал** был старик. **Шалят** старики и дети. (В словаре В. Даля «шаль» – дурь, взбалмошность или блажь. «Эко шаль: по три деньги шваль!»).

Шалағай (половинчатый, недоделанный, недоношенный, верхогляд, шалопай). **Шалопай** ты недоношенный.

Шалап (смесь воды с кислым молоком). **Шалап** для шалопаев.

Шалапай (шалопай, бездельник). **Шалопай** виден в поведении.

Шала-п **ла** (кое-как, тяп-ляп). **Шалопутный** человек всё делает кое-как.

Шалғылау (дрыгать ногами). **Шал голый** был, дрыгая ногами.

Шалғыш (способный сделать подножку). **Ша, лжёшь**, способный сделать подножку. **Шалишь**, делаю подножку.

Шалдуарлы (избалованность, каприз). Шёл **шал, дури лик** показывая.

Шалшы (лужица, лужа). **Шал шик** в луже находит. **Шалим, шикая** с **шиком** в лужице.

Шалым (способность, умение, возможность). **Шалим**, когда есть возможность.

Шам (лампа, свеча). **Шаман** был с лампой и что-то шамкал беззубым ртом.

Шана (сани). **Сани** тащила лошадь.

Шапан (халат, чапан). **Ша, пан** идёт в чапане.

Шар (шар), **шар** (беспорядочные следы), **шар** (старый). **Шарик** крутился как **шар**, оставляя следы.

Шарап (вино, винный). **Ша, раб**, когда выпил вино. **Шарапов** шарахнул не вино, а водку.

Шарып (небо, небеса). **Широк** небосклон, как **шарик** земной.

Шарыл (визг, неистовый крик). Он **шарил**, и раздался визг. **Ша, рыл** – и слышался неистовый крик.

Шеге (гвоздь). Гвозди, забитые на подошве сапога как **шаги**.

Шегину (пятиться, отходить назад). И я **шагну** назад от тебя.

Шеке (висок). На границе **щеки** есть висок.

Шекірею (важничать, смотреть свысока, задираться). **Щёки реют** и **рдеют**, если смотрю свысока.

Шетендеу (огораживать плетнём). **Щетину даю**, огораживаясь плетнём.

Шеше (мать, матушка). В **шушуне** моя матушка вышла. В старомодном ветхом **шушуне**.

Шешу (развязывать, снимать). Когда **чешу** волосы, то развязываю косы.

Шипыл (скрип, писк). **Шикали**, издавая писк.

Шипалы (целебный). Гуси **щипали** целебную траву.

Шитті (хлопок-сырец). Из него потом можно **шить то**, что надо.

Шоп (горящие угли). Будет **шок**, если встанешь на горящие угли.

Шомылу (купаться). **Шумели**, когда купались, а **ещё мыли**.

Шомыт (старьё, ветошь). **Что мыть** уже не удаётся, то это старьё.

Шорпап (неопытный, неумелый). **Шоры как** будто имеет неумелый.

Шпмелеу (складывать в копны, копнить). **Шумели**, складывая выскокую копну.

Шпмиш (ковш, половник). Что ковшом **шумишь**?

Шпп (травы, сено, звук поцелуя). **Шёпот** слышался сквозь **шёпот травы**. **Шоп** был рядом.

Шпльп (чулок). **Чулок** был тонкий.

Шпбат (шубат). **Шубат** был вкусный.

Шпнап (безухий, карнаухий). **Щенок**, у которого уши не стояли ещё.

Шпршит (язычник, иноверец). Что иноверец **шуршит** своим языком?

Шыбыным (душенька, родной мой). **Шибанём** по маленькой, душенька.

Шыгай (беглец, бедняк). Беглеца подальше **шугай**.

Шыгу (выходить, выбираться, появляться, всходить). **Шаги** появляются, когда выходят из избы. Восход – это первые **шаги** солнца.

Шыгыну (отдаление, отчуждение). Отчуждаюсь от тебя и **шагну** в сторону.

Шыгыс (выхождение). **Шаги с** выходения начинаются.

Шыдам (терпение, выносливость). **Ша, дам** тебе и посмотрю на терпение. Впрочем, мы ещё **щадим**.

Шыжыл (шипение). **Ещё жил**, пока шипел.

Шып (роса). Это **шик** увидет росу на траве и пройтись босиком.

Шылп (хлоп). **Щёлк** да **щёлк** по лбу.

Шымшу (щипать, задевать, язвить, подкалывать). **Ша, мщу** подкалывая.

Шымшыма (двусмысленные слова). **Шум сама** делает с двусмысленными словами.

Шымылды (занавеска, ширма, перегородка, отделяющая кровать молодожёнов или женскую половину в юрте). **Шумел дико** за перегородкой.

Шым-шытыры (непонятный, путанный, сбивчивый, неразбериха). **Шум шатра, рык** и непонятный разговор.

Шындау (делать что-либо по-настоящему, всерьёз). **Чин даю**, чтобы делал дело всерьёз чиновник.

Шыпталау (ограждать циновкой), **шыптау** (циновка). Что-то **шептали** за ограждением из циновки.

Шыр (сила, энергия, единство). Такая **ширь**, такая сила.

Шырай (миловидность лица). **Ша, рай** с таким миловидным лицом. С таким лицом **чаруй**.

Шырпау (петь громко, высоким голосом). **Ширкаю** и **фыркаю** всё сильнее и сильнее высоким голосом.

Шыр-пыр (сильно беспокоиться). Делал **шыр-пыр** на стуле, когда беспокоился.

Шыры (нарушитель спокойствия). **Ша, рык** нарушителя спокойствия. **Шарик**, гавкая, нарушал спокойствие.

Шыт (ситец). Из ситца сарафан **шит**.

Шікірею (кичиться). **С шиком рею**, боюсь, что **захирею**, а поэтому кичусь.

Шірену (лежать с самонадеянным видом). Во всю **ширину** тахты он лежал с самонадеянным видом.

Шіреу (разбогатеть, став самолюбивым, самонадеянным). **Жирею**, когда разбогател и раздался **вширь**.

Ы

Ыптияр (воля, желание). **И кто яр** по натуре, у него воля

Обычно мы живём в одной языковой системе координат, в которой думаем. А говорить можем на двух и более языках, быстро перебрасывая мостики от промежуточного островка сознания. Мозг очень рационален и ему удобно посылать ответные сигналы по одному наиболее короткому каналу. Потребляя 2/3 всего кислорода, который разносится по крови, он не может позволять себе на уровне рефлексов отклоняться от наиболее коротких путей.

Получая информацию на казахском языке, мы не задумываемся о смысле близко или одинаково звучащих слов на русском или немецком языках. Это можно сделать, только специально настроив мозг на волну сравнения. Это новая для мозга конкретная задача, и он начинает над ней работать. Одним словом, необходимо выйти из устоявшейся системы координат, обозначив вектор выхода.

При этом вы должны быть готовы к тому, что при переходе из одной системы координат в другую происходит преобразование прежних очертаний образа и он уже не совсем такой, как воспринимали ранее. В геометрии Лобачевского и в обычном трёхмерном пространстве представление о параллельных линиях разное!

Так и со словами. Да, современные казахские и русские слова, вышедшие некогда из единого языка нашего алтайского детства и рунического письма, сегодня находятся в координатах разных грамматических правил. К тому же время наложило и свой неизгладимый отпечаток. Их конструкции часто неузнаваемо деформировались от давления других языковых групп. По этой причине абсолютное большинство людей в будничной текучке и не ставит себе вопрос о сходстве звучания казахских и русских слов. Извилинам не до этого – им надо решать текущие прямые задачи.

Но когда вы специально обратите внимание людей на многочисленные сходства, то можете услышать: «Да, это действительно так, и в этом, наверное, что-то есть».

Так часто обросшего и похудевшего в долгих странствиях брата не узнаёт брат. И только показав родинку (мец) на теле, в страннике узнают меня – брата.

Разпознавание образов в настоящее время превратилось в одну из сложных задач при создании устройств искусственного интеллекта, в том числе для создания роботов-переводчиков. Уже есть действующие компьютерные программы, которые достаточно сносно обеспечивают переводы с одного языка на другой. Этим уже многие пользуются в своих компьютерах.

Мне пришлось также видеть устройства, которые преобразуют текст и звук на одном языке в речь на другом.

Решается достаточно сложная задача преобразования звуковых образов, ибо «машинному мозгу» необходимо не просто сравнивать слова, а правильно их идентифицировать. Например, в казахском языке 99 % слов имеют ударение на последнем слоге и нет предлогов. А в русском языке другая структура. Шаблоны слитного слова и произнесённого по слогам или раздельно сильно различаются. Хотя они могут быть из одних букв, но машина может этого не уловить. Как ей уловить различие между оя (совершеннолетие) и о, я! Это всего двухбуквенный пример, а вот ещё один: ыдыра (расползаться, распускаться) – и дыра.

Так что программисты компьютерных систем, решая загадки логики, параллельно приближают нас к снижению языкового барьера в глобализующемся мире, а также совершенствованию перевода с современных и древних языков.

Ну что может быть общего в казахских словах, начинающихся на букву «ы», с русскими словами, где нет слов с «ы» в начале?

Не спешите с ответом и прочитайте несколько слов на древнерусском языке из «Слова о полку Игореве»:

«На седьмомъ вѣце Трояни врьже Всеславъ жребий о дѣвицю себе любу. Тѣй клюками подпрѣ ся о кони и скочи къ граду Кыеву».

А вот перевод этого текста на современный русский язык:

«На седьмом веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице ему милой. Он хитростями опёрся на коней и скакнул к городу Киеву».

Один это язык или разные?

В **дом бегу** и на бегу **домбьгу** (замерзаю).

И бас **дома даю** – так **домдаю** (на скорую руку).

Но какая чудная **домбыра** (домбра).

И **дома беру домбыру**.

Ах, знаю, буду **дома бит**, если **домбыт** (хвостун).

А потому **апън** (певец), **а кинь** по струнам.

И **ай, тыс**, цыц, когда звучит **айтыс** (песня).

Или возьми баян и начни баян (песнь о былом).

Когда **баян дали, то баяндалу** (подробно изложил).

А **балалайка** для **балалы** (имеющих детей), чтобы **балалау** (росли).

Дударь дудар (кудрявый) на **дуде** дудел.

Да бил дабыл (барабан) и звук **добыл**.

А теперь возьмём казахский словарь и проанализируем все слова, начинающиеся на букву «ы», и попробуем угадать близко звучащие слова в русском языке. Чаще всего, конечно, вместо «ы» в русском звучит «и».

Раздел казахского словаря на букву «ы» – это уникальное заповедное место реликтовых слов и общих звуков, которые, наверное, сохранились с алтайского древнего периода.

Видимо, это не просто случайности, а вполне очевидные закономерности.

Например, в этих словах:

Ығыр (натёртое место, мозоль). **И горит** натёртое место.

Ыдыра (расползаться, распускаться, разъединяться). **И дыра** где, то распускается.

Ыжгыс (спорить, ссориться). **И жгись** на адском огне, если ссоришься.

Ызбар (грозный вид). **Из бар** он, и поэтому грозный вид.

Ызыл (гул, гудение, писк, свист). **И зол** на этот писк.

Ыптияр (воля, желание). **И кто яр**, у того воля.

Ыптыру (уносить, гнать скот). **И к тырлу** гнать скот.

Ылгал (влага, сырость). **И лгал** след, когда влага.

Ым (знак, жест). **Им** этот знак направляю.

Ымда (подача знака, намёк). **Им да**, намёк.

Ымыра (примирение, компромисс). **И мира** достигает через компромисс.

Ымыралас (примириться, идти на уступки). **И мирились** мы, идя на уступки.

Ыңыл (мурлыканье). **И ныл** кот, мурлыкая.

Ыржит (вызывать улыбку). **И ржёт**, вызывая улыбку.

Ырыл (рычание). **И рыл** землю, рыча.

Ыспат (подарки). **Искать** подарки.

Ыспыру (свист). **И скоро** беги, если свист.

Ысыл (быть закрученным, похудеть, осунуться). **И сил** нет, если похудеть. **Осиль**, чтобы быть закрученным. Он похудел и осел, осунулся.

Х

Халы𐰇 (народ). **Халы** делают для народа.

Хат (письмо). По форме похоже письмо на **хату** с крышей.

І

Іздеу (поиск) делать **везде**

Мухтар Кул-Мухаммед, подчёркивая образность и богатство казахского языка, отмечал, что прежде чем птенец беркута превратится во взрослую птицу, парящую в небе, пройдёт 12 лет. И на каждый из этих периодов он имеет особое название.

Ещё больше вариаций для главного друга степняка – коня с его возрастом и мастью, о чём прекрасно говорит Герольд Бельгер – великолепный знаток и пропагандист государственного языка, с детства воспитанный на айтысах и до преклонного возраста сохранивший любовь к образности тюркских наречий. Это великое наследие, и каждый казахстанец должен быть достойный **ізбасар** (наследник, преемник) этого богатства, а не только **ізбы**. **Ізсіз** (без следа, бесследно), а значит **исчез**. **Іздену** (хлопотать, ходатайствовать) и значит искать **истину**. **Іздеу** (розыск, поиск) делать **везде**, чтобы найти **іздену** и **истину**. Голую **истину** увижу, когда **раздену** её.

Ни зги не видно, а из избы исчез **ізгі** (благой, добрый, святой), который **ізбасар** (наследник, преемник) этой **ізбы**. **Із** (след) идёт **из** избы, побелённой **ізбестеу** (известью). **Ізбе-із** (шаг за шагом, последовательно) надо везде вести **іздеу** (розыск, поиск), чтобы найти **іздену** (истину), пока не появились чужие **із-тІз** (следы), которые не возьмёт **тІзік** (честный, правдивый). Тузику дали **ііс** (запах) **ііскеу** (нюхать) и сказали: **искать**.

Із (след). След вёл **из** дома.

Ізбе-із (шаг за шагом, последовательно). **Из избы** шаги шли последовательно.

Ізгі (священный, святой, благой, добрый). Не видать **ни зги**, и молились мы святому.

Іздену (заниматься поиском, быть пытливым). Занимаюсь поиском и найду **истину**, раздену тайну.

Іздеу (искать, поиск, разыскивать). **Везде** искать **и здесь** искать **истину**.

Ізсіз (без следа, бесследно). **Исчез** без следа.

Ілбию (едва стоять на ногах). **Или бью**, и тогда будешь едва стоять на ногах.

Іле (немедленно, тотчас, по своим следам). **Или** немедленно по следу, **или** потеряем след.

Ілуде (изредка, очень редко). **И люди** изредка попадались.

Ілгу (попасть, впутаться). **И лгу**, если впутаюсь.

Ліну (зацепиться, повиснуть). Зацепился **и льну** к дереву.
Ліп-шалма (придирчивый, ехидный). **И лип в шалмане** ехидный.

Заключение – резюме

Моя **Пазына** (богатство, капитал) – это наблюдений **казна**

На новом витке развития Президент Н.А. Назарбаев смело перебрал мост от «Аз и Я» к «Евро». Так трансформировалась и усилилась суть топонима «Евразия», который из географического понятия перерос в политическую теорию, а затем и доктрину евразийства благодаря тонкой социальной интуиции Лидера Нации, титул которого Елбасы прорастает от древнего «ел», ставшего в одних странах ел (народ, страна), а в других вечнозелёной елью.

Экранное общество и новые информационные потоки размывают крепостные стены вековых предубеждений, но нет-нет – и с новой силой вспыхивают то здесь, то там споры о языках-братьях, чтобы под сурдинку на их место пришла графика общества потребления всего и вся.

Центростремительные силы евразийской идеи берут верх над центробежными, и появилась вера в Евразийский союз, предложенный в МГУ Президентом Н.А. Назарбаевым. Есть надежда, что народы-братья вновь почувствуют в своих жилах родную кровь, а под ногами общую землю предков. Мы вместе растекались с гор Алтая на просторы Евразии и во многом определили сегодняшний экономический, экологический и политический ландшафт континента.

В противовес центробежным, деструктивным силам, отодвигающим континенты и народы друг от друга, следует культивировать «сердцестремительные» силы, цементирующие казахстанскую общность, делающие её пластичнее и разнообразнее.

***

Ассоциативные подходы можно широко применять для изучения казахского и русского языков, где звуковые сходства буквально на каждом шагу. Это особенно проявляется в архетипических словах, где на казахском и русском широкий спектр сходств и аналогий. Посудите сами: с «от» начинаются священные слова у казахов – Отан (родина), отбасы (семья), отау (юрта молодых), а у русских – Отечество, Отчизна, отец, отче наш. Моя **немере** (внучка) Виктория, которых пусть будет **немерено**, приехала из Балашихи, а свой первый **П адам** (шаг) к **Адаму** сделала в Астане. А Астана – это место, где стана место, где Казахстан.

И когда говорят, что на защиту **Отан-Отчизны** должны встать все – «**айда** на **майdan** от **мала** до **велика**», то вникнем в общий смысл слов: **айда** (пойдём), **майdan** (поле брани, площадь), **от** (трава, огонь), **мал** (скот), **малай** (слуга), **ПлыП** (великий), **билік** (власть). На подсознании призывной смысл понимаем всеми евразийцами.

Вполне закономерно, что именно в Казахстане на русском языке была написана книга «Аз и Я» казахом Олжасом Сулейменовым, ставшая началом восстановления древнего пути между Востоком и Западом, заваленного историческими заблуждениями многих поколений учёных, летописцев и инквизиторов.

***

Двухбуквенное слово «**ес**» (разум, сознание, память) – **есть** начало начал бытия человека и, наверное, поэтому является родником многих других казахских слов, определяющих суть человека, его характер, начало жизни и конец. Воистину, **есім** (имя) – исходная точка для достижения состояния, обозначаемого **есен** (благополучный). **Е, с ним** тебе жить.

Чистые дела рук отражает светлый, спокойный **рух** (дух)! Даже в Германии ruhig (руихь) – спокойный. Удивительная эстафета слов: **ру** (род)– **рух** (дух)– **руна** (древнее письмо), понимаемая всеми евразийцами.

Если вдуматься в строчку «**жили-были дед да баба**», то можно предполагать заиленную историю наших общих звуковых корней: **жыл** (год), **быыл** (этот год), **да** (тоже, также), **баба** (предок, дед). Выстраивается тот же ассоциативный смысл, что и в современном русском звучании.

Столь же символично слово **ана** (мама) звучит на русском – во всём женском роде «**она**» и всех тех, кто составляет семью – он, **она**, оно (дитя), а у казахов **ана тілі** – язык матери (государственный язык) нуждается в многонациональной поддержке, чтобы многие могли с гордостью сказать: «**Аза** тілі – менің тілім» для представителей всех наций и народностей, живущих на земле Казахстана, где наши **и Отан, и Отчизна, и Отечество**, которые от одной основы. **Ана** (мать) с первого шага говорит: «**А, на!**».

Ар (совесть, честь), **майдан** (площадь), **рух** (дух) – три общих слова в русском, казахском, украинском языках, пришедших с Алтая. Древнее слово **ар** означало земля; а родословная народов Алтая берёт начало от **ариев**-земледельцев. И неслучайно, что открытое недавно на Южном Урале в России городище того периода названо **Аркаим**. Это наше общее голубоглазое и рыжеволосое прошлое, подтверждаемое археологическими раскопками, но евразийцы не кичатся своим **арийским** происхождением. Арка им была известна. Неслучайно в год 20-летия независимости Казахстана мы возвели Триумфальную арку!

Когда приходит **день**, то восходит хорошее **дн** (зерно), и человек все дни **діни** (религиозный), то его **дене** (тело) будет **дені** (здоровое). Так делает **дана** (мудрец), которому многое **дано** ни **откуда**, а **от Пда** (бог), куда такие подданные попадут в рай.

Дниеге келу (появиться на свет), **дние салу** (умирать) – это всё во власти Бога, **дуновение** Бога. Так и химия слов. Атомы слов взаимодействуют между собой, давая молекулы. В разных языках очень много одинаковых атомов и функциональных групп, которые дают многоязычную мозаику слов и предложений.

Если есть **ум**, то появляется **Пміт** (надежда). **Ум** хорошо, а **уме** (коллективная помощь) лучше, хотя говорят, что он сам себе на **уме** и не нуждается в другом **уме**. Однако другие парируют, что **ум** хорошо, а два лучше! А ещё я помню, что древняя богиня **Умай** – богиня плодородия и покровительница семьи и детей, у которой **ум ай** мудрый.

Рука в казахском языке – **Пол**. Отсюда **Полшатыр** (зонтик), а в русском языке – **колодец, колокол, колокольчик, колье**, а ещё в русском языке есть слово **кол**, который похож на руку. На древнем Алтае рука имела значение «**ал**», а поэтому, поднимая каждое утро руки к Тенгри рядом с **Алатау**, люди говорили «**Алла**», что означало «дающий и берущий». Это задолго до того, как в этом стали понимать «**Аллах**».

Кандалы Пан (кровь) дали и делают идущего человека похожим на **Пандала** (клопа), который тоже кровь сосёт. И даже **арыстан** (лев), попав в клетку, становится **арестантом**, а **добал** (неуклюжий) в действиях похож на **дебила**.

Дари дпри (лекарство) жаждущему жить и знать. А если устаю, то мне кричат **Пстау** (держаться). **Достып** (дружба) даёт **достаток**, и мы **достойны** иметь хорошую **Пмір** (жизнь), а это даёт **мир**.

***

Современные языки – яркие и беспристрастные свидетели взаимного проникновения, дополнения, взаимообогащения и развития духовной культуры, когда ещё не было сегодняшних культур. Языки переплелись и не понять, кто у кого позаимствовал и кто кого обогатил.

Так уж вышло с дико раскрутившейся спиралью цивилизации, что, сжатая на Алтае, она растратила свою энергию, разжавшись до самого Альбиона и рассыпав там бриллианты рунического письма, архитектуры, языка, традиций. Е.Н. Шипова из Академии наук Казахской ССР в 1976 г. издала фундаментальный труд «Словарь тюркизмов в русском языке». Были собраны слова в двух языках, которые используются с незапамятных времён одинаково. И надо честно сказать, что это была лишь малая часть того массива, который используется на самом деле.

Следует отметить, что в России сохранилось от вымирания абсолютное большинство языков и наречий, из которых выаялся, а кое-когда и выковывался современный русский язык.

***

Интерес к языкам формируется с детства.

В сказках, которые читала мама, было множество слов, имеющих общую историю.

Бала (ребёнок), конечно, любит **бал** (мёд) и **балалайку**, а **баловень**, конечно, **балапан** (птенец). **Бал** (мёд) на **балу** не только на **столе**, но **Пстел** (стол) **устелен** яствами в **Балашихе** и на **Балатоне**.

Пікір (мнение) моё **пикировал** иной, а **мысль** была **мысалы** (пример), но **Птірік** (ложь) призвала: **отрекись! Покорю** своим мнением, а пока **пикируюсь** словами, излагая мысль.

Баю (богатеть), **бай** (богатый), **баяу** (медленный), **бау** (сад). Это и есть «**баю-баюшки-баю**». Засыпай, и медленно, потихоньку станешь **богатым** и попадёшь в богатый сад на берегу **Байкала**. А бай богатый, потому что осторожный – **абай** (осторожный).

Шалун шалит и делает **шалу** (подножка), а **шаман** держит в руке бубен и **шам** (лампу), показывая свою **шама** (сила, мощь).

Очень короткие одно- и двухбуквенные слова нашего детства были самыми рациональными паролями для общения и предупреждения: ай (луна), аң (зверь), ат (имя, лошадь), аю (медведь), ер (мужчина, герой), ес (память), ит (собака), ми (мозг), у (яд), із (след), су (вода), ту (знамя), он (десять).

Такие евразийские уроки и формировали нашу убеждённость на всех уровнях, что счастье зависит не от национальности, а человечности в широком смысле этого слова.

Казахский и русский языки – языки-братья. Ни младшие, ни старшие, а если угодно, от одного отца и разных матерей.

***

Берега Жайыка (Яика) – немые свидетели общей истории, а современный говор яицких казаков, который наиболее системно изучал уралец Н.М. Малеча в «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» – яркое доказательство длительного творческого синтеза из тюркских и славянских слов удивительного диалекта.

Лев Гумилёв и Олжас Сулейменов на границе 20-го и 21-го веков продолжили строительство евразийского дома, начатого великими евразийцами для жителей «глобдеревни», где новые информационные потоки и компьютер дали простор ассоциативному мышлению.

После выхода книги «Аз и Я» для многих у нас в республике и далеко за её пределами поэт стал Пстаз (учитель) евразийства и великий Пста (мастер) поэтического и философского смысла слов, и его уста уже не одно десятилетие глаголят истину, которая расшатывает устои ранее существовавших мифов и предубеждений.

Русский и казахский языки – это два ответвления на одном дереве.

Поэтому я решил создать себе для более быстрого изучения казахского языка ассоциативный казахско-русский словарь из всего массива существующих слов, и это помогло мне лучше узнать не только казахский язык, но и русский тоже.

Так в процессе изучения рождались казахско-русские смысловые блоки, если хотите, «запоминалки», которые абсолютно не претендуют на «филологический продукт» и не преследуют цель утверждать, что из чего вышло.

Мы вступили в 21-й век, который по инициативе ЮНЕСКО провозглашён веком полиглототов. Во всём мире была поддержана акция под девизом «Изучаем языки на протяжении всей жизни». Пусть ассоциативный казахско-русский словарь будет практическим вкладом в реализацию этой идеи.

г. Астана.

Инна ТУЛИГАНОВА

Èà àðòî í í àñòðî àí èÿ

Современная женская лирика Восточного Казахстана представлена интересными именами Любови Медведевой, Валерии Ивановой, Ларисы Мартыновой,

Тамары Вязигиной, Любови Феофановой, Натальи Матвеевой. Особая энергетика края, которую питает Мать-Природа, её неповторимая красота определяют специфику художественного мира поэтов-востоказахстанцев, отражаясь в жанрово-тематических, изобразительно-выразительных особенностях художественного текста. Неслучайно Николай Рерих именно Алтай называл «колыбелью человечества», где удивительным образом сошлись прошлое и современность, миф и история.

Лирике поэтов-женщин свойственны общие типологические черты региональной картины мира, вместе с тем она имеет и ряд присущих только ей особенностей: «завораживающая магия подробностей», «одомашненность стихий», «эмоциональность», «напряжение». Женскому поэтическому творчеству присущи особенности «женского мировосприятия, женского типа сознания, обусловленного социальными и психофизическими параметрами, что определяет своеобразие облика автора с женским лицом». Женская лирика, пропускающая через свой внутренний мир все реальные коллизии, определяет специфику эстетической действительности.

Светлана Шувалова – поэт, прозаик, член Союза писателей России, член областного литературного объединения с 1968 года. Родилась в 1950 году на Украине. С 1960 года живёт в Усть-Каменогорске. Окончила музыкальное училище. В советское время работала в детских садах, домах культуры, музыкальных школах, была певчей в церковном хоре. Перестройку пришлось встретить в белом халате – в должности санитарки одной из городских больниц. Публиковалась в областной, а затем и в республиканской печати.

Светлана Шувалова вышла из творческой династии (многие родственники музицировали, прекрасно декламировали стихи, пели). Светлана увлекалась театром, поэтому в её душе постоянно соперничает тяга к театру с поэтическим

**Инна
Владимировна
ТУЛИГАНОВА**

родилась и училась в п. Алтайском Глубоковского района Восточно-Казахстанской области.

Закончила филологический факультет Усть-Каменогорского педагогического института.

Учитель высшей категории. Преподаёт русскую литературу в Предгорненской средней школе № 2.

призванием. Считает своим наставником М.И. Чистякова. Шуваловой написана автобиографическая повесть «Не закрывайте занавес, господ» (записки уличной торговки), которая была опубликована в таких известных российских журналах, как «Юность», «Братина», «Дальний Восток» и «Роман-газета». Плодотворно занимается она и поэтическим творчеством.

Художественный мир Светланы Шуваловой покоряет читателя искренностью и интимной доверительностью описываемых событий и переживаний. Круговерть и маета обыденности поверяется у поэтессы сакральным «крутом» жизни, «вечным возвратом» природной благодати». В стихотворениях много пейзажных образов (небосвод, листопад, хрупкий лёд, соломинка как последняя надежда), метафор («ошибок плен», «снежная канитель»), олицетворения («ворчит по-стариковски небосвод», «мороз стихотворенья напишет»). Поэтическое творчество Шуваловой насыщено христианской лексикой, которая не только присутствует в стихах, но и несёт своеобразную смысловую нагрузку. Героиня обращается к библейским мотивам и образам в силу сложившихся жизненных обстоятельств, доверяясь и полагаясь на небесное провидение. В век сотовых телефонов, домашних кинотеатров, компьютеров особенно остро встаёт проблема внутренней, нравственной сущности человека. И в последние годы особенно радуется, что наше общество всё-таки возвращается к нетленным человеческим ценностям, к христианским идеям.

Светлана Шувалова в своём творчестве ещё в 90-е годы стала одной из немногих поэтесс, чья лирика проникнута устремлённостью к идеалам христианства. Христианство – это прикосновение человека непосредственно к Божественному. И если человек прикасается к Божественному, он открывает для себя смысл своего существования, бесконечную ценность каждой человеческой души, цель мироздания, познаёт смысл труда и красоту человеческих отношений и творчества. Этим лирика Шуваловой перекликается с поэзией Н. Рубцова, С. Есенина, А. Ахматовой, утверждает любовь, творчество и ценность души в их изначальном значении.

Стихотворение «Предзимье... Предрожденье... Непогода...» было написано в 1986 году. В автобиографической повести в десятой главе «Спекулянты чёртвы» она рассказывает историю «звания», которого удостоилась на рынке. Продавала несколько ведер собственной картошки. Это была очередная попытка честным трудом заработать хоть какие-то гроши. Торгуя, наблюдает за людьми. Делает вывод: уличные торговки – вовсе не спекулянты, а в большинстве своём – самые обездоленные люди. Им – шаг один до нищеты, до бездомности! Что от торговли?! Прибыль?! «А от прибыли что останется? Одни убытки.... Да пропади оно всё пропадом! Только вот за квартиру уже полгода не могу заплатить... Даже в снах уже вижу себя бездомной! Экономить больше не на чем, ибо ежедневно решаю проблему – хлеб или квартплата? Молоко или лекарства? Сахар или... ремонт обуви?». Как эхо тех переживаний рождаются строки:

В неутомимом новом ожиданье...
Как за соломинку – за дождь,
за листопад...

Лирическая героиня С. Шуваловой представлена в разнообразных пространственных картинах: комната, в которой отмечается юбилей, бульвары и мостовые, речка и вновь – комната.

Пространственно-временные характеристики сужаются до порога: «И тебе, конечно, невдомёк, / Что я бываю слабой самою, / Лишь ступает полночь на порог». Время ночи – это время слабости и бессилия. Малое и большое пространства, куда помещает поэтесса свою героиню, – это осмысление взаимоотношений с внешним миром, умение адаптироваться в нём, обжиться или прижиться.

Лирическая героиня выживает в большом пространстве и прячется от невзгод в уютном мирке своей комнаты или кресла. «Но ближе к полночи в дорогу / Рвануться вновь – скорее в дом!».

Зазвёздные дали, гармония природы, мир соразмерности и покоя – это пространство вечности и незаблемости: «А поутру мороз стихотворенье напишет на стекле лучами звёзд».

Необходимо отметить ещё одну особенность лирики Шуваловой – афористичность: «С каждой душой нетленной – в тартарары Вселенная», «страшнее боли – ожиданье боли», «я зла тебе не желаю, а счастья дать не могу», «Так, всё это проще стакана воды?».

В стихотворениях С. Шуваловой используется приём контраста, совсем нет полутонов. Её героиня близка внутренним миром героине Цветаевой своим надломом, противоречиями и разнообразностью. Порыв, решительность сменяются спокойствием и смирением. Желание жить, любить и печалиться, жизнелюбие и нежность. Сравнение с паутиной, лёгким инеем. Героиня полностью отдаётся своим переживаниям, душевной тоске, музыке, противоречиям и, самое главное, надежде.

В стихотворениях практически отсутствуют глаголы прошедшего времени. Поэтическая героиня живёт настоящей жизнью, смотрит в будущее. Настоящее и грядущее – это природа, которая является Вечностью, а человек в ней – частичка мироздания. Богата образная картина: ветер – проказник, осенние цветы, осень, сад, бульвар, мостовая, кружева инея, листопад и дождь.

Лирическая героиня в стихотворении «Соберутся, слава Богу...» в 50 лет прощается с бабьим летом – «На закате бабье лето», а приятель – ровесник «Комплимент отпустит тонкий / И, поклон земной отвесив, / провожать пойдёт девчонку». Женщина ограничена временными рамками в любви. В последних строчках вечность природы «То же небо! Те же птицы...», а в руках женщины по-прежнему синица, журавль – в небе. Приём параллелизма в стихотворении «Тайна первого росточка» отражает нежность появившегося ростка из земли и тайну созревшего зерна. Милые черты «ангела-дочки» от прозрачности озёр, от синееющих небес.

В образной системе представлено фольклорное начало, также в ритмико-мелодическом рисунке и в жанровом разнообразии.

Сказочные образы: «маленький принц», «корона» для принцессы, «к небесам летит копьё».

Фольклорные мотивы часто сменяются библейскими. Обращение к Богу чаще всего в первых стихотворных строках. Это напоминает начало молитв. Молитвы как характерная для женщин благодарность Творцу за всё, что им послано. Здесь и смирение, и покаяние, и спокойствие, и твёрдость духа, и противостояние всем невзгодам и испытаниям. «Соберутся, слава Богу», «... Слава Богу, / Остались живы и живём», «Что это, Господи?! / Это угар – / милость Твоя? Наказание? Дар?», «Ну – всё, отпускаю. / Ступай себе с Богом». Создавая художественный текст, С. Шувалова находится под воздействием самых разнохарактерных внутренних ощущений и побуждений.

Образы-персонажи поглощают и аккумулируют энергию авторских эмоций, определяющих характерологию героев и их индивидуальность. Образ Осени:

Штрих наносит
 последний Осень –
 Чуть постели, багрянца след...
 Соснам, елям
 оставит зелень...

Часто повторяющийся образ свечи: «Свеча на рояле», «Свеча горит, ты дремлешь в кресле...», «Свеча догорит и завянут цветы».

В стихотворении «Серебристое танго» безысходность перед концом жизни параллельно со сменой времён года. «Осень играет чуть слышно / Серебристое танго дождей...». Осень – зима. Смерть, тишина, покой. Это лирической героиней принимается как смирение: «И не вырваться ныне и присно / Мне из этих волшебных сетей». Словами «Самое лучшее Божье творение – / Это, наверное, всё-таки Жизнь!» поэтесса показывает своё жизнелюбие. Слова Бог и Жизнь с заглавной буквы. Бог – это жизнь, Жизнь есть Бог.

Кроме жанра молитвы поэтесса обращается, по-своему трансформируя, к жанрам народно-поэтического творчества: заклинание, плач, магическая сила которых помогает лирической героине преодолеть непознаваемое, сложное:

Добром – на добро
 И на зло – добротой.
 Ударили в щёку –
 Пожертвуй другой.
 Как заповедь эту
 Непросто блюсти!
 Я сердце своё
 Зажимаю в горсти.

Творчество С. Шуваловой отмечено печатью драматизма. Её поэзия эмоциональна и уязвима. Лирическая героиня сполна испытала и одиночество, и житейские невзгоды, вызванные социальными и личными катаклизмами, и тщетность попыток отвоевать у судьбы место под солнцем.

Рассматривая систему пейзажных образов в художественном мире поэтессы, следует отметить их индивидуальную неповторимость. Автор душевное состояние передаёт через «климатические» аллегории. Лирическая героиня и в беде, и в радости, и в расцвете сил, и на закате жизни обращается к природе – неизменному камертону её настроения.

В неутомимой жажде перемен.
 В неутомимом новом ожиданье...
 Как за соломинку – за дождь, за листопад...
 Всё это – Жизнь!
 И радость, и страданье!
 Друг друга в ней сменяют невпопад.

Отчётливо в лирике Шуваловой выступает «драматургический» элемент, который проявляется в композиции многих стихотворений.

Стилистические фигуры стихотворения «Серебристое танго» напоминают схему самого танца: многоточие чередуется с тире, как бы танцуя этот лиричный и в то же самое время экспрессивный танец.

Измученно гляжу – Боже правый!
 Вслед закатам...
 Листвы карнавал...

Особенность художественного мира Шуваловой в том, что автору свойственно наделять человеческими эмоциями мир одушевлённой и неодушевлённой природы. Распространяя способность эмоциональных реакций на явления

окружающего мира, она делает его более близким, понятным себе. С другой стороны, эмоциональное вовлечение мира в процесс взаимоотношения – результат зеркального отражения собственных эмоций и собственного «я» во внешнем пространстве.

Драматизм женской судьбы, проявленный с помощью образов природы, передаёт чувства лирической героини, одновременно придавая стихам нежный, пропитанный грустью, порой отчаяньем, интимно-доверительный характер. В мире природы автор находит истоки человеческой души, в которой, как в зеркале, отражаются различные чувства.

Стихи наполнены цветописью: багрянец, зелень, позолота, рябина, георгины, хризантемы, летняя просинь, серебристый, небосвод и др. Автор часто использует следующие стилистические фигуры: инверсию и умолчание.

Впечатляют стихотворения о природе. В них чётко прослеживается взаимосвязь Природы и человека – части Вселенной, Космоса. В этих стихотворениях нежность, краски золота – любимого цвета поэтессы. Красной нитью проходит мысль – Бабье лето – осени пора, пора Любви и Надежды на дальнейшую жизнь. Поэтический мир С. Шуваловой – это высокий голос и жизнелюбие:

Самое лучшее Божье творение
Это, наверное, всё-таки Жизнь.
И повторяю в момент озарения,
Как заклинание:

– Ещё повторись!

В статье «Момент озарения» Любовь Медведева написала так: «Стихи Шуваловой не затеряются среди других имён и дарований благодаря искренности и силе чувства, благодаря особенному трепетному высокому голосу и жизнелюбию. Поэтесса пишет о своей судьбе, а нам кажется, что она подсмотрела нашу».

Список использованной литературы

1. <http://prozaru-stat.pankin.ru/avtor/svetlayra>
2. <http://imena.pushkinlibrary.kz/lit.htm>
3. Савельева В.В. Художественная антропология и творчество писателя. – Усть-Каменогорск – Алматы ВКГУ им. С. Аманжолова: Казахский национальный педагогический университет им. Абая, 2007, с. 193-202.

Лариса МАРТЫНОВА

Минувшее в грядущем оживёт...

*Мы там, где себя видим;
ни время, ни расстояние
здесь ни при чём ...*

Дени Дидро

Работа над картиной прочно привязывает её создателя к пространству – линии горизонта, свету, цвету. Этот мир, как водоём, в котором плавают разноцветные рыбки художественных образов. Художнику, который намеревается воссоздать минувшее на холсте или бумаге, необходим посредник-рассказчик или артефакты прошлого, т.к. время не его стихия. Законы, способы чувствования и воспроизведения словесного и зримого миров настолько разнятся, что быть своим на Планетах Времени и Пространства практически невозможно. Мыслеобразы, пространственные и словесные, создают разные стихии. Иногда они соприкасаются, взаимодействуют, подобно земле, воздуху, воде или огню, но способы существования и законы в каждом из этих миров свои. Поэтому литератор, историк и живописец существуют на разных планетах, не говоря уже о совершенно абстрактном мире цифр, вход в который закрыт для большинства людей.

Восточно-Казахстанский музей искусств представляет читателям «Нивы» художника, творчество которого питалось в мире точных наук, было связано с историей, этнографией, краеведением и литературой нашего региона. Похоже, что Шангерей Ибраеву были открыты все двери.

Тайна творческого вдохновения остаётся тайной со времён неолита до наших дней. Как бы хорошо мы ни знали биографию художника, какими бы разнообразными документальными и мемуарными свидетельствами ни располагали, факт обретения им себя всегда представляет некоторую загадку.

Шангерей Ибраевич Ибраев родился 1 января 1928 года в г. Зайсане. Родители его – Ибрай Джуматаев и Батен Айшакова – были люди зажиточные. Опасаясь репрессий, в начале 1930-х годов они вынуждены были уехать в Барнаул. Позднее им пришлось сменить ещё не одно место жительства. Во всех последующих анкетах и автобиографиях Шангерей Ибраев всегда предусмотрительно называл себя сыном бедняка-крестьянина или рабочего. В 1938 году семья потеряла отца, и мальчику пришлось почувствовать ответственность за своих родных. Первым его местом работы стали кинотеатры города Семипалатинска, где он с 14 лет писал афиши для фильмов.

Закончив среднюю школу, благодаря прекрасному каллиграфическому почерку, он сначала работает в райземотделе, потом в районной прокуратуре – туда, в село Акжар Тарбагатайского района, переезжает семья Ш. Ибраева. Пройдут годы, он получит экономическое образование. С 1975 по 1988 год будет занимать высокий пост главного финансиста области – заведующего областным финансовым отделом Восточно-Казахстанского облисполкома.

Поражает то, что профессиональная деятельность на поприще финансов и экономики края и общественно-просветительская работа в лекторской группе народного университета культуры каким-то непостижимым образом будут связаны с его увлечением живописью. Сухие цифры финансовых отчётов констатировали для него не только очередные экономические достижения, но прогнозировали будущую судьбу его народа. А народ свой он чувствовал как некую сущность, осязаемую во времени. Образы минувшего вставляли перед ним как живые. Первая персональная выставка Ибраева состоялась в июне 1957 года. В 1974 году его работы отмечены грамотой всесоюзной выставки

произведений самодеятельных художников в Москве. В 1987 году он становится лауреатом Второго всесоюзного фестиваля народного творчества.

Работа в лекторской группе народного университета культуры, дружба с легендарным краеведом С.Е. Черных, очевидно, принесли Шангерееву Ибраеву сюжеты для серии картин, посвящённых истории города Усть-Каменогорска, и серии портретов высланных в усть-каменогорскую крепость революционеров. Он пишет не парадные портреты, но живых людей в интерьере современной им эпохи. Своими произведениями он иллюстрирует лекции по истории края. В 80-х годах передвижные выставки Ш. Ибраева посмотрели тысячи восточноказахстанцев. Он умел увидеть и воплотить на бумаге любое событие, о котором читал в книге. Может быть, поэтому популярность его как лектора была не меньшей, чем у С.Е.Черных.

Шангерей Ибраев использовал свой метод работы над картиной исторического жанра. Фонд музея располагает фильмом, который подарили жена художника Нурбану Имановна и его сын Сакен Шангереевич. В фильме живописец сам рассказывает о некоторых рецептах своей "творческой кухни". Его чрезвычайно привлекали старинные фотографии. Они были для него окнами в прошлое. Он смотрел на реки Иртыш и Ульбу, улицы родного города, которые в начале XX века выглядели совсем не так, как современные. Его привлекали лица, фигурки людей, бытовые сценки на улицах, покосившиеся домишки и знаменитый Покровский собор, уничтоженный в 1936 году. С фотографии он, как правило, писал ландшафты, панорамы, архитектурные сооружения начала века, заполняя это пространство по воображению. Иногда это были группы людей, животных, иногда – предметы быта.

Мы признательны директору Восточно-Казахстанского архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника Н.А. Зайцеву и сотрудникам этого музея К.М. Токумбаеву, М.М. Ларионову за помощь в подготовке каталога и выставки художника. Сравните старые фотографии и акварели художника. Вы почувствуете, как стремился он к достоверности образов, какой силой художественного воображения обладал. Поистине, Шангерей Ибраев «гулял» по времени, как мы по дорожкам сада. Его реализм – в той сфере, где художник с почтением относится к законам мироздания, ищет гармонию и славит Всевышнего, восхищаясь красотой мира.

В течение многих лет он работал в технике любимой им акварели. Иногда знаменитая медовая ленинградская акварель блестит и звучит в его работах как масло. Насыщенный цвет, плотный, почти пастозный мазок позволяют ему добиться особых средств художественной выразительности и поистине высокой форманты цвета в таких работах, как «Белая косточка», «Невестка».

Пейзажи Ибраева выполнены в классической акварельной технике. Художник использует различные сорта бумаги, которая в акварели играет роль света. Он мастерски владеет кистью, применяет приёмы широкой смелой заливки и точного завершающего мазка. К пейзажу Шангерей Ибраев относился прямо-таки по-кастевски. Основатель казахстанской национальной школы живописи говорил: «Без людей пейзаж мёртв. С людьми он оживает. В природе появляется смысл». Также и в пейзажах Ибраева вы не найдёте ни одной работы, где не обозначено присутствие человека в этом мире. Тонкой беличьей кисточкой на дальнем плане пишет художник лодочку или подвесной мостик, юрту, мазар, одинокого всадника. Здесь колорит его полотно более сдержан, чем в многоцветных бытовых и многофигурных сюжетных картинах. Пейзажи выдержаны в зелёных тонах различных оттенков – от самого тёплого до холодного.

Зрителю, как правило, не требуется анализировать тонкость в нюансировке цвета или гармонию цветовых пар, хотя всё это присутствует в работах

Шангерей Ибраевича. Вспомним о самом главном. Живопись – искусство, отображающее феномен человеческих чувств на плоскости картины, и, следовательно, самое ценное в ней – тот кокон, сгусток эмоций, который автор передаёт нам свойственными ему средствами художественной выразительности. Кто как умеет. Можно с помощью квадратов Казимира Малевича, можно средствами современного фотореализма. Согласитесь, особая гармония, заключённая в этих работах, чувствуется даже на репродукциях. К ней же, гармонии взаимоотношений человека и природы, стремился художник в творчестве, посвящённом традициям и быту казахского народа.

Тысячелетиями кочевали номады по степи. И себя, и степь сохранили, научились быть счастливыми. А сквозь цифры его статистических отчётов экономики, нацеленной на ускоренную индустриализацию, плакала степь, сокрушался кочевник, утративший душевный покой вместе с привычным ему образом жизни. И всё это подспудно, подсознательно обозначила акварель Ш.Ибраева. Ибо его работы – свидетельство переходной революционной эпохи, меняющей пейзаж, преобразующей судьбы людей. Удивительно, что и трагическая нота в них не звучит диссонансом.

В целом, все они оставляют удивительно лирическое ощущение.

Одна из лучших работ художника – акварель «Бата». В центре листа молодой человек, атлетическому телосложению которого позавидовал бы любой спортсмен. В руках его нож. Акварель осязаемо передаёт, как перекачиваются мышцы на его руках под тяжестью жертвенного барана, тело которого уже безвольно вытянуто по вертикали. Эта мощная доминанта картины дополнена не менее выразительными образами людей старшего поколения, благословляющих последующее действие традиционными словами: «Ты невиновен, ведь у нас нет пищи». Картину эту можно было бы отнести к бытовому жанру. Однако взгляните в лица участников действия. Они не радостны, не печальны, они – торжественны. Шангерейу Ибраеву чужд излишний натурализм и монументализм. В решении подобных тем помимо врождённого чувства композиции ему помогало, очевидно, такое же врождённое чувство такта. Он не дистанцируется от своих героев, как этнограф, изучающий

быт и фольклор. Мы понимаем, что в этой сцене он не сторонний наблюдатель, но такой же участник обряда, смысл и назначение которого теряются во времени. Современные учёные удивляются тому, что на земле нет ни одного народа, который не имел бы теологических представлений о мире, гармонии в нём, установленной в виде неизбежных и не всегда понятных для нас законов. Закон жертвоприношения (дани), отдаваемой другому миру, человеку, природе для поддержания некоего равновесия в целом – основополагающий постулат в любой теологической системе. Мы, современные люди, часто забываем об этом. Возможно, что работа эта – своеобразные «Слова назидания» людям будущего, выраженные художественными средствами живописи. Выверенное колористическое решение картины, наряду с композицией при всей её насыщенности деталями, позволяют художнику удержать общий эмоционально-торжественный настрой произведения. Такой результат является явным исключением из общих правил. Вспомним, как мучился с этой проблемой знаменитый Е.М.Сидоркин. Он просто подавлял в себе страсть и тягу к изображению вещного мира, справедливо полагая, что детали отвлекают нас от главного. Как хорошо, что Шангерей Ибраев, очевидно, не знал этих правил. В этой работе ему удалось сочетать то и другое.

мании к пространству, даже выборе форм, моделей, объектов. Ничего вычурного, уродливого, жестокого, большого – всего того, что так любит пресыщенный современный авангард.

Шангерей Ибраев был своим в мире слов и мире чувственных пространственных образов. Он сохранил для нас неповторимые детали жизни своих современников. Он нашёл дорогу в далёкое прошлое и сделал его зримым для нас.

Он не был профессиональным художником в современном понимании этого слова, но и любителем его не назовёшь, ведь последний подобен космонавту в скафандре, который держит в руке розу и не чувствует её колочек и запаха. Профессионал же тот, кто на своей планете дышит и движется как абориген, тот, кто умеет вытащить рыбу-образ из глубин своего «Я» и показать её в произведении искусства.

Как относиться к творчеству художника, каждый решает сам, однако поверим и компетентному суждению Е.И. Нуразхана – известного художника-графика, заместителя директора государственного музея искусств им. Абылхана Кастеева. Перед его глазами прошли сотни и сотни работ казахстанских и зарубежных авторов. По его словам, в судьбе и творчестве нашего художника действительно есть нечто такое, что позволяет сравнивать его с Абылханом Кастеевым. Их роднит пристрастие к акварели, та же целеустремлённость в выборе творческого пути, тот же гармонический мажорный лад в большинстве произведений, трепетное и вдумчивое отношение к прошлому своего народа. Чистое сердце, детская непосредственность и пророческая мудрость. Всё это было у них обоих.

г. Усть-Каменогорск.

В настоящее время искусство воспринимается нами в большей степени как предмет потребления в индустрии развлечений. Мало кому приходит в голову мысль, что увлечение музыкой, фотографией, рисованием могут стать основой, цементирующей и направляющей судьбу. Пример Шангерей Ибраева – образец поразительной целеустремлённости, работоспособности, верности однажды избранному пути в жизни.

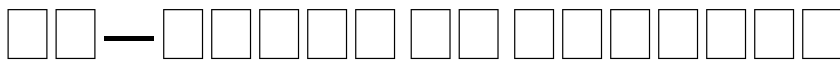
Он покоряет нас нежным чувством любви к отечеству, проявляемым в мельчайшей проработке деталей, пристальном вни-

Сауле БЕККУЛОВА,

кандидат искусствоведения

Я пришёл из детства, как из страны.

Антуан де Сент-Экзюпери

В парк моего детства – алма-атинский парк культуры и отдыха им. М. Горького – мы приезжали воскресным днём, как на праздник. Обычно папа нёс на плечах братишку, ведя меня за руку. Иногда нас сопровождала мама, нежная, хрупкая, притягивая взгляды необычной красотой и всем своим обликом дамы века 19-го. Ведь неслучайно друзья, ровесники и сокурсники отца из Питера-Ленинграда звали её «тургеневской девушкой», будучи тайно или явно влюблены и отчаянно завидуя счастью отца. Соперничество как мощный стимул борьбы и роста дало свои плоды много позже. Время показало результат: кто-то стал знаменитым художником (С.А. Мамбеев, К.Т. Тельжанов), кто-то академиком медицины (С. Балмуханов) или гуманитарных наук (З. Ахметов). Их, друзей дома, было предостаточно: молодых, энергичных, страстно верящих в завтрашний день своего народа. И мне, вероятно, весьма повезло: все они носили меня на руках в грудном возрасте, все поклонялись культуре семьи и счастья нашего дома.

Семья Беккуловых.

Сабира Нурумжановна Балгожина.

Сохранились фотографии той поры, подписанные каллиграфическим почерком мамы, Сабиры Нурумжановны Балгожиной. Ей прочли большое будущее выдающегося учёного, звали точной копией Магжана. Приглашали продолжить занятия наукой в аспирантурах Москвы, Ленинграда, Киева. И предлагали это лучшие специалисты своего дела, профессора из названных городов, в годы войны эвакуированные в Алма-Ату. Вот у них в стенах известного Казахского педагогического института и окончила исторический факультет моя мама, параллельно обучаясь в институте иностранных языков и освоив в совершенстве английский. А если учесть, что в школе Аягуза Семипалатинской области она получала азы знаний у репрессированной интеллигенции России, в большинстве – профессионалов-учёных, станет абсолютно ясно, что девочка из весьма благородной и обеспеченной семьи дворянского происхождения отнюдь не случайно с лёгкостью овладевала

навыками будущего светила науки.

В Алма-Ате, после института, она стала аспиранткой в Академии наук Казахстана под руководством Каныш Имантаевича Сатпаева. Непосредственным руководителем научной работы был назначен Е. Бекмаханов, первый казахский учёный – профессор истории, создавший и возглавивший институт истории Казахстана. Вместе с репрессией, лишившей его всех званий, отправив в ссылку в Сибирь, закончилась и научная работа мамы, посмеявшейся в дни очернения имени учёного выступить перед могущественной шельмующей комиссией со словом обвинения их в легковерии и заклеивив позором. Кто-то, шёпотом восхищаясь, сокрушённо сказал, что никогда отныне ей уже не удастся заниматься наукой. Об этом мне поведали учёные значительно позднее, сожалея и сочувствуя, но не присоединив тогда голоса в защиту напрасно обвинённого Бекмаханова. Понадобилось усилиями его научного руководителя Панкратовой и политической власти Москвы много сил и времени, чтобы был отменён приговор, чтобы сосланный Ермахан Бекмаханович был возвращён на свободу, вновь защитил в Москве докторскую диссертацию о роли Кенесары Касымова в истории казахского народа и в 42 года вновь стал доктором наук и самым ярким и серьёзным из числа выдающихся учёных Родины.

Но к тому времени мама моя, уже будучи замужем, работала в другом качестве – научным сотрудником сектора редкого фонда Академии наук КазССР, библиографом научной библиотеки академии, в редакции Казахской Советской Энциклопедии. Преподавательская деятельность, к коей у неё было призвание, проистекала в стенах КазПИ после его окончания с отличием и продлилась недолго. «Виной» – моё рождение и история с аспирантурой.

Это внушительное «отступление» от темы золотой поры детства моего – необходимое условие правильного понимания обстоятельств моего вхождения в взрослый мир родителей и их друзей.

Папа мой, Аблхай Беккулович Беккулов, выходец из семьи, жившей в предместьях Алма-Аты. Он никогда не рассказывал мне о своей родословной, чем немало удивлял и порой огорчал меня. Причиной, в зрелом возрасте осознав и поняв, я узнала, было нежелание «подставлять под удар» наши жизни и судьбы. И это тоже связано со временем бесчеловечным и страшным – репрессивным. Так, лишь случайно, в поездке в Киргизию я услышала о близких, родных, погибших безвинно и безвестно в 30-40-х годах. Так, один из папиных одарённых дядей, аспирант МГУ, возвращаясь из Москвы, был встречен прямо на вокзале, снят с поезда, арестован и больше его никто не видел.

Отца, когда он был ребёнком, вместе с другими малышами однажды ночью, без одежд и долгих сборов, увезли, вернее, унесли в далёкий Бишкек и его окрестности. Бежали босиком и едва одетые, предупреждённые о смертельной опасности. Бежали к незнакомым людям в надежде на помощь. А ведь и киргизам грозила смерть в случае, если откроется, что они дали кров и пищу детям и родным «врагов народа». Там остались, выросли, обзавелись семьями многие из наших родственников.

А папу, дабы дать ему образование, определили в школу-интернат в Алма-Ате, изменив имя Абулхаир и лишив отчества. Здесь он учился вместе с будущими «звездами» казахской интеллигенции. Папа не был словоохотлив, как и дед мой (мамин отец) Нурумжан Касымжанович Балгожин.

С дедом
Нурумжаном Балгожиным.

Зато блистал на лекциях во вновь созданном институте народного хозяйства, где принимал самое деятельное участие в организации учебного процесса и создании кафедры, которой и заведовал до конца дней своих, уже будучи доктором наук и профессором. Окончив с отличием Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, он в годы студенчества обрёл большой круг друзей и единомышленников из талантливой казахской молодёжи – студентов Ленинграда и Москвы.

В один из приездов в Алма-Ату, увидев маму, он влюбился и стал упорно добиваться её согласия на брак. Отчаянно ухаживая, он был на грани жизни, когда судьба ему улыбнулась. И брак состоялся, неожиданный и многообещающий. И судьба папы тогда была, конечно, счастливой. Стремительный рост в науке, в карьере, в жизни. Рождение двоих детей. Обилие родственников, «осаждавших» крошечную однокомнатную квартиру в центре города.

Семья Беккуловых-Балгожиных.

Приезжая, как сейчас помню, целыми «аулами», на арбах и лошадях, они гостили сутками, шумно проводя время в городской среде именитых родных. Облепивая пространство вокруг дома своими многочисленными семьями, оставались ночевать и на полу комнаты, и на поляне под окном, прямо на земле и на раскладушках. И всё время – чай, застолье, смех, разговоры, вопросы, возгласы, песни...

Дети – а нас было немало – проводили время отдельно: в беседке, окружённой малинником и зарослями ежевики, на качелях-гамаках в кустах сирени, меж низкими постройками гаражей-сараяв, в бурных играх той поры. Иногда пели вместе старые песни своих родителей и стариков: «Хазбулат удалой...», «Катюша», «У Чёрного моря» и много других. Всем было весело, интересно и не хотелось расставаться, когда строгие голоса мам окликали нас в густых сумерках, зовя на ужин: «До-мой!».

А из парка культуры, где мы бывали отнюдь не вместе, но с родителями и родственниками, возвращались уставшие, довольные и гордые, торопя дни, чтобы вновь повторилось это волшебство: улыбки старших, наше катание на лодках по озеру, езда по детской железной дороге, весёлые открытия в зоопарке, прогулки в тенистых аллеях, мороженое в кафе, игры в зеркальных аттракционах, кино и... путь домой.

И никто не догадывался, что у нас – золотая пора, никогда не повторяемая, счастливая пора Детства. Отсюда каждый из нас выбирал путь в новую жизнь, что зовётся отрочеством, взрослением и огромными переменами. А сверкающие краски той незабываемой поры высветят много позже простую истину: мы – родом из Детства.

***

Солнце вливалось упругими золотыми струями в распахнутое окно, и утренняя прохлада, полная ароматов, медленно уходила из комнаты. Всё пространство наполняло щебетом птиц, звуками падающей воды – сосед поливал свой садик, – отдалённым лаем собак и кудахтаньем – рядом, в сараях, были соседские

мини-птичники. Запахи свежести, земли шли из близкого знакомого и достижимого окружения двора – мы жили на первом этаже двухэтажного дома из двенадцати квартир. Однокомнатные, с коммунальными крошечными кухнями, эти дома были полны детских голосов, бурных ссор и громких застолий, чётких правил жизни. Объединяло главное: уважение и любовь. Дети соседей никогда не оставались без присмотра: с любовью и заботой принимали их в отсутствие родителей люди, ставшие близкими и родными.

Так бывало не однажды и со мной. Тёплые голоса и глаза, ласковое отношение, всегдашнее приглашение с обильным и вкусным угощением остались в памяти навсегда. То блинчики с вишней, то галушки, то жаркое, то плов, то баурсаки, то жареная картошка... Украинцев-соседей было больше. И кухня, сообразно, доминировала такая. Тогда я и приучилась к борщам, которые впоследствии стали одним из моих «коронных» блюд.

Мама моя, хрупкая, тоненькая и очень добрая, не могла оставаться в стороне. Как и крепкие, цветущие соседки, она в воскресные дни, свободные от работы, стоя по несколько часов у электрической плитки, «колдовала» над пирожками: с капустой, картошкой, яблоками. Всё это в огромном блюде ставилось на стол, и детишки, приглашённые со всего двора, стремительно слетались к нам на угощение. Потом долго обсуждались достоинства тех и других яств. Было приятно слышать слова похвалы и искренней благодарности в адрес мамы. Хотя удивляться не приходилось.

Все дети относились к маме моей с восхищением, благоговей перед её внешним обликом: утончённым, аристократично-возвышенным, благородным. Черты лица – правильные, красивые, были лишены налёта повседневности и рутины, столь чётко обозначенные в облике окружающих женщин. Огромные глаза, светлые, внимательные, серо-зелёные со светло-карими вкраплениями, сияли нежностью и светом веры. Ум и прозорливость читались сразу. Только самые близкие знали то, что составляло стержень её натуры: целеустремлённость и страстная вера в завтрашний день.

С мамой.

Мечтая о прекрасном будущем для народа своего, гордясь своим казахским происхождением, мама никогда не позволяла себе унижать кого-либо «по национальному признаку». С равным почтением относясь ко всем в мире живущим на земле, она видела отчётливо и ясно то, что могло поднять на должный уровень жизнь соплеменников. Это грело сердце и не могло не волновать. Мне же нередко доставалось за нежелание просиживать часами над «Музыкантом Янко» Короленко на казахском языке, как и над «Казахскими сказками». Всё так легко и быстро давалось на русском, кругом – русское окружение, русская речь. Дети, случается, бывают жестоки, не научившись скрывать своих чувств, как их взрослые наставники. В моём дворе казахов, что скрывать, не любили. Их, интеллигентов, было очень мало. Это не обсуждалось вслух, но «витало в воздухе». И принято было повсеместно говорить и знать лишь русский язык – железный закон двора тех детских лет.

А потом переехали в другой район – в самый центр, в «престижный двор», в двухкомнатную квартиру. И смолк весёлый шум голосов детства, даривший столько радости сердцу и уму. Именно там, в заросшем кустами, цветниками, садами первом дворе остались мои лучшие воспоминания о золотой поре жизни. Следом пришла пора юности, уже в новом доме, в новом дворе, но там изменились и все другие приметы, приближающие к взрослой жизни. Там в 13-14 лет мне привелось с саднящим сердце отчаянием выбирать меж родителями – они расставались. Осталась с мамой и братом, открывая меру боли, разочарования, цену предательства и обмана – через болезни и выздоровление, через самоутверждение в близком примере мамы, не позволившей себе ни расслабиться, ни согнуться. Жизнь продолжалась...

***

Детство... Счастливые голоса... Запахи... Шалости...

Голос Борьки Хайруллина, а особенно – его смех, возникают в памяти, как солнечные ливни.

Взрываясь, его залиvistый, задышающийся, тонко переливчатый голос доводил нас всех до хрипоты – мы покатывались со смеху, не в состоянии остановиться, спросить причину его колик, захлёбываясь вместе с ним – покрасневшим до синевы, сложившимся вдвое, держась за живот, с глазами, полными слёз... Этот взрывающийся к небу звонкий и по-девчачьи тонкий хохот заражал всех. Случалось, приводя к совсем нежелательным последствиям.

Ещё в детском саду наши строгие воспитательницы корили нас за неуместность и несдержанность, слыша из спальни перекаты, доходящие до хрипа и визга...

Маленький, хрупкий, кареглазый, он при внешней застенчивости обладал потрясающим чувством лидерства и безудержной шаловливостью.

Вот мы степенно и послушно, отобедав и поиграв, направляемся группами в большие комнаты для полутора-двухчасового послеобеденного отдыха. Важно шествуя под предводительством наших почитаемых матрон, мы неспешно располагаемся на своих местах. Уже стихает увещевающий голос Валентины Ивановны, любимой воспитательницы, затухает шёпот соседей, медленно заволакивает сознание сон, как вдруг!.. Звонко прорезая тишину, взлетает колокольчиком смех... Одна трель, вторая, смех висит в воздухе, не смолкая, несколько секунд, и уже вы полностью во власти этого заразительного дрожания воздуха, уже улетучились и сон, и расслабленность, уже приподнялись над подушками головы... И вот вся комната – в плену этого одиночного восторженного голоса радости жить! Мы надрываемся все вместе, скатываясь с кровати на пол, кто-то кидает подушку, другую, визг, перья, летят в воздух одеяла и полотенца, прыжки и вопли неудержимо сбрасывают нас с постелей, заставляя объединиться в порыве шалости...

Наконец, суровый оклик с порога. И мы, пристыжённые, не сразу успокаиваемся и не вдруг осознаём, что причиной смеха стал... сам смех. А его «создатель», кося покрасневшими глазами и шмыгая носом, оправдывается, так смешно поводя узкими плечами и крутя из стороны в сторону стриженной остроносой головой с обильно выступившими веснушками, что мы вновь невольно заражаемся и начинаем всхлипывать вместе с ним, рискуя остаться без сладкого, без прогулки, без подарков...

И в школе, оказалось, мы вновь – в одном классе, за соседними партами. И те же шальные звуки в полной тишине урока, и волны гомерического хохота, внезапно тайфуном пронсящегося по классу... Негодование, изумление, гнев педагогов, наказание... Но никакие «меры пресечения» не были в состоянии унять ни нас, ни нашего «заводилу» – по-прежнему маленького, вёрткого, очень худого «ушастика».

И вот уже девятый класс. Мы – неуклюжие, стеснительные и вызывающе самоутверждающиеся подростки. Позади – лето.

Нас выстраивают на урок физкультуры. Мы с Борькой становимся в «хвосте» – как обычно, якобы на голову ниже всех. Внезапно наступает тишина. И голос куратора, насмешливо вопрошающий, что это с нами, пофамильно обращаясь именно к нам. Растерянно поглядев, иду к педагогу и... оказываюсь второй от начала строя. Недоуменно оглядываюсь на Борьку, а он, ухмыляясь и покраснев до корней волос, пристраивается рядом. Оказалось, за лето мы переросли почти всех. Одновременно, хотя не виделись за все каникулы ни единойжды. Все изумлённо оглядывают нас, молча, выжидающе, как и педагог, повергая в смущение. И вдруг.. Взлетев до потолка, всё тот же залиvistый смех ошеломляет всех. А ещё через миг мы, не в состоянии удержаться, уже под магией этого шквала, сокрушившего и покрасневшую до слёз педагогиню. Она утирает слёзы, взмахивает беспомощно рукой отстраняющим жестом, пытается что-то вымолвить... Не тут-то было! Все качаются, приседают, зажимают рты, вытирают глаза, а смех – неудержимый, заразительный, громкий рвётся и не стихает... Борька, смущённо косясь, вполне счастлив. Всё так переменилось! И всё-таки неизменно и верно сохранилось главное – нас объединяющая радость! Спасибо, детство!

г. Алматы.

Бейбит АХМЕДИЕВ

□□□□□□□□□□□□□□□□—□□□□□□□□□□□□□□

Смотрю чемпионат мира по тяжёлой атлетике и радуюсь за наших спортсменов. Такая маленькая девушка Майя Манеза удивила практически весь мир. Установила мировой рекорд. Но судьи почему-то не засчитали его. Но бог с ним, с этим рекордом. Я уверен, что Майя ещё покажет себя на Олимпиаде в Лондоне*. Меня волнует совершенно другое. Как филолог, я уже автоматически обращаю внимание на речевые ошибки дикторов. Слушая очередной репортаж с соревнований, заметил, что комментатор на казахском языке говорит про штангу «зіл темір». Ну, в общем, наверное, никому и дела нет, как он называет предмет, который с таким упорством поднимают спортсмены всего мира. Но что же на самом деле означают сии слова, так неудачно подобранные комментатором? Насколько я знаю казахский язык, слово «зіл» обозначает «тяжёлый, очень тяжёлый», а «темір» – железо, металл (чёрный). Ведь если углубиться дальше, то есть ещё и цветные. Что мы получаем: «зіл темір» – это тяжёлое железо. Одним словом, какая-то громоздкая, тяжеленная железяка. Если мы, например, говорим «штанга», то у нас в сознании сразу появляется очертание предмета, сделанного из металла (стали), а именно: длинный металлический стержень (гриф), на который с двух сторон надеваются плоские круглые металлические диски. А что в нашем сознании возникает, когда мы слышим словосочетание «зіл темір»? Конкретно – ничего. Это может быть и рельс. Ведь он тоже сделан из железа и имеет огромный вес. Это может быть всё что угодно. Насколько мне известно, из этого металла сделано бесчисленное количество всяких изделий. И многие из них имеют солидный, а некоторые просто колоссальный вес. Так что же всё-таки поднимают спортсмены на помосте – штангу или тяжёлую железяку? Поэтому, чтобы не попадать в глупое положение и не выставять себя на посмешище на весь мир, не надо изобретать велосипед. Предмет, который поднимают спортсмены на соревнованиях по тяжёлой атлетике, называется штанга. И это слово по происхождению не русское, а заимствованное. И вошло в русский язык из иностранного. И называется словом того народа, который её придумал. А заниматься бессмысленным словотворчеством, чтобы только насолить кому-то, по меньшей мере несерьёзно. Надо хоть иногда подключать к своей работе логику. Тут, по-моему, задевается честь и имидж страны, гордость нации. А из-за безответственной, бездумной деятельности отдельных

* Прим. от редакции. Майя Манеза на XXX летних Олимпийских играх в Лондоне в состязаниях по тяжёлой атлетике завоевала золотую медаль и установила новый олимпийский рекорд.

некомпетентных граждан (которым государство доверило ответственную работу) тень ложится на весь народ. Лично меня такое название этого предмета не устраивает. Штанга – она и есть штанга. И нечего выдумывать тут всякую ерунду.

Второй пример. Смотрел передачу про животных. Показывали фильм про гепардов и леопардов. Но диктор за кадром почему-то упорно называл этих двух совершенно разных животных, которые относятся к разным подвидам, одним словом «коблан». Но, извините, коблан – это леопард, а ни в коем случае не гепард. А если диктор не разбирается в этом, то, выходит, он профессионально непригоден. Ведь эту программу кроме меня смотрели сотни, тысячи зрителей, среди них, я уверен, немало детей. И в их сознание, с самого раннего детства закладывается такая белиберда. А ведь президент страны Н. А. Назарбаев ставит задачу перед народом стать одной из образованнейших стран мира. Но как мы можем стать такой страной, когда совершаются такие ляпы, и ещё на телевидении? Куда же смотрят господа чиновники, которые ведают этими направлениями внутренней политики? Если им безразлична судьба страны, нации, будущее детей, то зачем они занимают эти должности?

Легкомысленно относясь к своим обязанностям, многие забывают, что Казахстан – суверенная страна и многие люди из зарубежья смотрят на нас и делают соответствующие выводы. Старшего брата, как раньше, уже нет, и спрятаться за его широкой спиной, в случае чего, уже не удастся. За свои поступки теперь надо отвечать самим. Я уверен, что многие иностранцы знают казахский язык и прекрасно понимают, как мы на нём говорим. Так что те, кто думает, что, засунув голову в песок, как страус, можно от всего спрятаться, глубоко ошибаются. Всё это сразу бросается в глаза. Такими своими деяниями эти люди создают негативный имидж нашей страны на международной арене.

г. Талдыкорган.

Вета НОЖКИНА

Дырка от бублика

В детстве я любил бублики. С вечера бабушка ставила тесто, или как она говорила – опару. Опара пахла топлёным молоком и хмелем. Хмель рос у бабушки в палисаднике. Он обвивал плетень. В конце августа я помогал бабушке собирать его хрупкие шишечки.

Бабушка называла август «авгрусть». Я говорил ей:

– Нет такого слова.

А она мне:

– Как же нет? Лето скончалось – радость прошла, а грусть осталась, вместе с ей-то и урожай на горбу – чё ж тут весёлого-то?! Авгрусть он и есть авгрусть.

С бабушкой я не спорил. Она вон какая взрослая, жизни хлебнула, как она любила говорить. А поговорить она любила. Даже с опарой для бубликов разговаривала:

– Сладушка моя, опарушка, ишь как поднялась... Я тебя сахарком подкормлю, мучкой присыплю, полущалком укутаю.

– Баушка, чего ты с тестом разговариваешь-то, оно ж не слышит тебя?

– А вот и слышит! Мать моя с тестом разговаривала, матери мать с тестом разговаривала, а твоя мамочка пойдёт в универсам, готовую лепёшку прикупит – еште, мол, наслаждайтесь. А она, вона третьего дня, к вечеру уже кислятиной вонят.

– Вонят – это «воняет», что ли?

– Ну да, душком отдаёт... – ответила бабушка, выкладывая тесто на посыпанный мукой стол.

– Тебя вот, бабуль, послушать – так и жить сегодня нельзя.

– Дык, так оно и есть. Гляди, люди-то друг с дружкой не ладят – все разъехались по комнатушкам в многоэтажках-скворечниках, сидят себе каждый в своей клетке, с соседями не здороваются... А у нас было – у каждого дом, калитка не заперта – значится, хозяева в дому, заходи кто хошь. Да и куда уйдёшь-то: по двору дел невпроворот. Утром открыл глаза – и пошло-поехало: воды принеси,

Вета (Светлана) НОЖКИНА

родилась в г. Серебрянске Восточного Казахстана в 1964 году. По образованию филолог (Усть-Каменогорский педагогический институт). Работала учителем, референтом городской администрации, журналистом на телевидении. Публикации стихотворных подборок с 1989 года в журналах «Простор», «Литературная Алма-Ата», «Шыгыс-Восток». Лауреат фестиваля им. В. Грушина в номинации «Малая проза» (Самара, Россия, 2012 год), победитель литературно-художественного конкурса издательства «Deutsche aus Russland» «Современная сказка» (2012 год).

Основные творческие направления – проза, детская литература, литература для семейного чтения. Автор двух сборников стихов «Букет бессонницы» и «На белых скатертях земли» (2008), выпущенных в издательстве «Искандер». Песни Веты Ножкиной вышли в музыкальных альбомах «Гуляй, мальчик» (2003), «Вслед за «Атлантами» (2008), «Песенки детям от 4 до 8 лет» (2010).

Живёт в Алматы. В «Ниве» выступает впервые.

печку подтопи – хоть и лето, а вода горячая нужна. Пока солнце не встало – грядки подполоть надо. Очередь в сельпо занять тоже успеть надо, ну это один раз в неделю, а то и в месяц. Мы ж в сельпо-то что покупали – мыло, соль-сахар, из одёжи чего, да к празднику конфеток. Ох, любила я конфетки такие липкие, в сахару – их мы «Дунькина радость» звали.

– А почему «Дунькина», а не «Машкина»? – я уже несколько раз подцепил пальцем сырое тесто, а бабушке это даже нравилось.

– Ну, как на соль-то тесто?

Я одобрительно кивнул и отщипнул ещё кусочек.

– А комар его знает – почему «Дунькина». Липкие больно, в карман не положишь. А вкусные! Вот Дунька, наверно, как я, их любила, вот и радовалась – коли были они.

– Баушка, а ты вроде как тоже Дуня?

– Ты божий дар-то с яичницей не путай: Дунька – она Авдотья, а я Дуся – Евдокия, значит.

Евдокия говорила, а руки её проворно наминали тесто. Я смотрел на бабушкины руки – такие жилистые, сильные. Они ловко приминали тесто ладошками, тут же подсыпали свежей муки, и пышный ком плюхался на стол, где его сверху накрывал бабушкин кулак.

– Дунька у меня названная сестрёнка была, – продолжала бабушка. – Как война началась, её отца на фронт забрали, а мать простыла и померла опосля. Дунька у нас прижилась. Она меня была на год младшее, и какая-то вся тощая, здоровья никакого. Мы не такие уж и малёхонькие были – мне девять стукнуло. Фронт был далеко. Но вся страна только на фронт и работала. Мужиков-то всех забрали на войну. А бабы всю работу делали – кто посильнее, тех в поле. Моя мамка даже трактор научилась водить. А мы с Дунькой насобираем в поле сваленных колосков, обшелушим их, измелим на жернове...

– А «жернове» – чего такое?

– Жернова – да, молотка для муки. Её ещё мой дед в сарайке сделал из двух бо-ольших булыжников: один снизу, другой сверху. Тот, что сверху – с такой палицей деревянной, за которую крутишь, и камень об камень трётся, и зёрнышки мукой становятся, и мука из дырки в нижнем камне сыплется.

– Так тяжело же, наверное, было?

– А как не тяжко! Мы-то работы не боялись. Сызмальства и ведро воды притащишь, и корову подоишь. Я, было, сяду доить корову слева, хоть мамка всегда и наказывала – справа от коровы садиться, сдою корову, а она как лягнёт ведро, и всё молоко тю-тю. Я – в слёзы. А корове-то чё – стоит себе, косит глазом и мякиш жуёт. Мамка приучила её во время дойки мякишем хлебным кормить – мы ж сами хлеб-то пекли, и корове доставалось, ну как лакомство. Но это до войны ещё.

Бабушка уже накатала шариков из теста, обложила ими, как колобками, весь стол. Потом накрыла их полотенцем:

– Пущай отдохнут.

– А ты, когда маленькая была, как оттягивалась... ну, отдыхала как?

– Дед меня учил так отдыхать: вот полем мы грядку, спина затекла, ноги уже как деревянные. А он говорит мне: устала, чё ли, ну иди, передохни – воды с колодца натаскай. Воды две ходки сделаешь – руки аж ломит – ну-ка, четыре ведра-то покачай из колодца. А он мне – вон там, у плетня, куст малины поспел – иди, собери. И приговаривал – чтоб отдохнуть, надо работу сменить. Пособирала малинку? Теперь можно и дальше полоть. И сам постоянно чего-нибудь делает-делает.

Бабушка в это время уже сполоснула квашню для теста и перевернула её обсыхать. Руки о передник вытерла, под полотенце заглянула:

– Ой вы мои ладошки, поднялись-то как! – она вытащила один шарик, пришлёпнула его ладонью и быстро разрезала на несколько полосок.

– Так вот, мы с Дунькой перемололи зёрна в муку-то, в плошку пересыпали, хмеля туда щепоть, тёпленькой водички – и прикрыли, чтоб опара поднялась. А с молотилки остатки муки не сдули – забыли в порядок молотилку привести. А потом закрутились – воды натаскали пока, печку подтопили, уже время пришло в опару муки добавить и сыворотку. А там уже и катать тесто взялись, и лепить из него всякие крендели.

– Крендель – это бублик, что ли?

– Он самый. Мы сначала крендели лепили, а Дуня говорит:

– Давай не крендели будем делать, а бублики.

А я ей:

– Какая разница-то?

– У кренделя вон скоко дырок, а у бублика одна. Если крендель съешь, от него маленькие дырки в воздухе остаются, а от бублика – одна большая. И когда уже мы всё съедим, а дырки вокруг нас летать будут и пахнуть. Маленькие-то, что – быстро улетят, а от большого кренделя дырка долго ещё по дому летать будет. И когда голодно в животе станет – мы подышим большой дыркой от бублика – и как будто наелись...

Солнце закатилось, мамка вернулась, а у нас на столе бублики и крендели готовые. Чай пить сели. А тут стук в дверь.

– Фёдоровна, – кричат со двора. – Ты дома?

Хоть ворота нараспашку всегда были, а спросать полагалось. Голос-то это был нашего председателя колхоза – Ивана Игнатича.

– Заходи, Игнатич, заходи, – мамка крикнула в приоткрытую дверь.

Игнатич зашёл, шапку в руках мнёт и на стол косится.

– Проходи, гость дорогой, к чаю. Бублики вот девки напекли.

– Я, Лизавета Фёдоровна, по делу. Вы вот кренделями да бубликами шикуете, а война вокруг, а ты, Фёдоровна, бдительность потеряла. Напекли кренделей – на всю округу запах. А мы ведь всю муку до последней горсти в город посылаем. Откуда у тебя мука на печево?

– Да я ж... Я ж, ты знаешь, что день-деньской на пашне, на тракторе...

– Ты мне тут демагогию не разводи! Ишь, буржуйские замашки! Люди на фронте впроголодь, с фашистами дерутся, землю нашу защищают, а ты тут пирствуешь! А ну собирайся, со мной в управу поедешь ответ держать перед товарищами. И не стыдно – а?

Мамка зашаталась и руками ухватилась за стол:

– Ты, чего, Игнатич? Я же всю себя работе отдаю. И питаемся мы, как все – чем придётся.

– А откуда крендели? Из ворованной муки. Из государственного добра.

– Дядя Иван, это я крендели напекла, колосья на пашне собрала – всё равно с краю валялись...

– А-а! И ты туда же! Вот, вот как ты по-коммунистически воспитываешь девку свою. Сейчас она колоски своровала, а потом на убийство пойдёт и Сталина предаст...

Глаза его налились кровью, он схватил маму за шиворот кофты и потащил к выходу. Мамка как-то вся обмякла и не сопротивлялась. Я сдёрнула с вешалки мамино пальтишко и выбежала во двор. Игнатич уже волок мамку к повозке и всё ругался, ругался. Я только и успела закинуть в телегу пальтишко, когда Игнатич уже хлестанул коней, и они рванули с места. Но тут же Игнатич заорал на лошадей, подтянул удила:

– Дуська! Дуська – твою мать! Тащи сюда крендели – доказательства будут. Я шмыгнула в избу, перепугалась – аж сердце заколодошилось с таким громким и неровным стуком, как бы тележка с горы понеслась. Дунька успела стащить с тарелки один бублик. В избу влетел Игнатич, схватил чашку с печевом и хлопнул дверь. Потом мы услышали какие-то звуки в сенках, и в окошко увидели, как Игнатич тащит жернова к телеге. У меня внутри всё похолодело. Всю ночь мы с Дунькой проплакали. Потом с утра к нам соседка пришла – тётя Тоня, принесла капусты квашеной. Села на табурет, глаза вытирает платком и причитает:

– Ох вы мои сиротинушки...

Я ещё не знала, что мамку больше не увижу никогда. Потом приехала злая тётка из управы и приказала:

– Собирайтесь! Вещи все свои возьмите, и тёплые, на зиму – тоже. В детдом вас определят.

Так я в детдом и попала. Дуняшу через какое-то время в другой детдом отвезли, мы и потерялись.

– Бабушка, ты не обожгись, давай я противень подержу, – я и не заметил за рассказом, как бабушка уже разогрела духовку и приготовилась ставить первую партию разложенных рядком, смазанных маслом крендельков да бубликов.

– Противень-протвень! Лист это называется. «Противень», – не унималась она. – Слово како-то противное. А на листе – ишь как уляглись крендельки с бубликами.

– Так вы тогда даже дырку от бублика не успели оставить в доме?

– Не, один-то Дуняша спрятала, мы его ночью съели напополам. И я потом представляла, что дырка от него там в доме осталась летать. Ну давай, что ли, чай ставь, скоро родители с работы приедут...

Я долго потом ещё вспоминал этот бабушкин рассказ. И представлял, как люди всей планеты поедают бублики, а дырки от них летают вокруг. И мы уже дышим этими самыми дырками. А дырки начали войну против воздуха, собрались в одну большую дыру и стали называться чёрной дырой, которая засасывала всё плохое на Земле. И как-то ночью мне приснился сон – как в чёрную дыру полетел Игнатич и как бабушка стояла и грозила ему бубликом. И как откуда ни возмись, появилась бабушкина мама, и несла она в руках огромную чашку с бубликами и улыбалась.

Магазинные истории

1. Любка

Любка терпеть не могла справлять свои дни рождения. Юбилей – куда ни шло. Вот на пятидесятилетие, понятное дело – сродственников, сотрудников, подружек надо будет созвать. Но это через два года ещё. А сегодня позвонила подружка Сонька, поздравила с днюхой и напросилась на ужин. Любка хотела отпраздновать по-тихому, со своим новым другом таксистом.

Жизнь у Любки как-то не задалась. После школы пошла на швейную фабрику. Думала, год-другой поработает, а там в техникум поступит. Но работа затянула. А как вступительные экзамены подоспели, поняла, что школьную программу запамятовала. На первый-то экзамен сходила. Письменный был. Почитала задание, покрутила ручкой перед чистым листком, поглядела на молоденьких старательных выпускников и решила – не для неё эта учёная жизнь. А и чего

учиться? Ей уже комнату в общежитии дали, зарплату хорошую назначили – вон прошлой зимой себе дорожечку пальто справила. Драп новый завезли – изумрудного цвета, в крупную клетку, такое отменное пальтецо вышло. Не-ет, учёность не для неё. Встать и уйти с экзамена не решалась. Досидела до конца. Потом затесалась в толпе сдающих работы, да и прошмыгнула по-тихонькому на улицу. Так и распрощалась с учёбой. А потом жизнь круговертью пошла – на работе в передовики выбилась, даже грамоту дали и на Доску почёта портрет повесили. А там в кооператив вступила на квартиру. Деньги в банк положила на МММ, да «сгорел» банк, а вместе с ним и денежки тю-тю. Но кооператив художественно выплатила. Теперича было самое время семью заводить. Но вот больно смущалась Любка при виде парней. С детства считала себя дурнушкой, и обзывали её в классе почём зря – то тряпкой, то кляксой. Смирилась Любка с такой своей долей и всё мечтала – вот закончит школу, переберётся от бабки в город и заживёт новой жизнью. Уехать-то уехала. И, как вишь, добилась уже много чего. Ан нет, семейная жизнь не заладилась. Сначала с одним познакомилась – так он Любку просто-напросто обокрал. Все побрякушки нажитые унёс. Второй – тихий был, кошки не обидит. Но пить начал. Любка его и из вытрезвителей вытаскивала, и по наркологическим больницам возила. Всё думала – очухается. Не очухался. Однажды палёной водкой траванулся – не откачали. «Скорая» до больницы не довезла – помер. А потратила на него Любка целых десять лет.

И вот недавно ухаждёр появился – таксист. Ну, не так чтобы настоящий таксист, а как по-ихнему говорят – «бомбила». Любка нарадоваться не могла мужику в доме. А он и кран отремонтирует, и утюг починит. И такой умный – вечно газеты читает. Лежит на диване и читает, читает. Любка с него пылинки сдувает. Пирожков настряпает, котлеток нажарит, холодца наделает. Всё лепетала вокруг него – Васенька да Васенька.

– ... Сонька звонила уже. Васенька вечером приедет, к шести часам, и вы с мужем подходите, – протелефонировала Любка ещё одной подружке Алле и поставила в духовку курицу.

– Батюшки, у меня ж сока никакого нет, – всплеснула руками, быстренько стащила передник, схватила сумку и помчалась в магазин.

В магазинчике, что рядом с домом – одна кола да спрайт. А в четырёх кварталах всего – новый гастроном открыли. Любка туда. Сок уже выбрала, к кассе подошла. В это время три мужика в масках ворвались, кричат:

– Всем на пол!

Один – тот, что повыше других, к кассе подбежал и кассирше приказал:

– Руку одну подняла вверх! Другой быстро деньги в пакет!

У Любки как будто вся жизнь перед глазами пробежала. Она голову в пол уткнула, и тут её всю как встряхнуло – в духовке ж курица. Любка, сама не понимая, что делает, соскочила, ей в маске крикнул что-то, а она и не услышала ничего. Сок на полу бросила, к двери кинулась, а там ещё один дорогу перегородил и грозно заорал:

– На пол! Легла на пол!

Любка с испугу остановилась. Что-то промелькнуло в груди от услышанного голоса. И даже как будто этот в маске замешкался. Любка воспользовалась заминкой – и к двери. В этот момент и почувствовала острый удар в спину. Боль ошпарила тело. Ноги подкосились. Любка только и успела проговорить:

– В духовке курица... – и повалилась на пол.

В себя Любка пришла от толчка. Перед глазами совсем близко медленно проступал потолок машины и сбоку послышался голос:

– Пришла в себя. Пять кубиков кетонала.

– Э-э-э... – Любка попыталась шевелить языком, но рот был закрыт каким-то кляпом.

Из глаз выкатились слёзы.

– Потерпи, милая...– услышала Любка и отключилась.

В палате, куда Любку перевели после реанимации, свободная кровать стояла около двери. Зашёл молоденький доктор:

– Ну что, героиня, сходила в магазин? Говорят, как на амбразуру кинулась на грабителей. Хорошо, что нож прошёл по мягким тканям.

– У меня курица... была... что теперь с квартирой...– Любка еле выговорила.

– К вам следователь, ответьте на вопросы. Только, пожалуйста, недолго, – сказал доктор, обращаясь к стоявшему за ним человеку. Следователь представился и показал корочки.

– Любовь Викторовна? Крохина?

– Мг...– Любка кивнула. – Вы мне скажите, что с квартирой? – пролепетала она.

– Вы только не переживайте, по документам у вас в сумочке мы нашли ваш адрес, туда поехал участковый, а там у вас и застал двух грабителей...

– Как это у меня?

– Одного успели задержать около магазина, а двое скрылись. Задержанный дал показания. Наряд милиции поехал на задержание, а там ваш участковый уже. И, как выяснилось, это ваша квартира. Любовь Викторовна, в каких отношениях вы находитесь с Василием Соколовым?

– Ну, это, мой... мой... муж гражданский...

– Знаете ли вы о том, что Соколов Василий имел судимости?

Любка еле слотнула подступивший к горлу комок. Как же: Васенька – и судимости... В памяти проскользнуло знакомство с Васенькой, его уклончивые ответы на тему прошлой жизни...

– А что с квартирой-то? – Любка умоляюще посмотрела на участкового и представила себе самую ужасную картину – выгоревшую, пустую, с выбитыми стёклами квартиру, и схватила рукой за сердце.

– Всё, всё, прекращайте беседу, – доктор тронул следователя за плечо.

– Вы скажите мне, что с квартирой-то? – требовательно закричала Любка, приподнимаясь на кровати...

– Люба здесь Крохина? – из-за двери выглянула голова Соньки. – Любонька, звёздочка ты наша, – Сонька кинулась обнимать Любку. – Вот изверг-то твой оказался, а?! Это ж он тебя ножом-то... Ты не переживай, всё дома нормалёк. Участковый вовремя успел, вот ещё бы немного – и...

Сонька тараторила и тараторила. А Любка наконец-то вздохнула успокоенно:

– Сходила за соком...

2. Шубка

Всё началось с того, что она хотела купить себе новую шубу.

– Венечка, ну посмотри, уже все наши ходят как люди, одна я в старой...– Аська стояла за спиной мужа и ныла.

Вениамин сидел в своём любимом крутящемся кресле, за своим рабочим столом, в своём кабинете, на своей фирме, и уже три года зная свою жену, был уверен: «Не отвяжется, пока не добьётся своего».

Он развернулся:

– Капусик! Каждый день в мире появляется тридцать три новых продукта. Если все деньги будут тратиться только на новинки, откуда будут брать средства на технологии?!

– Ты такой умный... Я ничего не поняла... Но без новой шубы я чувствую себя не защищённой тобой! Я чувствую себя голой! На меня смотрят как на чучело! Как на вчерашний день... – она скривила губки, готовая вот-вот расплакаться.

Вениамин медленно достал портмоне. Уголки её губ потянулись вверх. Он любил эти моменты, поэтому медленно открыл «лопатник» и, следя за её глазами, готовыми всё тело утащить в эту кожаную бездну, находящуюся в его руках, так же медленно вытащил кредитку.

– Венечка! – она взвизгнула, проговорила ещё что-то на междометиях и, послав воздушный поцелуй, скрылась за дверью.

«Я, кажется, знаю, что нужно сделать...нужно купить ей магазин...А что? Купил же я когда-то магазин меха своей бывшей», – подумал Веня, кивнул самому же себе, вздохнул и нажал кнопку вызова:

– Пригласите ко мне Сергея Викторовича...

Аська, пока выходила из офиса, успела обзвонить двух подруг и назначить встречу через час в любимом кафе. Она представила себе, как они раскроют рты от зависти, когда она распахнёт двери и воздушной походкой, как в замедленном кино, будет идти навстречу к ним в своей новой шикарной шубе – ровно через час...

– Сергей, – постукивая пальцами по столу, обратился Вениамин к вошедшему моложавому сотруднику, – проследи за Анастасией Анатольевной. Свободен.

Сергей работал в фирме «Лентус» уже почти два месяца и пока выполнял мелкие поручения. Он был вынужден работать здесь по заданию нанявшей его Элен Тусовской за очень приличное вознаграждение. Он был и сам не прочь влезть в доверие хозяину фирмы и как можно глубже засунуть руку в его карман. Пока же шла хорошая двойная зарплата – одна со стороны Элен, а другая – со стороны Вениамина. По заданию Элен в его функции входило следить за всеми перемещениями бывшего мужа Вениамина, по возможности – за перемещениями его денежных потоков. Со стороны же Вениамина – он должен был следить за похождениями его нынешней жены Анастасии, или попросту – Аськи.

Аська вела машину заливхацки, успевая подрезать парочку лохов, показать им средний палец, намазать губки блеском, посмотретья в зеркало, прикурить сигаретку и, утончённо стряхивая пепел за окно, пококетничать глазками с водилой-праворулькой во время ожидания на светофоре. Аська знала, что по поручению мужа за ней неотвязно следует его сотрудник по имени Сергей. И она иногда позволяла себе позаигрывать и с ним, то выжимая большую скорость, то неожиданно сворачивая в переулок. Но сегодня ей было не до этого.

Припарковав машину, она деловито поднялась по ступенькам магазина. Болтающие от безделья продавщицы оживились, увидев состоятельную блондинку.

– Чем вам помочь? – вытянулась в струнку одна из продавщиц.

– Покажите мне ассортимент меха из последней коллекции... – расстегнула, скинула старую шубку и плюхнулась в кресло Ася.

Продавщица расплылась в предчувствии аромата больших денег:

– Мадам, кофе? Чай? Вот, пожалуйста, посмотрите наши каталоги...

– Не мадам, а мадемуазель, – строго проговорила Ася, хотя не понимала разницы между этими словами, но хорошо знала – когда ей нужно показать превосходство, она должна не соглашаться, а противоречить.

– Вы сделали правильный выбор, что обратились к нам! У нас есть всё для вашего вкуса... – изливалась перед покупательницей продавщица, открывая каталог.

– Что вы мне тут цирк устраиваете? Позовите главную, – Ася цокнула на лебезящую перед ней продавщицу.

И в этот же момент, как ниоткуда, возникла худая, высокая, коротко стриженная брюнетка:

– Я слушаю вас, – низким голосом проговорила брюнетка. – Норка, соболь, шиншилла, песец, ягуар – что вас интересует?

Аська еле сдерживала желание выкрикнуть: «Всё! Хочу всё!».

– Покажите самое новое! – вытянула губки Аська и как бы нехотя отвернула голову.

Продавщицы уже подвезли на каталке висящие ровными рядками экземпляры.

– Вот шиншилла, соболь, рысь – эксклюзивный дизайн. Только человек утончённого вкуса понимает – что вчера было модно, уходит в разряд «ретро». Мы можем предложить горностаю, бобра, выдру, а также куницу, морского котика, синюю сибирскую лисицу, каракуля и тигра...

Брюнетка произносила все эти слова, перебирая пальцами меха.

– Примерьте вот это, – лёгким движением она извлекла с вешалки одну из шуб, скинула её с плечиков и повернулась к Аське.

– Шик... – Аська вскинула на себя лёгкую шубку, крутанулась перед зеркалом, и мех заиграл, переливаясь голубым отливом.

– Это баргузинский соболь цвета чёрного шоколада с сединой и голубой подпушкой. За этот мех на пушном аукционе в Петербурге шли настоящие бои. Одна греческая компания готова была выложить по полторы тысячи долларов за каждую шкурку. Но мы перекупили, – гордо подкинув подбородочек, отчеканила брюнетка.

Раздался телефонный звонок. Аська продолжала крутиться около зеркала, поглаживая мех и рассматривая себя со всех сторон.

– Что? – произнесла в трубку брюнетка и отошла в сторону. – Ты ничего не перепутал? Это она? Хм, да я его обанкрочу! – почти шёпотом произнесла в телефонную трубку брюнетка.

– Я это беру... – лилейно простонала Аська.

– Я преклоняюсь перед вашим вкусом, – сквозь зубы процедила брюнетка. – Вы не желаете узнать цену?

– Вот кредитная карточка, снимите, сколько надо... – Аська уже и не собиралась переодевать шубку.

Одна из продавщиц взяла кредитку. Брюнетка испепеляюще посмотрела на блондинку и последовала за продавщицей, шепнув ей что-то на ухо. Обе ухмыльнулись. Продавщица простучала цену на посттерминале, провела карточкой, вздёрнула бровь и обратилась к Аське:

– У вас недостаточно средств...

– Этого не может быть! – но, видя лица продавщиц, она не могла позволить себе быть униженной перед ними. – Я сейчас же позвоню и уточню.

Аська набрала номер:

– Венечка, мне говорят, что денег недостаточно!.. Венечка, но это такая шкурка... Венечка, это просто отпад. Эксклюзив... Девочки, сколько она стоит?

– Миллион долларов! – после некоторой паузы проговорила брюнетка.

– Венечка... миллион... долларов... – слглатывая воздух, еле выговорила Аська.

На другом конце трубки возникло молчание...

– Подвезут? Наличными? – взвизгнула Аська и с благоговейной улыбкой крутанулась на одной ноге.

Вениамин вызвонил Сергея, приказал ему привезти недостающую сумму.

Прошёл уже почти час, но Аська в предвкушении покупки даже и не думала нервничать. Она была уверена, что подружки всё равно опоздают в кафе, и это

будет даже более сладостно – оттянуть момент их зависти. Аська выпила уже не одну чашку липового чая и, закусывая фирменным печеньем, была вся в ожидании.

Дверь в магазин неожиданно рывком открылась. Зашедший в тёмном пальто моложавый мужчина в сопровождении вооружённой охраны громко вызвал на себя внимание, высоко подняв красные корочки:

– Внимание, господа! Всем оставаться на своих местах! Финансовая полиция!

В глазах всех присутствующих возник ужас удивления, и особенно в глазах брюнетки и блондинки, которые почти в голос произнесли:

– Сергей?!

3. Кукла

– Аа-а-а-а!!! – орал мальчишка, лёжа на полу в центре магазина игрушек. – Я хочу эту! Я хочу эту! Я хочу эту!..

– Марат, ну как тебе не жалко собственного сына? – умоляюще выговаривала длинноногая молодая женщина маленькому толстячку в чёрном кашемировом пальто.

– Слушай, ему ещё только три года, а он уже требует! Сколько это будет продолжаться? – возмущённо проговорил толстячок.

– Как это сколько? Это же наш сын! – перешла на крик молодая особа.

– Это ещё надо проверить! – буркнул толстяк и наклонился к истерично вопящему мальчишке: – Кайрат, это не по-мужски! Немедленно встань!

Тот для приличия ещё раз выкрикнул:

– Я хочу... – но голос отца был слишком требовательным.

Недалеко стоявшая беременная женщина, глядя на эту семейную картину, подумала: «У меня так никогда не будет!» – она протянула кассирше деньги и выбранную машинку.

– Братику вашего будущего мальчика покупаете? – улыбнулась кассирша.

– Не-е-ет! Это я про запас, – ухмыльнулась беременная. – Я сегодня узнала, что будет мальчик, и вот решила купить машинку. Красивый подарок, правда?

У кассирши с лица исчезла улыбка, она молча пробила цену и выдала чек:

– Удачи вам...

– Зачем тебе столько красок? – возмущалась пожилая женщина, глядя на мальчишку, выкладывающего товар на прилавок кассы.

– Баб, ну ты ничё не понимаешь! Мы же решили в классе, что все станут знаменитостями – Денис будет Стивом Джобсом, Ритка Самойлова – Николь Кидман, Фарид Узденов будет Ясухиро Ямосита, а я буду Ван Гогом...

К кассе подходили разные покупатели. Кассирша продолжала снимать штрихкоды. Ей было интересно додумывать – кем станет тот истеричный мальчишка на полу, и тот, ещё не родившийся, но уже имеющий первую игрушку, или вот этот «Ван Гог»...

А Як наблюдал за продавщицей. У него никогда не было игрушек. У него не было и родителей. Он ночевал в теплотрассе с такими же, как он. Но у Лильки сегодня был день рождения. А у неё в детстве была кукла. В том детстве, когда её отец ещё не зарезал пьяную мать. Лилька, когда увидела тело матери, лежащее в луже крови, выронила из рук куклу... Як с Палым договорились прошерстить покупателей и найти Лильке подарок. За прилавок их всё равно не пустила бы охрана. Поэтому они решили дождаться покупателя с куклой и «вести» его – один спереди, другой сзади – пока не появится удобный момент.

– Леночка, посмотри, вот эта тебе нравится? – крупная женщина в маленькой шляпке обратилась к худенькой девочке.

Девочка наклонила в знак согласия голову.

– Что ж ты у меня со всем соглашаешься?! И когда ты заговоришь!

Кассирша, пробивая цену, обратилась к девочке:

– Как ты назовёшь свою куклу? – девочка посмотрела на кассиршу, потом на женщину и прижалась к ней, уткнувшись в пальто.

– Она не разговаривает у меня. Два года назад её напугал один пьяный во дворе, вот с тех пор уже столько врачей, больниц – а она молчит, – женщина поджала губы, погладила по голове дочку. – У неё сегодня день рождения, вот решили куклу выбрать.

Женщина передала девочке куклу, положила кошелек в сумочку и слегка подтолкнула дочку к выходу.

Як глазами передал сигнал Палому и, наклонившись, сделал вид, что стряхивает грязь с ботинок. Когда покупательницы проходили мимо, девочка проследила глазами за движениями Яка и столкнулась с ним взглядом. Она одной рукой прижала куклу к себе, а другой ухватилась за пальто мамы.

У выхода из магазина Як забежал вперёд и приоткрыл дверь. Когда мамаша выводила девочку, резким движением выхватил у неё из рук куклу и дал дёру через дорогу. Палый оттолкнул женщину, выдернул у неё сумочку и сиганул в другую сторону.

– А-а-а! Ограбили, – закричала мамаша и потянула девочку к себе.

Охранник магазина быстро отреагировал на крик и побежал за одним из грабителей. Здесь же, в одно мгновение, оказался полицейский:

– Пройдёте в отделение, не переживайте. Составите заявление. Найдём мы вашу пропажу.

В отделение полиции Яка и Палого привели минут через десять. На стол положили сумочку и куклу.

Палый пытался вырваться из рук крупного мужчины, который помог задержать малолетку. Якова держал охранник магазина.

– Знакомые всё лица! – глянув на шпану, произнёс полицейский. – Кукла-то вам зачем понадобилась?

Як, высвобождаясь от державшего его за шиворот мужика, вытер рукавом нос и исподлобья посмотрел на мамашу:

– Простите... отпустите, тётенька, не будем больше... Просто кукла понравилась...

Мамаша совсем не собиралась портить сегодняшний день – всё-таки день рождения дочери:

– Я не буду писать заявление. Тем более, всё нашлось. Отпустите мальчиков.

– Какие это мальчики! Да эти мальчики сегодня останутся без наказания, а завтра банк ограбят, – громогласно выпалил здоровый мужчина.

– Гражданка, вы совсем не понимаете свою гражданскую ответственность, – заявил охранник магазина.

– Это ваше право, – поставил точку полицейский. – Можете забрать свои вещи.

Мамаша взяла в руку сумочку, передала куклу дочери, и они обе скрылись за дверью.

– Ну, что? Мальчики! – полицейский посмотрел на подростков. – Повезло вам сегодня. А ну пошли отсюда, а то быстро оформлю.

Як и Палый вышли на улицу и молча побрели по тротуару. Вдруг Яка кто-то дёрнул за подол куртки. Он остановился и обернулся. Девочка протянула ему куклу:

– Возьми. Она же тебе понравилась!

Недалеко стояла мамаша девочки и улыбалась сквозь слёзы.

Рерихи

Наш детский сад часто закрывали на карантин. Мы не знали, что такое «карантин». Но когда взрослые говорили это слово, нас долго не отпускали домой. Мы жили в садике, пока не скажут:

– Карантин закончился!

Вот и в тот раз его объявили. Пришла большая заведующая в группу, обвела всех взглядом и выкрикнула: «Объявляется карантин!».

– А-а-а-а! – закричали мы, кто как мог.

Не любили мы этот карантин. Хотя было в нём что-то хорошее. Вот, например, начнёшь играть с подружками и так разыграешься, что время не замечаешь, а тут родители за тобой приходят и надо идти домой... А во время карантина мы все вместе днями-ночами, играй-наигрывайся сколько в тебя влезет...

Как назло – играть не хотелось. Но надо искать себе занятие. Мы с Ленкой сели рисовать. Она нарисовала деревья, девочку грустную, собирающую цветочки. Я сидела и не могла придумать – что мне нарисовать. Вообще я была левша – ну, удобнее мне было рисовать левой рукой. А воспитательница ругалась и заставляла взять карандаш в правую руку. Я взяла карандаш, и из-под него стали вырисовываться красные горы – такие же, как у нас дома на картинах. Папа говорил:

– Это Рерих.

И я поняла, что горы называются всегда так – рерих. Они были фиолетовые. Но фиолетового карандаша не было, и я рисовала красные рерихи.

Я не заметила, как подошла воспитательница и сказала:

– Возьми карандаш в правую руку...

Она подошла так неожиданно, что я вначале даже испугалась и сломала карандаш. Красный стержень вывалился. Я переложила обломок в правую руку. А левой стала раскатывать стержень по бумаге. Больше красного карандаша не было. Как теперь закрасить рерихи?.. Мне стало грустно, и как-то сами собой потекли слёзы. Стержень я катала по бумаге, вся выпачкалась красным цветом, подпёрла голову правой рукой и хлопала носом. Обидно было почему-то. Слёзы капали прямо на красных рерихов, и горы как будто начали уходить под воду. Размываясь, цвет становился розовым, и мне пришла идея:

– Давай намочим листок и станем рисовать на мокрых листках, – предложила я Ленке.

Но Ленкина нарисованная девочка всё ещё собирала цветы, и им было не до меня.

Я пошла к умывальнику, намочила листок и понесла к столу. Надо было нести его очень осторожно, ведь на нём оставалась вода...

Мальчишки играли, как всегда, в войнушку и решили, что меня-то они и расстреляют. Но не тут-то было: я подставила подножку одному из них, он упал, а я вместе с листком уже была у рисовального стола.

– Е-е-е-е-е... – завыл сиреной упавший Мишка.

Но я уже положила листок на стол и наклонилась к нему:

– Хочешь со мной рисовать рерихов?

– Ага! – Мишка вытер нос, ему уже надоело играть, тем более его «подбили».

– А кто такие рерихи?

– Ну, это такие горы! Только ты должен намочить листок, мы будем рисовать их на мокрых листках.

Мишка взял из шкафа листок и пошёл к умывальнику.

Он оказался более проворным, и даже не раненный дошёл до стола.

Я показала Мишке, как надо поломать карандаш, а стержень раскатать по мокрой бумаге. Это было интересно. К нам подошли Катя, Назым, Богдан. Они нам завидовали. Мишка под таким вниманием старался вовсю. Наш разломанный красный карандаш уже закончился. Мы взяли зелёный и жёлтый. Получилось всё краше и краше. Я показала Мишке, как нарисовать верхушки гор. И мы всем рассказали, что это рерихи. Один за другим все начали таскать бумагу из шкафа, мочить её и ломать карандаши...

– Ух ты! – у кого-то стало получаться так красиво, что глаз было не отвести.

– Смотри, смотри, у меня какие!

– А у меня вот какие!

Зашла воспитательница. Когда она увидела, что мы все расселись кто где – за столом, на полу, на стульчиках и что-то раскатываем по мокрой бумаге, а рядом валяются изломанные карандаши, она вначале выпучила глаза, потом набрала воздух в рот и закричала:

– Что вы делаете?!

Мы притихли. И кто-то сказал:

– Мы рерихи рисуем!

– Кто это придумал? – строго спросила воспитательница.

– Мы... это... это же рерихи! – выговорил Мишка.

Воспитательница подобрела и сказала:

– Рерихи... Рерихи вы мои! Это же красками надо... Завтра принесу краски.

Июлай МАСАЛИН

Кетоз

Повесть-сказка

Глава первая – «День первый»

Лето. Раннее утро. На опушке леса простиралась огромная лужайка, зеленеющая густой травой. Над ней, словно невесомые хлопья плывущих под синим небосводом лебединых облаков, кружили разноцветные бабочки. Они с высоты обозревали ярко-лимонные, фиолетовые, красно-коричневые и белоснежные крупинки полевых цветов. Ориентируясь по запахам, разлитым в свежем прозрачном воздухе, бабочки выбирали возжеленное лакомство, каждая по своему вкусу. И, насытившись сладким нектаром, демонстрировали красоту непредсказуемого полёта. Среди них преобладали солнечно-жёлтые махаоны и хвостоносцы с сине-зелёным металлическим блеском крыльев. Однако не они, а две бабочки-траурницы полетели выше всех, словно радуясь солнцу, всё больше и больше набравшему высоту над горизонтом. Всецело увлечённые захватывающей игрой в полёте, они поочерёдно возносились ввысь и опадали вниз, как связанные невидимой нитью. Скоро они оказались на высоте птичьего полёта, когда другие благоразумные бабочки летали чуть повыше верхушек травы, опасаясь атаки птиц. Однако беда пришла не от них. Возникший совершенно неожиданно, словно вырвавшийся из-под земли, свирепый вихрь навсегда развёл бабочек-траурниц. Одна из них вовремя отпрянула в сторону на безопасное расстояние от сумасшедшей круговерти, тогда как другая угодила прямо в центр турбулентной стихии.

Необузданная сила безжалостно кружила беспомощно трепыхавшуюся бабочку среди пыли и мелких частичек сухой травы, всё дальше унося несчастную жертву, для которой подобный кошмар продолжался до тех пор, пока удар стихии на себя не принял двухэтажный особняк, находившийся неподалёку от лужайки. Под натиском вихря настезь распахнулась слегка приотворенная форточка одной из комнат на втором этаже, и тут же закрылась с громким хлопком, как только бабочка оказалась в помещении. И тогда страх, пережитый в объятиях вихря, моментально уступил место ужасу замкнутого пространства. Бабочка долго кружила по комнате, паникуя и летя на свет, но больно ударялась об оконное стекло. Наконец, обессиленная, она присела на металлическую люстру, висевшую под потолком, расправив иссечённые стихией крылышки, страдая от боли во всём теле.

В душном помещении Бабочка ощутила гнетущую нехватку свежего воздуха. В поисках выхода из каменной ловушки она снова полетела по комнате, изучая каждый её уголок. На стене перед Бабочкой предстали три картины. На одной из них была изображена спящая обнажённая молодая женщина, остальные представляли собой лесные пейзажи. Бабочка села на одну из них, машинально выбрав наиболее старую, неосознанно ощущая, что чем картина старше, тем сильнее она излучает чистую энергетику, подобно древней чудотворной иконе.

Когда временно отступившая духота снова стала угнетать её, Бабочка заметалась по комнате в поисках места, где бы ей дышалось намного легче. И нашла его у окна, когда припала к щели форточки и почувствовала свежий воздух с густой смесью травяных запахов.

Прижимаясь к оконной раме, Бабочка всю ночь дрожала в лихорадочной тревоге. Слегка наклоняя сложенные вместе крылья подобно парусу на ветру, она словно надеялась, что с восходом солнца непременно вернётся к благоухающим цветам.

На рассвете раздался металлический скрежет замка, протяжно заскрипела дверь, и послышались шаги тяжело ступающего человека. Уныло опустив голову, в квартиру вошёл молодой мужчина, по роду занятий которого можно было бы назвать Бизнесменом. Не снимая верхней одежды, он мешком свалился на диван.

Глава вторая – «Бизнесмен»

Проснувшись утром, Бизнесмен не смог сразу вспомнить, где он находится, и оставался лежать на диване, будто недовольный тем, что проснулся. Абсолютная тишина в доме у опушки леса, вдали от изматывающей городской суеты, поначалу ему показалась гнетущей. Десять лет он работал с большим напряжением сил и к 35 годам нажил значительное состояние, занимаясь продажей недвижимости. В последние три года он испытал безумную страсть и познал настоящую, но неразделённую любовь. А всё началось в тот далёкий, канувший в прошлое августовский день, во время отдыха на берегу водохранилища. Долго загорая лёжа на животе, Бизнесмен перевернулся на спину и увидел поблизости молодых женщин, видимо, недавно прибывших на пляж. Бизнесмен с интересом наблюдал, как две из них смело бросились в воду, за исключением красивой блондинки со спортивной фигурой и миндалевидными глазами. Медленно и осторожно, словно ощупью ступая на песок, боязливо она вошла в воду и стала неспешно отходить от берега, постепенно погружаясь. А когда блондинка снова вышла на берег, не намочив даже волосы, Бизнесмен обратился к ней:

– Добрый день! Извините меня за назойливость! Мне как будто послышалось, что вы шёпотом сказали «*помогите мне!*».

Услышав голос, показавшийся ей знакомым, женщина вздрогнула. Она пристально посмотрела на мужчину, будто пытаясь что-то вспомнить, прежде чем ответила:

– Здравствуйте! Вы правы. Я прошептала: «*О, Боже, помоги мне!*». По давней привычке, перед выходом на сцену, я мысленно обращаюсь к Богу...

– Ясно, – пробормотал мужчина.

– А что вам ясно?

– Вы – балерина. К тому же, в отличие от ваших подруг, вы прима-балерина. Если позволите, я буду называть вас Балериной.

– Вы очень догадливы!

– Вы грациозно передвигались на носках, как по сцене, да ещё крайне осторожно. Я полагаю, что вы осознанно бережёте ноги. Вы – настоящая королева на сцене и в жизни.

– Пожалуй, я не соглашусь с таким суждением. Прежде всего, вряд ли вы знаете, какая я – настоящая. Кроме того, любая женщина может восприниматься как Королева только рядом с настоящим Королём. Когда вы последний раз кормили птиц?

– Пару дней назад я кормил голубей в городском парке. А почему вы спросили об этом?

– Просто я сама никогда не совершала такого благородного поступка... Завязался непринуждённый разговор как между хорошими знакомыми.

– Нельзя ли танцевать балетные партии без музыкального сопровождения? – спросил Бизнесмен. И тут же подумал, что она непременно будет смеяться над его наивным вопросом. Однако, к его удивлению, Балерина долго думала, прежде чем ответила:

– Мне кажется, что балетный спектакль и есть тот самый конгломерат, все поры которого «залиты» музыкой. Однако поры занимают незначительную долю в объёме любого предмета. Поэтому я поясню свою мысль другими словами. Музыка что-то укрупняет в спектакле, а что-то уводит в тень. Скажем, если балетные артисты хорошо танцуют, то зрители почти не замечают музыку. А если она выходит на первый план, то это значит, что балетные артисты танцуют не совсем хорошо. В принципе можно обойтись и без музыкального сопровождения, но вряд ли зрителю от этого будет комфортно. Во время спектакля танцующие сильно топают ногами, а музыка приглашает это.

– В каких балетных спектаклях больше всего вы любите танцевать? – спросил Бизнесмен.

– Мне выбирать не приходится. Репертуар театра определяется его директором и художественным руководителем. А им нужны творения ушедших из жизни композиторов. Если после их смерти прошло 75 лет, тогда не нужно платить за авторское право.

– Почему вы решили стать балериной?

– В раннем детстве я сильно переживала из-за того, что не могла парить в воздухе подобно птицам. С тех пор ощущение красоты в движении для меня стало важным стимулом. И став балериной, каждый раз открываю в себе колоссальные возможности, чтобы выразить различные характеры и образы на сцене средствами пластики, жестов и телодвижений. Однако в последние годы всё больше убеждаюсь в том, что человеку вовсе не нужно завидовать птицам, поскольку огромное творческое удовлетворение и звёздные мгновения долгожданного успеха позволяют ему свободно парить над землёй в своих ощущениях...

– Вы волнуетесь перед выходом на сцену?

– Всегда. Иногда волнение бывает паническим.

– Каким образом боретесь с волнением?

– Я не борюсь. Путь к творческому созиданию лежит только через волнение.

Наступила пауза. Бизнесмен впервые подумал о том, что встретил женщину, которая резко отличалась от всех других женщин его круга. А когда она оделась, перед ним словно предстала американская красавица Барби, внезапно ожившая и сошедшая с витрины супермаркета, жестикулируя беспокойными «поющими» руками балерины. К тому же она оказалась интересной собеседницей, яркой и харизматичной женщиной, временами напоминающей наивную девчонку. В состоянии безмолвного восторга Бизнесмен уверовал, что любой мужчина, впервые разглядевший её, уже никогда не сможет от неё отвернуться. Бизнесмен вовсе не подозревал о том, что его новая знакомая могла скрыть от него свои истинные намерения, говоря ему то, что он хотел от неё услышать. Бизнесмен также не мог представить себе, что спустя годы он найдёт её улыбку заученной.

– А вы чем занимаетесь? – поинтересовалась Балерина.

– Бизнесом.

– О, как это романтично! Встретились два одиночества – Балерина с Бизнесменом. Можно мне вас называть Бизнесменом?

– Разумеется.

– Если признаться честно, я не рада встрече с вами ...

– Почему?

– Любой человек, наживший большое состояние, – эгоист. Как правило, у больших денег не бывает нормальных источников. Всецело овладевая умом и сердцами людей, во всём мире должны властвовать *Справедливость и Доброта*. Однако эти понятия совершенно бессмысленны в нашей технотронной цивилизации, где всё зиждется на бизнесе. Каждый раз, когда из разных уголков света до меня докатывается эхо трагедии умирающих от голода детей, мне хочется посмотреть в глаза каждого мультимиллионера...

– Ох, как вы ненавидите злых предпринимателей!

– Ненависть мне кажется более естественной реакцией, чем безразличие, когда корпоративные группы и олигархи подкупают журналистов, экспертов, государственных чиновников и депутатов.

– Пожалуйста, не смотрите на меня с таким презрением, будто я – воображаемый вами олигарх с тугим кошельком, взвинчивая цену на аукционе Сотби или Кристи, отнимаю у вас картину вашей мечты! Если хотите сказать, что человечество должно отказаться от чрезмерного потребления, вы будете правы, без всякого сомнения. Возможно, вы больше верите тому, что показывают и рассказывают по телевизору, пишут в газетах и журналах. А я – человек, у которого в первый раз ничего не получается, и который, принимаясь за любое дело, никогда не забывает о морали. А если кто-то не занимается бизнесом, то это значит, что такой человек не хочет много работать и тратит свои силы только на поддержание собственного существования. Возможности есть у каждого человека, и всё зависит от желания. Вполне возможно, что вы ненавидите не только предпринимателей, но также всех богатых людей?

– Вовсе нет. Львиная доля затрат для нужд общества покрывается за счёт богатых налогоплательщиков. Они за всё платят. Мне их даже жалко, поскольку богатые люди переживают неизбежность смерти и бренность мирской жизни тяжелее, чем бедный люд. Обедневшие по воле случая богатые люди, как показывает жизнь, в большинстве своём быстро тупеют и не знают – как им дальше жить, и часто в лучшем случае остаются в одиночестве, а в худшем – один на один с врагом, который сидит внутри каждого из них. Получая известие о кончине простого человека и миллиардера одновременно, мы больше думаем о последнем из них, невольно испытывая неоднозначное загадочное чувство, связанное с тем, что будто Смерть сотворила чудо. Но и богатые люди бывают разными. Щедрая натура немногих из них не даёт им сойти с ума от богатства. Может, пора прекратить этот скучный разговор о богатых? Намного интереснее просто разговаривать и поближе узнать собеседника.

– Вы имеете в виду меня?

– Пусть даже будет так, хотя о вас мне уже известно многое ...

– И какой же я человек?

– Вы – мужчина, у которого есть всё для полного счастья, за исключением впечатляющего боевого шрама на лице. Однако мужчины могут совершать подвиги, и не имея при этом шрамов. Не так ли?

– Я не могу говорить вслух о тех деяниях и поступках, совершённых мною ради других. Вы можете охарактеризовать себя одной фразой?

– Я – самая счастливая женщина среди романтиков, поскольку для меня домом является любое место, где проведу более двух дней. Однако мне, как всегда, не хватает тесного общения с интересными и умными людьми. Возможно, мой организм нуждается в такой защите от физической усталости. И много времени я провожу на сцене, репетируя не покладая рук и ног, а также часто слушаю музыку в полном одиночестве.

В течение месяца они часто встречались и общались по телефону. Однажды Балерина пригласила Бизнесмена в гости на свою съёмную квартиру, где угостила его клубничным салатом и красным вином. Бизнесмен искренне восторгался вкусом салата. Не признавая за собой кулинарного таланта, Балерина говорила об удачном подборе ингредиентов – запах и смесь клубники, ванили и оливкового масла – всё вместе и создавало неповторимый вкус. Она особо подчеркнула, что ягоды клубники оказались сами по себе очень вкусными. Тут же ею был высказан тонкий намёк с прицелом на будущее о том, что для приготовления вкусного блюда нужен особый настрой, которого ей постоянно не хватает, и она – человек творчества, не может рассчитывать на постоянный успех в таком чётко выверенном искусстве, каким является кулинария.

Перед отъездом Балерины на очередные гастроли, уверившись в том, что влюбился в неё навеки, Бизнесмен пригласил её в ресторан. Набравшись храбрости, за столом он сообщил ей о том, что они необходимы друг другу в качестве верных спутников жизни. В ответ она стала убеждать, что не может сделать его счастливым, когда постоянно ходит усталой и беспокойной, нервничает между спектаклями, и у неё всегда что-то болит. Подобно профессиональной спортсменке, она боится потерять форму, и не приведи Господь ей растолстеть! На сцене живёт страстями, хотя в реальной жизни напоминает годами дрессированного циркового животного. Она также призналась, что завидная безупречность королевы сцены в каждодневной жизни выглядит больше миражом, чем реальностью. Такое чистосердечное признание воспринималось Бизнесменом как естественная реакция молодой женщины на его неожиданное и серьёзное предложение. Но вскоре, после возвращения из зарубежного турне, она согласилась жить с ним, но без официального оформления брака. На его настойчивое предложение она ответила мрачной шуткой: *дорога в ЗАГС является дорогой в ад.*

Бизнесмен купил комфортабельную квартиру в престижном районе города. Балерина дома еду не готовила, и они обедали и ужинали в дорогих ресторанах. Во время зарубежных гастролей она останавливалась в пятизвёздочных отелях. Балерина бездумно тратила его деньги на дорогие автомашины, наряды и украшения. Бизнесмен неоднократно выражал своё недовольство, тщательно подбирая самые безобидные слова. На вопрос: «Есть ли у тебя любимый камень?» – она ответила, что ей нравятся многие обработанные минералы и драгоценные камни – алмаз, аметист, аквамарин, дымчатый сапфир и опал. Тогда он напомнил ей, что настоящие украшения вечны, а женщина должна носить только такое единственное украшение, которое ей больше всего нравится...

Тут же подхватив начатую Бизнесменом фразу, Балерина закончила её за него: «... без оглядки на кого-либо и невзирая на цену. Прежде чем приобрести какую-то вещь, я влюбляюсь в эту самую вещь». Затем добавила, что ей не нужны его миллионы, а всего лишь она не хочет жить без комфорта. Однако Бизнесмен больше всего был озабочен тем, что должен доказать ей, что он не только богат и щедр, но также сильно любит её.

Однажды на его предложение завести ребёнка Балерина ответила с оттенком негодования в голосе:

– Этот вопрос мы потом обсудим ...

– Ну нет, обсудим прямо сейчас. Если скажешь, что со временем, в качестве балетмейстера, ты станешь матерью своих милейших учеников, передавая им накопленный тобою опыт, то такой ответ для меня будет не особенно желанным, но ситуацию прояснит ...

– Мой докучливый друг! Я не собираюсь делиться с другими опытом, накопленным мною в поте лица в течение многих лет. Кроме того, ребёнок может связать женщину по рукам и ногам до конца жизни, которая людям дарит возможность реализовать свои мечты. Ни семья, ни дети не вправе лишать женщину возможности воспользоваться таким шансом. И наконец, я вовсе не хочу, чтобы обо мне писали в газетах как о неподготовленной к материнству балерине, которая любит театр больше, чем собственного ребёнка.

– Почему ты так уверена в том, что являешься неподготовленной к материнству?

– Мне кажется, что я не смогу постоянно поощрять своего ребёнка на то, чтобы он задавал всевозможные вопросы, позволяя ему расспрашивать меня обо всём. Разве ты не замечаешь, как порою я нервно реагирую на твои вопросы? К тому же у ребёнка не должно быть свободного времени. В этом заключается суть воспитания детей.

Третий год совместной жизни для них оказался самым сложным и трудным. Однажды на вокзале Бизнесмен встретил Балерину, возвращавшуюся из зарубежного турне с роскошным букетом цветов. Когда она вышла из вагона, Бизнесмену показалось, что перед собой видит застывшее в напряжении лицо Анны Карениной в момент принятия ею рокового решения, запомнившееся ему после просмотра одноимённого кинофильма. Опасения Бизнесмена оказались ненапрасными – каждый раз после репетиции Балерина приходила домой сильно расстроенной. Он поддерживал её, как только мог, с трудом подбирая слова утешения. Однажды он ей сказал:

– Ты не должна добиваться от себя сиюминутного и большого успеха одновременно...

– Не поняла. Ты разговариваешь на непонятном мне языке.

– Я хотел сказать о том, что к вершине успеха следует восходить по низким ступенькам. И ещё, как мне кажется, самое важное – это то, что ты думаешь сама о себе, а не мнение других. А удача должна восприниматься как неожиданный подарок судьбы.

– Разве мы не можем разговаривать на другую тему?

– Не нужно так нервничать! Я не могу говорить о чём-то другом, если ты чувствуешь себя скверно.

– Тогда скажи мне, что я должна умереть на сцене. От такого пожелания мне станет намного легче.

Однажды Балерина пришла домой с репетиции сильно расстроенной, и сквозь слёзы призналась Бизнесмену, что новый балетмейстер слишком требователен к ней. А Бизнесмен давно догадывался о том, что она часто плакала тайком от него.

– Чего балетмейстер добивается от тебя? – спросил Бизнесмен.

– Он добивается более изящной лёгкости в моих движениях. А оценка лёгкости является ничем не измеряемым ощущением человека. Причём балетмейстер вовсе не ценит амплитуду моих прыжков, которая намного выше, чем в исполнении моих главных конкуренток. Суждения балетмейстера ещё субъективны тем, что танцы описываются словесно, когда методика письменной фиксации движений ещё не разработана. Я хотела бы танцевать под руководством балетмейстера-иностранца из какой-нибудь маленькой экзотической страны.

– Почему? – удивился Бизнесмен.

– Возможно, что в таком случае он ругался бы на своём языке, который мало кто понимает.

– Моя дорогая, когда человек заряжен эмоциями, понятен любой язык. А что касается лёгкости движения, как я понимаю, она даруется человеку от Бога. Может, тебе пора заниматься другим делом?

– Первая леди страны является настоящим знатоком и ценителем балета. Она старается не пропускать ни одного спектакля в нашем театре. Когда первая леди входит в зал за пять минут до начала представления, зрители стоя приветствуют её бурными и продолжительными аплодисментами в знак благодарности за то, что она много времени уделяет благотворительности. Как только зрители начнут аплодировать мне меньше, чем ей, только тогда я перестану выходить на сцену и займусь другим делом. А пока мне необходимо постоянно чувствовать публику, её любовь и обожание.

– Ну что же, желаю тебе успеха и советую, когда тебя станут ругать балетмейстер, самой его пожалеть...

– Я так и делаю, но жалею не балетмейстера, а дирижёра...

– Почему?

– Дирижёру всегда намного труднее, чем всем остальным. Он должен быть на голову выше музыкантов. Если танцовщики предстают только перед судом зрителей, то перед дирижёром целый оркестр, хор, солисты, балет, за которых он отвечает. К тому же он должен безошибочно чувствовать зал и искренне радоваться и удивляться одарённости других...

Наступило время, когда Балерина перестала ездить на гастроли, получив травму правого колена от перенапряжения. А после полного выздоровления ей перестали доверять исполнение главных ролей в балетных спектаклях, и она танцевала только в массовых сценах. Тяжело переживая ситуацию, вместо того чтобы заниматься реанимацией своей сценической карьеры, Балерина начала экспериментировать над своей внешностью, одевалась чрезмерно экстравагантно и ежедневно меняла причёску. Потратив уйму денег на модельера и популярного стилиста, каждый раз она демонстрировала всё более безвкусную эклектику в одежде. Она облачалась то в тёмно-цветные длинные наряды, напоминая средневекового рыцаря, то носила слишком короткие платья яркого цвета в стиле «мини», готовые «подпрыгнуть» верх при лёгком дуновении ветра, предоставляя взору прохожих дамское бельё того же цвета, что и кожа. И даже при этом кое-кому могло показаться, что под одеждой и вовсе ничего нет. В зависимости от настроения, она красила волосы в разные оттенки. Подобную метаморфозу в её поведении Бизнесмен не понимал, а Балерина ему не объясняла, какую цель преследует, если не считать одной небрежно оброненной неубедительной фразы: *«Душой и внешне жена всегда должна оставаться незнакомкой для мужа. Штамп портит их отношения».*

Он вовсе перестал делать ей замечания после того как однажды на его очередное негодование она нервноотреагировала словами: «Если считаешь, что я неважно выгляжу в моих нарядах, можешь себя утешить тем, что я наиболее красива в совершенно обнажённом виде».

Развязка наступила неожиданно. Уехав на запланированные гастроли по скандинавским странам, назад Балерина не вернулась. Безутешно горевавшего Бизнесмена бросало то в жар, то в холод. Жизнь превратилась в муку. И только спустя месяц она сообщила ему в письме о том, что собирается выйти замуж за скандинавского бизнесмена. Ровно половину письма занимали извинения за то, что она не оправдала его надежд. Своего теперешнего избранника она описала весьма перспективным для неё мужчиной. По её словам, норвежец клялся быть благодарным Балерине всю свою жизнь за то, что во взаимоотношениях с ней он успешно прошёл целебный курс сексуальной дезинтоксикации. И теперь, благодаря Балерине, он с большим уважением стал относиться к женскому полу.

В конце письма она сообщила о предстоящей свадьбе и красочно описала с нетерпением ожидаемую картину – в ослепительно белом свадебном наряде и в сопровождении своего жениха по красной ковровой дорожке, устланной поверх малахитовых ступенек, она спустится к вежливо расступающейся перед ними толпе аристократов под прицелом многочисленных кинокамер.

Бизнесмен разорвал письмо в клочья. С лицом, искажённым в жуткой гримасе, напоминая внезапно сломавшегося робота и широко открывая рот, он безуспешно попытался произнести слова безмерного негодования.

Остаток дня Бизнесмен провёл в мыслях о том, как она легко с ним рассталась. Он неоднократно возвращался к вопросу: *«Можно ли забыть Родину ради любви или ради одного человека?»*.

Всю ночь Бизнесмен горевал по поводу произошедшего с ним несчастья и сильно негодовал. К утру гнев перешёл в жалость, и он искренне жалел Балерину, думая о том, что узнать и понимать бесцеремонно высокомерного иностранца можно только после того, как познающий человек полностью очистит свою память и забудет всё, что прежде знал. Бизнесмен сильно сомневался в том, что Балерина сможет адаптироваться к новым условиям, поскольку она выросла в стране, где чуть более полвека назад на призыв стать «стахановцами», многие люди стали «стакановцами», если иметь в виду стакан гранёный, впервые изготовленный в городе Гусь-Хрустальный в пору всеобщего восхищения полотнами пролетарского художника Петрова-Водкина.

Постепенно Бизнесмен вовсе перестал выходить из дома. Месяц спустя старческая дрожь рук ему напоминала о близости смерти. Во время беспокойных снов ему снилась Балерина. Даже днём он слышал посторонние голоса. Разговаривая с самим собой, отвечал на вопросы, раздающиеся неизвестно откуда и адресованные вовсе не ему. Затуманенный разум не способствовал совершению логичных и разумных поступков. Поэтому свою фирму он передал в доверительное управление, а сам продолжал думать только о Балерине. Настало время, когда у него постоянно болела голова, в ушах барабанил стук собственного сердца и частенько тошнило. Однажды в зеркале он увидел, как его руки плетью свисали с плеч, как омертвелые. Его походка стала настолько неуклюжей, что однажды он упал в общественном туалете, наступив на шнурки собственного ботинка. А выходя из туалета, больно ударился лицом о стеклянную дверь, которую не заметил, видя перед собой только пустое пространство дверного проёма. Стоя с окровавленным лицом, он думал о ней и тихо шептал: *«Она оказалась не такой уж глупой, какой хотела казаться. Я ошибочно предполагал, что своими безвкусыными нарядами и смехотворным видом слегка выжившей из ума девицы, она хотела возглавить позорный рейтинг общественного мнения. Но на самом деле она хотела быть узнаваемой, привлекая внимание мужчин, и достигла своей цели в далёкой скандинавской стране. Она опасна не столько для мужчин, сколько для себя самой...»*.

Однажды в приступе дикой тоски по Балерине, оказавшись в ванной комнате, Бизнесмен жадно вдыхал запах её нестиранного белья. Затем почувствовал внезапный приступ слабости во всём теле. Испугавшись своего состояния, он поспешил в гостиную, где находилась домашняя аптечка с лекарствами. Придя в себя, он рылся в различных вещах, оставленных ею. Но ничего особенного не обнаружил, за исключением дюжины кассет с записями документальных фильмов о выдающихся артистах балета. Бизнесмен стал просматривать одну из них. Перед глазами замелькали кадры, и на экране телевизора появился всемирно известный пятидесятичетырёхлетний балетный артист, мультимиллионер, с нездоровым и преждевременно постаревшим лицом. Он переступает порог комнаты в коммунальной квартире, где в

крайней нужде проживает его первый учитель балета – согбенная седоволосая женщина в роговых очках с массивными стёклами. Они не виделись вот уже тридцать лет. Она с восторгом встречает гостя – своего бывшего любимого ученика. Они обнимаются. Он дарит ей пышный букет цветов и восклицает:

– Вы прекрасно выглядите!

– Разве?! Ведь мне скоро исполнится сто два года, – говорит она.

– Здорово! И я хочу прожить до ста лет! – снова восклицает знаменитый мультимиллионер, хотя прекрасно осведомлён о своей неизлечимой болезни.

Потрясённый увиденным фрагментом, Бизнесмен тут же выключил видеоролик, считая, что после столь волнующего и драматичного эпизода уже невозможно увидеть что-либо более трогательное. Затем Бизнесмен подумал о том, что данный эпизод мог произвести неизгладимое впечатление и на Балерину. И тут же в его мозгу возникли вопросы: «Кому из этих двух персонажей могла завидовать Балерина? Столетней старушке, всю жизнь прожившей в коммунальной квартире, еле сводя концы с концами и занимаясь любимым делом, или мультимиллионеру, владеющему островами в райских уголках земного шара и медленно умирающему от неизлечимой болезни под ежеминутным страхом смерти, поскольку жить ему тогда оставалось всего три года?».

Однажды, заставив себя выйти из дома, Бизнесмен долго бродил в городском парке, не замечая буйно цветущих сиреневых кустов и яблоневых деревьев вокруг себя. Но он не мог не заметить старика и старушку, неторопливо прогуливающих, заботливо поддерживая друг друга.

По совету друзей Бизнесмен посетил Центр психологической реабилитации. Там, в кабинете психотерапевта, в течение часового сеанса Бизнесмен не испытал ни малейшего облегчения. Наоборот, его раздражали монотонный голос психолога и абсурдные советы. Например, он говорил: *«Слушайте чаще музыку Баха, и всё станет на свои места»*, или часто повторял не совсем умную, но известную каждому подростку фразу: *«Если женщина тебя любит – тем лучше для тебя. А если она тебя не любит – тем хуже для неё»*. А на другой день Бизнесмен решил отказаться от помощи психотерапевта.

Однажды Бизнесмен зашёл в книжный магазин. Там он обратил внимание на толстую книгу. Взяв её в руки, стал перелистывать страницы. Книга оказалась самоучителем китайского языка. Бизнесмен долго любовался непонятными, но весьма затейливыми и веющими многовековой тайной иероглифами. Бизнесмену показалось, что они волновались подобно живым существам и стремились к мысленному контакту с человеком, уловив момент проявленного к ним интереса с его стороны. Бизнесмен купил самоучитель вместе со словарём китайского языка. В тот же день, поздно вечером, он выехал из города на автомашине в надежде обрести душевный покой в тишине своего загородного дома.

Глава третья – «День пятый»

Бабочка не оставляла попытки пролететь сквозь оконное стекло, больно отбивая свои нежные крылышки о непреодолимое препятствие. Между бесплодными усилиями она впадала в забытье от смертельной усталости и, прижимаясь к оконной раме, подолгу оставалась в неподвижности. Постепенно в организме бабочки начинался кетоз, то есть процесс, в науке известный как один из индикаторов длительного голодания. При непрерывном голодании в процессе кетоза мозг живого существа получает сигнал о необходимости запастись как глюкозу, так и белок. И организм начинает экономить глюкозу, потребляя вместо неё кетоны. Сохранение белка осуществляется за счёт его меньшего использования для производства глюкозы, для образования которой белок поступает

из косвенных источников, например – из жировых запасов в организме или из воздуха, содержащего ничтожную концентрацию различных химических соединений.

По мере вынужденного привыкания к голоду боль в желудке Бабочки немного поутихла, но одновременно резко обострились её вкусовые ощущения, нюх и слух. Следом произошло и чудо – Бабочка начала мыслить.

«Я – попавшая в беду бабочка-траурница. Мои силы иссякают с каждым днём. Помощи мне ждать неоткуда, хотя поблизости находится человек, который может меня спасти. Он лежит на диване, всего в нескольких шагах от меня. Прошло трое суток, а он ещё ни разу не вставал с дивана, хотя его мочевого пузыря давно умоляет его об освобождении. Во сне он несколько раз громко кричал, произнеся слова: *«О, моя дорогая, любовь моя, зачем ты так поступила со мной!»*. Похоже, предательство подруги обрекает его на гибель. Я полагаю, что прежде он сильно любил её, а теперь безнадежно болен ею. Больной является медленно умирающим человеком, и чем медленнее он умирает, тем больше на нём зарабатывают врачи и фармацевтическая индустрия. Если человек не желает обращаться к врачам, следовательно, он не хочет жить. Обычно в благополучной семье смерть мужа является невосполнимой потерей для его жены, которая уже больше никогда не сможет говорить кому-либо те слова, которые могли быть выслушаны и поняты только одним-единственным человеком. Также нередко случается, что смерть выдающейся личности может стать для общества невосполнимой потерей, подобной, например, уничтожению уникальной библиотеки древних рукописей в пожаре. Однако человек может выжить даже в самых безнадежных ситуациях, поскольку способен сочинять самые радостные мелодии в самые печальные дни своей жизни. У каждого человека своя судьба, и по велению Бога ему суждено осуществление какой-то знаковой цели. Когда она достигается, Бог забирает человека. Возможно, этому человеку суждено жить, поскольку он ещё молод. А если так, он непременно придёт в себя и, заметив несчастную бабочку, выпустит её на волю. Однако даже придя в себя, он может не заметить меня. Среди горожан часто встречаются невнимательные и даже душевно больные люди. Мегалополисы губят душу людей и нередко доводят их до самоубийства. Всё реже и реже отдыхают на природе горожане, которые не любят прислоняться спиной к лесному дереву для успокоения души. А если даже человек оказывается на лоне природы, то это может быть признаком его крайнего равнодушия к окружающим и означать его уход из цивилизации. О, Господи, простите меня за то, что я интересуюсь теми проявлениями в поведении человека, в которых явственно проступают признаки патологии. Но если даже хозяин дома меня заметит, ещё неизвестно, как он ко мне отнесётся. Многим людям бабочки кажутся тиражированными экземплярами одной и той же книги в красивой цветной обложке, содержание которой их совсем не интересует. А некоторые люди, глядя на бабочек, вовсе не созерцают красоту, а с отвращением смотрят как на проявление диковинной кожной болезни. Следовательно, хозяин дома может меня просто прихлопнуть. Когда встречаются два человека, наблюдая за ними со стороны, я никогда не смогла бы предугадать – будут ли они обниматься или душить друг друга. Однако, как всем известно, надежда умирает последней. Мои крылья выложены чешуйками бархатисто-тёмно-коричневого цвета. Говоря научным языком, я принадлежу к отряду чешуекрылых летающих насекомых. А этот мужчина может принять меня за рукокрылого насекомого, тем самым отдалённо напоминающего человека, и, возможно, тогда он мне поможет выбраться отсюда на волю, поскольку мы все поглощаем один и тот же кусочек лакомства, которое называется Природой. Мы также немногим отличаемся в оценках некоторых вещей. Например, люди говорят, что пища

имеет необыкновенно *приятный* вкус, тогда как я, бабочка, оцениваю такую пищу как имеющую необыкновенно *яркий* вкус. Для нас, бабочек, существует *красный* цвет, который воспринимается людьми как *кровавый*. *Седовласый* человек для меня является человеком с *серебряными* волосами. Повстречав немало людей в своей недолгой жизни, я стала тяготиться резким контрастом между крайностями в их поведении. Человеческий смех может внезапно смениться ругательствами. За вежливой улыбкой может скрываться коварная недоброжелательность. Однажды я была нечаянным свидетелем страшного случая. Ранним утром, когда я сидела на дрожавшем в утренней прохладе цветке, раздался глухой треск, напоминающий раскат небесного грома. Вдалеке вторило ему свинцовое эхо. Сильно испугавшись, я срываюсь прочь в тот момент, когда на землю падает окровавленная утка. А в это время из высокой травы поднимается человек, держащий в руках ружьё, к низу дулом, из которого струится дым с неприятным запахом. Испуганная до смерти жестокостью человека, я удалялась всё дальше и дальше от места встречи с ним, думая в полёте о том, как можно убивать без ненависти, не голодая и не боясь самому стать жертвой своей жертвы. Я размышляла, почему люди вырастают такими жестокими, получая материнскую ласку с самого рождения, тогда как любая новорождённая бабочка в одиночестве осушает свои крылья, покидая куколку, чтобы повторить жизнь своей матери, которую никогда не видела. И я подумала о людях как о существах, начинающих жить прежде, чем они обучились жить правильной и разумной жизнью. К тому же, завладев оружием, люди становятся чрезмерно агрессивными. Страдающая от людей Природа напрасно напоминает им о своих незыблемых законах, гневно протестуя громогласными раскатами во время грозы и играя молниями возмущения или выплёскивая наружу внутреннюю энергию вулканов. Однако в большинстве случаев люди мне представляются весьма любопытными разумными существами. При появлении любой незнакомой бабочки там, где обычно её не ждут, люди непременно подумают о том, что уже видели это крохотное существо, но где – не помнят. Увидев красивую бабочку, любопытные люди задают один и тот же вопрос: *как долго живут бабочки?* А в весьма редких случаях самые умные среди них задают даже и такой вопрос: *«В чём секрет неиссякаемого оптимизма бабочек?»*. И воодушевлённые, казалось бы, весьма странным вопросом, на него сами же и отвечают: *«При жизни любой бабочки ничто не успеваешь превратиться в тлен!»*.

Не так давно я повстречалась с людьми, один из которых спас мою жизнь. В тот день, после полудня, на небе появились белые и весьма тонкие облака. Скрывшись за ними, Солнце как будто превратилось в непогашенную по чьей-то забывчивости Луну синевато-молочного цвета, но без привычных тёмных пятен на поверхности. Подобное весьма редкое природное явление мною воспринималось как божественное знаковое предупреждение. Я – необыкновенно умное с самого рождения летающее насекомое и единственная в мире глубоко мыслящая бабочка-траурница, трезво оценила ситуацию и сильно испугалась. Однако я не знала – откуда ждать беду. В отчаянии я решила поискать людей, от которых могла получить жизненно важную информацию. И тут же спиной почувствовала чьё-то присутствие рядом со мной. Спешно обернувшись назад, в нескольких шагах от себя я увидела долговязую фигуру костлявого учёного с сачком в руке. Он ко мне подкрадывался по-кошачьи не из научного любопытства, в мыслях уже успев совершить преступление против меня. Обезумев от страха, я резко взмыла ввысь и стала удаляться прочь, думая: «О, Господи, зачем мне нужно было встречаться с человеком с сачком и фотоаппаратом, который считает, что любую бабочку легче поймать, чем сфотографировать! Я вовсе не желаю попадаться на глаза учёных. Но я не прочь оказаться рядом с людьми другой профессии».

Видимо, Бог услышал мою мольбу. Вскоре издалека я заметила, как на лужайке лицом к лицу стояли двое мужчин. Внимательно глядя друг на друга, они спорили так горячо, что не замечали меня, когда я кружила прямо над их головами. По обрывкам их разговора я поняла, что они были весьма образованными людьми. Они друг другу не задавали трудные для моего понимания вопросы, такие как, например, – «является ли закон тяготения всемирным?», и вовсе не дискутировали на такие сложные темы, как, например, – о *галактическом равновесии*. Один из беседующих был самоуверенным парнем, с чувственным ртом и сияющими чистыми намерениями глазами. На его профессию указывали тонкие пальцы в пятнах масляной краски. Рядом с ним стоял мольберт с незаконченным этюдом пышной травы с названием *живучка ползучая*, пленившей его душу и воображение своей неприхотливостью и жизнелюбием. А другой был худосочным стариком, имевшим профиль головы, принадлежащей человеку, каким-то непостижимым образом сошедшему с древнегреческой фрески. Опустив на землю корзину с собранными лечебными травами и напрягая голосовые связки, чтобы быть услышанным, старик говорил жалобным голосом:

– Мне восемьдесят лет. Всю свою сознательную жизнь, до самого выхода на пенсию, верой и правдой я служил Родине, работая инженером-метеорологом. Я провёл три зимовки на Северном полюсе. И порою мне так обидно оттого, что Родина не оценила по достоинству мои заслуги.

– А я равнодушно отношусь к жажде почестей и славы, ведь главное – заниматься любимым делом, реализовать себя, не думая ни о каких наградах.

Я отлетела в сторону, не желая слушать бессмысленные словопрения. Однако вспомнив, что старик был профессиональным метеорологом, вернулась назад, когда они разговаривали о другом.

Молодой человек спросил:

– Вы слышите пение птицы?

– Слышу.

– Угадайте: поёт самец или самка?

– Поёт самка...

– Нет, самец. Дело самки – выводить птенцов, и она тихо сидит в гнезде, не выдавая его, прикрывая телом ослепительную белизну дорогих ей яиц от посторонних глаз, – уверенно ответил молодой человек.

Затем они начали предсказывать погоду на следующий день по народным приметам. Парень твердил, что завтра нагрянет гроза с тяжёлым градом, тогда как старик предсказывал ясную погоду. Внутренний голос мне твердил, что я не должна верить старому человеку, еле стоявшему на дрожавших ногах, подсознательно робея перед недвусмысленными невзгодами жизни. В его возрасте смерть бродит где-то рядом, нагоняя страх. И, не мешкая, я стала подавать сигнал тревоги, обращая внимание других бабочек, внезапно появляясь низко над травой и камнем падая вниз. Я надеялась, что подаваемый мною сигнал «опасность!» спасёт много жизней. Но этого не случилось. Порхающие вокруг меня бабочки сначала насторожились и тревожно озирались по сторонам – нет ли чего опасного. Однако не обнаружив непосредственной угрозы, они продолжали оставаться беспечными. Инстинкт самосохранения мне повелевал спастись бегством, и я одна полетела в сторону вертикальных скал, надеясь укрыться в их расщелинах в случае непогоды. А наутро с севера приплыли чёрные дождевые тучи, и разразилась сильная гроза. Многие бабочки, застигнутые ею, погибли либо в полёте, либо там, где прятались от града с перепелиное яйцо. Когда ненастье отступило, снова появилось солнце, освещая жуткую картину, которую видели немногие. До самого горизонта простиралась полоса с телами мёртвых

бабочек с распротёртыми крыльями. От ужаса моментально исчезло моё ощущение цвета. Любой оттенок, даже самый яркий и белый, тогда воспринимался мною как чёрный. Плакали те немногие уцелевшие бабочки разных видов. Когда плачут все, видовое различие между ними не имеет значения. Повсюду трава вокруг меня словно отсырела от моих слёз. Я, единственная бабочка-траурница, уцелевшая в этой местности, чувствовала себя обречённой на гибель изгнанницей в пустыне, в одиночестве умирающей от жажды. Выгнувшись в струнку и склонив головы, мне соболезновали чёрные тюльпаны. Застыли в трауре стройные тёмные берёзы. С тяжёлым горем я справилась только потому, что вдруг уловила докатившееся до моего сознания эхо властного призыва, обращённого ко всем живым, но произнесённого неизвестно кем: *«Завидуйте тем, кто умер рано!»*. Впоследствии я долго не могла избавиться от неубывающего страха, оставаясь в плену постоянной тревоги и думая о том, что могу не осуществить своё предназначение в короткой жизни на земле, которая мне показалась густонаселённым призраками местом, где не происходит ничего, кроме нескончаемой похоронной процессии, когда всех везут на встречу со смертью. Я была совершенно убеждена в том, что Природа произнесла своё проклятие на каждом клочке Земли, являющейся бездонным кладбищем. А жизнь представлялась мне пожиранием одних слабых созданий более сильными существами, и при этом каждый хищник выбирает жертву по размеру своей пасти и объёму желудка в то время, когда солнце с почтительного расстояния бесстрастно наблюдает за концом каждой смертельной игры.

Прошло не так много времени после грозы с градом. Дожди, холодные зори, дневная жара и ветры сменяли друг друга. С каждым днём я всё больше замечала вокруг меня бабочек разных видов. Среди них я выглядела самой пугливой, осторожной и одинокой. Между короткими полётами я непременно пряталась в каком-либо тенистом убежище. Однажды, когда я решила отдохнуть под старым пнём, на меня набросилась синица-лазоревка, терпеливо ожидавшая свою жертву. Я полетела зигзагами, не желая превратиться в кусочек мяса в птичьем клюве, отчаянно кувыркаясь на лету каждый раз, когда меня наступала преследовательница. К моему счастью, в это время в воздух дружно взмыла огромная стая бабочек, и я растворилась в многоцветном облаке, трепещущем над лужайкой. Тактика коллективной защиты, организованной во имя моего спасения, сработала безупречно. Однако я не могла успокоиться ни на миг, опасаясь бродячих и притаившихся в засаде охотников за бабочками. Пауки-скакуны, самые активные убийцы бабочек, расставляют свои ловчие сети в траве и сидят там, истекая слюной в предвкушении удачи. Когда я порхала над землёй, она словно шевелилась от движения всепожирающих муравьёв и сопротивляющихся им жертв. При резких порывах ветра изогнутые стебли кустарников казались мне раскачивающимися головами грозно шипящих ядовитых змей. До наступления сумерек я пряталась в покинутом гнезде варакушки, свитом из листьев деревьев, прилипая ко дну гнезда и уподобляясь мёртвому существу. А в это время гсуцались поздние сумерки, как я предполагала, только потому, что свет всегда проигрывает в нескончаемой борьбе с тьмой. На фоне темнеющего неба одна за другой зажигались огромные ярко-лучистые звёзды вокруг полной луны. Вскоре поднялся ветер, и небо постепенно скрылось за облаками. Ночь предстала тёмной и полной зловещих звуков. Кругом жалобно скрипели деревья на разные лады. Где-то тревожно квохтала перепёлка. Кузнечики издавали тихое стрекотание, от страха разделённое короткими паузами. Окликавая собратьев по виду, они вместе собирались на ночлег. Ежеминутно меня тревожил тоскливый зов или надрывный возглас, а временами я слышала голоса с недовольными и грозными интонациями. С утончённой злобой в голосе подвывали волки в дубравах.

Полнолуние вызывало у них прилив эмоций. Вдруг вдалеке я приметилла ярко светящуюся неиссякаемой синевой самку светляка – *Царицу ночи*. Её немигающий свет тлел ярким угольком, привлекая самцов. «Вот почему ночные бабочки безудержно тянутся к свету и опалают в огне крылья, видя перед собой не огонь, а прелестное и сводящее их с ума сине-зелёное мерцание!» – подумала я. И с этого момента во мне проснулось неукротимое желание, жаждущее удовлетворения. Меня сильно взволновал и манил воображаемый мною зов незнакомого самца бабочки-траурницы. Я подумала о том, жизнь удивительна тем, что обязательно наступит время, когда почувствуешь, что где-то на земле тебя ждёт желанный и привлекательный партнёр для совместного с ним продолжения рода бабочек-траурниц.

Прошла та ночь в лихорадочной тревоге, и настал новый солнечный день. Меня разбудила юная заря, играя на невидимом таинственном многострунном инструменте. Из кустов подала свой флейтовый голос иволга. В жидком синеватом тумане беспрестанно гудели пчёлы. Раздалась соловьиная трель. Отдельные радостные и мелодичные свисты сливались со звучными и восторженными возгласами, мгновенно растворяясь в лесном многоголосье. В свежей утренней прохладе дрожали яблони и вишни, наряжённые в лёгкий белый цвет. Повсюду вокруг меня суетились и гомонили разные насекомые, отогревшиеся после ночной прохлады. Я радовалась жизни вместе с ними, понимая, что навсегда исчез неконтрольный страх, сковавший меня вчера. Я вдруг подумала о том, что хотя жизнь полна опасности, любая бабочка не любит оставаться в тени, потому что она окрашена более ярко, чем кто-либо. Я была уверена в том, что самое удивительное в этой пылающей страстями многоцветной жизни – это её безостановочное движение, и что в ней я являюсь самым умным и красивым существом. По самому краю моих крылышек проходит жёлтая кайма, а между коричневым и розовым цветами, будто драгоценные украшения – красуются голубые и бирюзовые пятна в чёрной оправе. Я даже не испугалась тогда, когда перед моими глазами муравьи тащили огромную для их размеров гусеницу, не подававшую признаков жизни.

В тот день я долго и безуспешно кружила над зелёными лугами в поисках желанного партнёра. Мне попадались бабочки других видов, от которых не исходил запах, знакомый мне ещё с тех пор, как я вылупилась из яйца, превращаясь в куколку.

После заката солнца я устроилась на ночлег в дупле старого дерева. И только ранним утром следующего дня мои долгие старания увенчались успехом. Наконец-то в воздухе я встретилась с бабочкой-траурницей, самцом, пропитанным запахами нездешних цветов. Без помощи ветра он не мог залететь так далеко. От радости мы кружили и кувыркались на лету, по очереди заслоняли крыльями солнечный свет и демонстрировали разноцветную палитру своих крыльев, меняющуюся в зависимости от интенсивности света, падающего на нас каждый раз под различным углом.

Дрожа в предвкушении того самого важного события, которое может случиться в жизни любой бабочки только раз незадолго перед смертью, в тот миг мы безбоязненно летели всё выше и выше, без страха перед высотой. А когда мы были близки к идеальному завершению чудесного дня, нагрянула беда – неожиданно я оказалась в объятиях разбушевавшегося вихря.

Окончание в следующем номере.

Андрей ЛОПАТИН

Âđăăíàÿ ïđèâû÷êà

Рассказ

Недавно я задумался: а когда же появилась эта привычка? Долго в памяти отматывал жизненную ленту назад, но так и не припомнил себя без сигареты в зубах. Постепенно добрался до очень далёких времён, увидел себя идущим в школу, в начальный класс: за спиной ранец, а в ранце пачка сигарет – мой школьный завтрак и обед. И тут, наконец, понял, кто был первый и главный виновник – конечно, школа! Она, негодница! Кого-то она научила хорошо считать, кого-то грамотно писать, а меня – заядло курить. Потому и вспоминаются мне из тех времён не уроки, а перемены, да ещё школьный туалет-курилка. Там была главная жизнь и учёба.

В пятом классе я уже был на голову ниже своих сверстников, но это мешало расти моему авторитету в их глазах. Некоторые даже завидовали тайно, ведь я выкуривал по две пачки в день, мог зараз и в затяжку скурить кубинскую сигару на спор! Это было круто.

Однажды, после уроков, в свой кабинет меня вызвал директор. Юрий Иванович набросился чуть ли не с кулаками.

– Бычков, до каких пор на тебя будут жаловаться учителя? К твоей парте они даже подойти не могут – так от неё несёт табаком! Подумай, ведь скоро ты перейдёшь в шестой класс – и на тебя, такого, не посмотрит ни одна девчонка!

– Посмотрят, Юрий Иванович, – спокойно отвечал я, – от них пахнет ещё хуже: табаком с ментолом!

Он долго расхаживал по ковру, видимо, подыскивая гневные слова, но вместо этого подошёл к окну и, словно самому себе, сказал:

– Ох, уж этот ментол... Сколько лет я пытаюсь её убедить...

– Жена? – рискнул угадать я.

– Да, жена... и курит всё с ментолом! – вздохнул он. – Меня от этого запаха иной раз тошнить начинает!

– Согласен с вами: табак только портят, – поддакнул я.

– Тоже пробовал? – спросил он.

– Пробовал... стошнило. Разве это курево!..

– А сейчас какие смолишь? – поинтересовался он.

Ответ у меня был готов: с самого начала я заметил на его столе открытую пачку «Столичных».

– Раньше «Столичные» употреблял, теперь на ленинградские перешёл.

– Отчего это тебе, Бычков, «Столичные» не понравились? – уже с неподдельным интересом спросил директор.

– Изжога от них! А по утрам в горле сушит.

– Считаешь, ленинградские лучше?

– Ну, если фабрики Урицкого, то табак обычно хороший, а если Клары Цеткин, то так себе...

– Гм! Я-то думал, что у меня одного от них изжога и горло по утрам сушит, – признался Юрий Иванович и неожиданно предложил: – Ты, Бычков, не стой там, в дверях. Присаживайся.

Я сел на краешек стула.

– Ленинградские, говоришь?.. – задумчиво сказал он. – А какие марки?

– Ну, сначала «Ленинград» курил, только он дороговат. Теперь всё больше «Космос», в мягкой упаковке... Не хотите попробовать? Одну сигаретку?

Юрий Иванович заколебался, но ненадолго.

– У тебя с собой?

– У меня всегда с собой!

– Хорошо, тогда одну... на стол... положи... я потом... А вообще бросать не пробовал?

– Пробовал.

– Ну и как? Поделись-ка опытом.

– Да по-разному бывало...

Я прокашлялся и озвучил рецепт:

– Самое лучшее средство – заболеть!

– Как, заболеть?

– Например, простудой или гриппом. Когда из носа течёт и горло болит, курить не очень хочется. Момент самый подходящий, чтобы бросать. Я однажды целую неделю курить не мог. Жаль, потом выздоровел...

– Эх, я тоже пробовал! И не раз... У меня-то стаж побольше твоего, мне труднее бросить...

– Да ерунда это всё, Юрий Иванович! – парировал я и, видимо, забывшись, добавил: – Говорят, это слабохарактерность!

У Юрия Ивановича даже выпали из рук очки, он резко прервал беседу. Его взгляд снова стал грозным.

– Ладно, Бычков, ступай! И подумай хорошенько!

«Вот окончу школу, тогда брошу!» – говорил я себе. Но как только получил аттестат зрелости, в стране наступил пик застойного периода: в магазинах стали исчезать продукты, а за компанию и сигареты. Всё лучшее можно было тогда достать только из-под прилавка, по великому благу. Народ был рад даже «Памиру»! Тут-то я и смекнул...

В мае, как принято у нас в стране, все огородники высаживают картофель. Наверное, я был первым, кто нарушил эту старую традицию – посадил табак. Нашёл семена у стариков и засеял большую часть огорода. Как воевали со мной родственники! Как язвили соседи! Как смеялись надо мной знакомые! Всё стерпел. Говорят, смеётся тот, кто смеётся последний. Невзирая на окружающих, я терпеливо ухаживал за табаком и дожидался осени.

Застой крепчал на глазах, сигареты с прилавков исчезли. Люди «попали» неожиданно, некоторых охватила паника. По ночам пришлось сторожить огород: любопытные начали заглядываться на мои плантации всё чаще.

Первым сдался сосед.

– Бычков! – взмолился он. – Давай меняться: мешок картошки на куст табака?

– На ветку! – отрезал я.

– Ты что, Бычков, совсем обнаглел?!

– Тогда чай кури! Или лапу соси! – ответил я, вспомнив недавнюю обиду.

– Хорошо, давай за ветку, изверг! Что б ты лопнул!

За соседом потянулись и другие. Валюта моя оказалась надёжнее доллара. Родители радовались, ведь в семье теперь имелось самое главное – деньги, картошка и табак!

Пришло время служить в армии. Слава богу, мудрое военное руководство в тот тяжёлый период понимало: у солдат автоматы и танки, поэтому заботливо выдавало каждому по двадцать пачек «Памира» каждый месяц. Этого, видимо, хватало, чтобы армия не двинулась на Кремль. Но, будучи солдатом, я по-прежнему не расставался с давней мечтой. «Вот когда отслужу, пойду на «гражданку» – тогда обязательно брошу!» – говорил я себе.

Но стоило мне демобилизоваться, как в стране наступила новая перестроечная эпоха. Железный занавес обрушился, и на прилавках появились «Marlboro», «LM», «Winston», «Camel»... и много чего ещё! Слюнки текли от этого изобилия! Очень хотелось попробовать самому, что же они, счастливы, курили там, за кордоном, когда тут нас травили «Памиром» производства фабрики Тбилтабак! В ближайшее время бросить курить уж точно не представлялось возможным, а виноват в этом был, естественно, – Горбачёв.

Вскоре я женился, появились дети. Жена мне досталась некурящая, и моя привычка стала для неё отличной причиной для придинок:

– Ишь, какие дорогие покупает! Сам зарабатывает гроши, а на это не жалеет, от семьи отрывает! Лучше бы детишкам что-нибудь на эти деньги купил!

Я не спорил, чувствуя за собой вину, только вяло отбивался:

– Дорогая моя, я терпеть не могу ничего дешёвого. Я всегда выбираю только самое лучшее! Вот тебя однажды выбрал...

Но она на это не покупалась.

– Обычная слабохарактерность! Сейчас в аптеках всякие средства от курения продают, разные терапии изобрели! А сколько кругом экстрасенсов, которые избавляют от этой зависимости? Я на полном серьёзе, Бычков!

И здесь она была права: новое время явило не только обилие разных сигарет, но и способы, как избавиться от курения. Вопрос был поставлен ребром. «Нет, сам я не брошу. Пойду к экстрасенсу, – решил я. – Завтра же!».

Когда я зашёл в коридор, народу в очереди было больше, чем за водкой в Лигачёвскую кампанию. В те времена экстрасенсам доверяли больше, чем матери родной или отцу. Я встал с краю, рядом с девушкой, и спросил:

– Первый раз к нему?

– Нет. Уже десять сеансов прошла!

– Ну и как, помогает?

– Не знаю, но человек он хороший... Внимательный, обходительный, отзывчивый... – тут она закатила глаза в потолок и восхищённо добавила: – А какой ласковый!

Такой отзыв несколько озадачил. Но я тут же вспомнил, что я мужчина и, следовательно, волноваться мне не о чем. А чуть позже заметил, что мужчин экстрасенс долго не задерживал. Через несколько часов подошла моя очередь.

– Я излечиваю любые недуги! Можете не сомневаться, – сказал он, изучая меня взглядом. – Но плату беру вперёд!

Я положил деньги на стол, и они тут же исчезли в сейфе. Совершив над моей головой какие-то манипуляции руками, экстрасенс удивлённо сказал:

– О, да у вас, голубчик, куча заболеваний! И подкопчиковая шишковляма, и пестробуйная супилома, и пипец двусторонний!

– Это что за болезни такие? – недоумевал я.

– Вот именно! – он поднял палец вверх. – Даже медицина их ещё не открыла! Поэтому и бессильна! От этих болезней успешно избавляю только я один!

– Да мне бы курить бросить... – пояснил я.

– Ах вот в чём дело! Ну это совсем пустяки!

Он снова поколдовал над моей головой и сказал:

– Сеансов, этак через десять, вы забудете, что такое табак! Методика моя эффективна на сто процентов!

Действительно, методика оказалась очень эффективной. Уже намного раньше, после пятого сеанса, курение не представлялось возможным – мне просто не на что было покупать сигареты!

Даже жена почему-то запретила ходить к этому замечательному доктору.

Следующий путь был в аптеку. Кто-то посоветовал купить пластырь – не простой, а никотиновый. По инструкции его требовалось прилепить на тело, например, на плечо. Дома, с огромной надеждой и воодушевлением, я достал пластырь из упаковки и стал примерять, куда бы лучше приклеить, чтоб не мешал, как в эту минуту вошла жена и тут же выхватила его из рук.

– Вот так будет надёжнее! – сказала она и без всякой примерки заклеила мой рот.

Утром пришлось отрывать, ведь нужно было идти на работу. Кое-как с женой справились, оторвали!.. А коллеги потом весь день донимали вопросом: куда же подевались мои усы?

У жены оказалось богатое воображение и целая куча рецептов: наши попытки не прекращались. Что я только ни перепробовал: и ходил на иглоукалывание, отчего облысел; и ходил к психотерапевту на гипноз, отчего стал лунатиком; и даже ходил с детской соской во рту, отчего нажил гастрит – ничего не помогло!

Сегодня я уже немолод. Дети подросли, ходят в ту же школу. А может быть, в туалет-курилку, куда когда-то ходил я?.. Жду не дождусь, когда Юрий Иванович вызовет на ковёр.

Только что с работы пришла жена. Вид у неё какой-то взбудораженный.

– Дорогой! – кричит она прямо с порога. – Я нашла ещё одно новое средство! Купила сегодня импортные свечи!

Я по привычке настораживаюсь.

– А их что, надо поджигать или... – невольно тут представляю одну неприятную процедуру.

– Сейчас разберёмся!

Мы садимся на диван, жена открывает коробочку и внимательно читает инструкцию.

– Нет, не поджигать... – говорит она и сочувственно переводит взгляд на меня. – Ну, ты потерпишь, Бычков? Для семейного блага, а?..

Ей уже действительно меня жалко.

Я обречённо вздыхаю. Что ж, не поджигать, так не поджигать – будем следовать инструкции! Ради своей мечты и моей заботливой, беспокойной жены я по-прежнему готов на многое! Ведь надежда умирает последней!

г. Чита.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 03.08.2012 г.

Подписано к печати 11.09.2012 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 4563.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».
